

Руслан Жуковец

ВЕЛИКИЕ МИСТИКИ

как они есть

ВЕЛИКИЕ МИСТИКИ, КАК ОНИ ЕСТЬ

РУСЛАН ЖУКОВЕЦ

АННОТАЦИЯ

Очерки, представленные в этой книге, практически не содержат в себе сколько-нибудь полных биографических сведений о жизни их героев. Они посвящены исследованию их миссии, послания и того, что суфии называют Работой. Я писал о тех, кого считаю действительно великими мистиками, хотя не все из них таковыми признаны. Я не стал ограничиваться одним только анализом деятельности конкретных Учителей, но включил в книгу несколько очерков о поздних стадиях суфийского Пути и способах передачи знания. На мой взгляд, они позволят читателю понять ситуацию, в которой оказывается любой настоящий мистик, более полно и глубоко.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	1
Ошо: ошибающийся мастер	3
Порфирий Иванов: безумие мистика	29
Идрис Шах: новая традиция	55
Кришнамурти: проводник в стране без дорог	81
Рамана Махарши — настоящий святой	105
Загадка Георгия Гурджиева	127
Линия передачи	159
Я и Гурджиев	187
Исчезновение в Боге	213
Любовь мистиков	231
Избранные Богом	243
Феномен адвайты	263

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь и бытие мистиков всегда остаются загадкой даже для тех, кто знает их лично, а тем, кто знает их только по книгам и воспоминаниям, понять удастся еще меньше. Жизнь мистиков обростает вымыслами, причем одни из них создаются недоброжелателями, а другие – последователями, которым трудно удержаться от того, чтобы не впасть в соблазн преувеличения достоинств и способностей своего Учителя. Клевета сопутствует прекраснодушным фантазиям и проекциям, очернение идет рука об руку с обожествлением. Великие мистики никогда не воспринимаются людьми однозначно, и потому пишут и говорят о них всякое. Люди судят мистиков согласно своему опыту и представлениям, и тут, конечно, глубокого понимания ждать не приходится. Дела и поведение мистиков кому-то дают основание для их осуждения, а кому-то – для подражания, но суть их послания и деятельности обычно остается нераскрытой. Не имея собственного мистического опыта и переживания Истины, адекватно понять Работу мистиков вообще невозможно.

Тем не менее их послание и методы работы с учениками требуют осмысления и понимания, ведь множество людей

берут их за основу для своего поиска. Время все расставляет по своим местам, и сейчас уже можно видеть, к чему пришли последователи того или иного из Учителей и во что превратилась начатая ими Работа.

Очерки, представленные в этой книге, практически не содержат в себе сколько-нибудь полных биографических сведений о жизни их героев. Они посвящены исследованию их миссии, послания и того, что суфии называют Работой. Я писал о тех, кого считаю действительно великими мистиками, хотя не все из них таковыми признаны. Я не стал ограничиваться одним только анализом деятельности конкретных Учителей, но включил в книгу несколько очерков о поздних стадиях суфийского Пути и способах передачи знания. На мой взгляд, они позволят читателю понять ситуацию, в которой оказывается любой настоящий мистик, более полно и глубоко. В этой книге я предлагаю ответы на многие вопросы, которые, как мне точно известно, мучают многих искателей. Надеюсь, что она будет полезной для них, как и вообще для всех, кого интересует Путь – в самом широком смысле этого слова. Ведь опыт Работы каждого мистика – это самое ценное знание, доступное нам в обычном состоянии восприятия.

ОШО: ОШИБАЮЩИЙСЯ МАСТЕР

Пробуждать людей можно по-разному. Можно рассказывать им о страданиях их обывденной жизни, стараясь усилить в них ощущение безысходности и неотвратимости постоянно повторяющихся мук, вызванных нереализованными желаниями. Можно указывать на механистичность их действий и вообще жизни, в которой они всего лишь куклы, повинующиеся импульсам психических реакций, сформированных в раннем детстве. Каждый пробужденный выбирает свой способ, который он использует для достижения поставленной цели. И хотя способы могут быть разными, но все они должны создавать в людях беспокойство, лишая их привычного «сна наяву».

При этом, конечно, следует помнить о том, что есть некий общий «призыв», обращенный ко всем, кто может его услышать, и есть индивидуальная работа с конкретным человеком – с учеником или тем, кто собирается им стать. Слова, призванные привлечь внимание многих, несут в себе общую идею, новый взгляд на жизнь и описание методов изменения ситуации, в которой находятся люди. Работа с учеником индивидуальна, и в ней методы пробуждения несколько иные.

Общий призыв Ошо был таким – станьте свободными, избавьтесь от догм и обусловленности! Само по себе послание было позитивным, но избавление от догм требовало их критики, и потому Ошо ниспровергал религиозные представления, ругал политиков и высмеивал уклад жизни человечества. Все это прекрасно у него получалось, и, как водится, именно критикой всего и вся он нажил себе немало врагов. Доставалось всем – священникам, верующим, и основателям религий тоже. Характерно, что сам Ошо демонстрировал полную свободу относительно своих собственных суждений – говоря в одном месте об Иисусе с большим уважением и пониманием, в другом он легко мог назвать его «бедным евреем, в маленькую голову которого попала большая идея о том, что он мессия». И так было во всем – непривязанность к собственным суждениям породила массу противоречий в его книгах, особенно если читать их подряд, считая каждое слово Мастера чистой Истиной.

Извечный вопрос, мучающий всех учеников, – должен ли Мастер быть последовательным. В случае с Ошо с последовательностью утверждений дело обстояло очень плохо. Сегодня он мог сказать одно, а завтра – совсем другое, несколько не беспокоясь о том, как это «переварят» умы его слушателей. Вторая проблема, с которой обычно ученики и любопытствующие носятся как курица с яйцом, – может ли Мастер ошибаться. Для тех, кто хочет верить в непогрешимость гуру или считать своего учителя сверхчеловеком, подобная ситуация неприемлема. Вот вам пробуждающая ситуация, ставящая ум перед выбором – принять происходящее или не принять – Мастер, который говорит то одно, то другое. Тут вы должны либо оставить привязанность к деталям, к буквализму и смотреть на суть послания, либо назвать все это чушью и пойти туда, где вам будут говорить одно и то же. Тогда вы выучите все, что нужно выучить, и ваш ум успокоится, впад в новую обусловленность и наполнив себя прекрасными идеями.

Ошо сознательно выбирал непоследовательность, но такое же качество присуще практически всем остальным Мастерам,

хотя оно проявляется ими согласно ситуации, в которой они работают. Действуя в контакте с Высшим, Мастер полагается на видение ситуации, которое у него есть, на ощущение тенденций возможного развития событий или, как говорят суфии, на видение Узора. Но человеку никогда не дано увидеть всю картину в целом, к тому же ситуация может поменяться в один день. Так, например, Гурджиев строил большие планы относительно развития Работы в Фонтенбло, но автомобильная авария, в которую он попал, отменила их напрочь. Похожая история случилась и с Ошо, который при переезде в Америку и основании Раджнишпурама говорил о новых перспективах и возможностях в своей Работе, но результаты этого начинания оказались весьма плачевными. В приведенных мной примерах изменение планов можно списать на внешние обстоятельства, однако и Воля Бога будет точно таким же непреодолимым обстоятельством, которое будет явлено лишь Мастеру и никому больше. И если на все Воля Божья – то разницы между несбывшимися планами, нарушенными по внешним причинам или отказ от них в силу следования той же Воле – нет никакой.

Мастер может видеть разные возможности, но далеко не всегда они оказываются реализованными – в силу самых разных обстоятельств. К примеру, у кого-то из учеников может быть высокий духовный потенциал, и Мастер говорит ему об этом, говорит о возможностях, которые существуют. Но ученик почти ничего не достигает, потому что не может преодолеть своего страха или обусловленности. Можно ли сказать в таком случае, что Мастер ошибся?

Что касается Ошо, то он ошибался постоянно – как кажется, делая это совершенно сознательно. Приводя примеры из жизни других Мастеров или знаменитостей, Ошо допускал массу ошибок, серьезно искажая факты или даже придумывая новые истории на ходу. Его это совсем не беспокоило, и когда

один из учеников захотел исправить их в текстах книг, выпускаемых на основе бесед Ошо, он запретил это делать. «Важна суть того, что я хочу передать, а факты не имеют значения», – так (или примерно так) заявил Ошо в ответ на упреки в неточности приводимых им историй.

Читатели книг Ошо делятся на две категории. Первые прочитывают одну-две книжки и теряют к ним интерес. Вторые читают их постоянно, благо говорил Ошо много, издают его обильно и, пока перечтешь все его книги, пройдет несколько лет. Я сам когда-то читал их «запоем» и находил массу сведений по самым разным вопросам – как религиозным, так и общим. И мне казалось, что я знаю все обо всех просветленных и чуть ли не обо всех религиях тоже. Позже, когда я занялся серьезным изучением текстов, принадлежащих разным традициям, я убедился в том, что Ошо очень своеобразно подходил к изложению информации и основывать свое понимание какой-либо религии или мистического течения, полагаясь только на его слова, – нельзя. Тем не менее мне довольно часто приходилось встречать людей, полностью очарованных книгами Ошо и считающих, что они знают обо всем на свете. Подобная иллюзия возникает у всех поклонников его книг, и они готовы с пеной у рта отстаивать точку зрения, усвоенную ими от Мастера, пребывая в уверенности, что их истина безупречна. Вот одно из следствий легкого отношения Ошо к фактам, соединенного с изумительным даром рассказчика. Другое следствие заключается в том, что многих отталкивает как непоследовательность Ошо, так и ошибки в его рассказах, но на всех, что называется, не угодишь. Да и не было у него такой цели.

Работая с людьми, Ошо стремился к тому, чтобы они не привязывались к его словам, слушая промежутки, молчание между ними. Говорил он медленно, с большими паузами. У тех, кто присутствовал в зале во время его бесед, действительно

возникала возможность отстраниться от своего ума и войти в медитативное состояние. Теперь, когда Ошо уже нет, остались только его слова, облеченные в книги, и непоследовательность, использовавшаяся им как метод для работы с умами учеников, становится препятствием для тех, кто пытается узнать Истину. Так все меняется с уходом Мастера, и почти любой действенный метод пробуждения людей, использовавшийся им, либо теряет силу, либо меняет действие, и часто – на противоположное.

Ошо сам неоднократно говорил, что не хочет оставлять после себя никакого учения. Его и не осталось, поскольку на комментариях к разным текстам, которыми, по сути, были его беседы, ничего стройного и логичного не построишь. А если учесть количество противоречивых и прямо отрицающих друг друга утверждений, сделанных Ошо за годы его общения с людьми, – то на создании учения можно спокойно поставить крест. Однако это не значит, что из книг Ошо нельзя почерпнуть ничего полезного. Есть, как минимум, две темы, которые изложены им последовательно, ясно и достаточно полно. Первая из них – тема осознанности. О ней Ошо говорит много, но в разных местах, и, чтобы получить подробную информацию по этой теме, надо прочитать немало его книг. Сейчас выпускаются компиляции отрывков из разных бесед Ошо, собранные по определенным темам, но они, как правило, легко и приятно читаются, не оставляя в уме почти никакого «остатка». Есть и компиляция с названием «Осознанность», но она тоже достаточно поверхностная. По всей видимости, человек, создававший эти сборники, сам не имел

высокого уровня понимания. А может быть, хотел опустить тексты Ошо до уровня нашей поп-культуры.

Если уж читать Ошо, то читать его нужно исключительно целыми книгами. Каждый цикл бесед несет в себе определенное настроение, имеет свою энергетику и свое послание. Каждая новая глава связана контекстом с предыдущими, и потому вырывать что-либо из него можно, но тогда часть смысла просто утрачивается. Однако чтобы вникнуть в тему осознанности в подаче Ошо, потребуется прочитать хотя бы с десяток его книг. Он говорит о ней то там, то здесь, часто повторяясь по сути, а иногда и по форме. И благодаря этому, читая разные книги, вы как бы начитываете одно и то же послание, которое хорошенько усваивается вашим умом. Ошо много говорит о подавлении и работе с ним, о главном принципе свидетельствования – неотожествлении и многих других вещах, прямо связанных с практикой осознания себя. Начитывать одну и ту же книгу, чтобы ум мог пропитаться ее содержанием, способны далеко не все. Становится скучно, и кажется, что ты все уже понял, даже если это совсем не так. А читать разные книги, где автор так или иначе возвращается к теме осознанности, – куда проще, и это не воспринимается как насилие над собственным умом. Так что в подходе Ошо есть свои плюсы и свои минусы – как, впрочем, и в любом другом подходе.

Ошо описал массу аспектов свидетельствования и нюансов выполнения этой практики. Вершиной осознания он считал осознание свидетеля или *осознание осознания*. Получалось так, что рост осознанности, с постоянным направлением внимания внутрь себя, должен был привести к тому, что вся его сила обращалась бы к своему источнику – индивидуальному Сознанию человека. В этот момент происходил бы взрыв энергии и наступало просветление. Вот так Ошо описывал главную тайну просветления, хотя была у него еще доктрина

«не-ума», к которой я вернусь позднее. И тогда же мы вернемся к осознанию осознания и возможным причинам просветления.

Вторая тема, которую Ошо великолепно изложил в своих беседах, касается взаимодействия и работы Мастера и ученика. Он знал о ней не понаслышке, поэтому его суждения точны и основаны на собственном опыте. Для потенциальных учеников книги Ошо в этом смысле могут быть очень полезными. Другое дело, что сейчас можно найти не так уж много Мастеров, прямо работающих с людьми. Сейчас в моде семинары, тренинги и ответы на вопросы со сцены. Тем не менее из книг Ошо можно многое узнать о том, чем истинный Мастер отличается от ложного, и научиться различать их в жизни. Это знание весьма полезно для тех, кто ищет руководство на своем пути, но и тут, чтобы собрать наиболее полную информацию, придется прочитать не одну и не две его книги.

Ошо говорил, что в нашем мире существуют только две бесконечные вещи – терпение Мастера и тупость ученика. В этом с ним трудно не согласиться.

Еще одна тема, которую Ошо сделал чуть ли не центральной в своем послании, была тема бунтарства, восстания против догм и ограничений обусловленности. Здесь он совпал с тенденциями своего времени – 60-х годов двадцатого века – когда на Западе происходила сексуальная революция, возникло движение хиппи, которые хотели свободы и духовной трансформации, а в России, кстати, тоже прошла так называемая «оттепель» после длительного периода репрессий. Можно сказать, что Ошо воплотил стремление людей к свободе в духовном измерении. Доходило до того, что он называл себя духовным террористом, что сейчас звучит, конечно, несколько иначе, чем тогда, когда терроризм еще не стал одной из главных угроз безопасности людей. Ошо призывал не идти на компромиссы с ложью, распространяемой священниками и политиками, и был поэтому очень неудобен для многих из них, поскольку критика его была язвительной, остроумной и точной.

Мистики всегда связаны с тенденциями своего времени, даже если и опережают его. Самые выдающиеся из них, вроде пророков, закладывают новые модели развития будущего,

другие просто осуществляют работу по связи Высшего с земным. Они, как проводники Воли Бога, не могут быть полностью отстранены от процессов, происходящих в человечестве. Если внимательно рассмотреть жизнь любого мистика – при условии, что мы будем иметь достаточно информации о нем, – то нам обязательно откроется связь его послания и Работы с тем, что происходило в это время с людьми. Так было и с Ошо – его бунтарский дух пришелся очень ко двору на Западе, и именно поэтому большинство учеников прибыло к нему оттуда. Они и задали темы его бесед, сориентировав Ошо на рассматривание текстов из всех традиций, чтобы дать ответы на вопросы, которые люди привозили ему со всех концов света.

Взаимодействие Мастера с учениками всегда обоюдное: он влияет и воздействует на них, а они – отчасти – на него. Их необходимость откликается в Мастере, выражаясь через практики, которые он для них создает, а их неожиданные вопросы порождают ответы, столь же неожиданные, но открывающие новые аспекты Истины. Чем выше качество учеников, тем выше качество Работы, которая может быть сделана при их непосредственном участии, и тем больше может раскрыться Мастер как проводник Высшего к человеку и человека к Высшему. Можно сказать, что без талантливых учеников Мастеру раскрыться полностью порой просто невозможно. У Ошо учеников было много, но принимал он их, что называется, с лету, практически на ходу. Человек мог приехать в ашрам на неделю и получить посвящение в ученики – саньясу. Таким был подход Ошо к саньясе – с одной стороны, этим он ломал традиционные индуистские представления об ученичестве, с другой – набирал учеников почти по тому же принципу, по которому в социальных сетях сейчас добавляют в друзья – чем больше, тем лучше. Сам Ошо считал, что даже такое посвящение может изменить жизнь человека, может привести его к занятиям медитацией и, в итоге, к духовной трансформации. Сказать тут

особенно нечего, кроме того, что каждый Мастер выбирает свой способ пробуждения людей. Время показало, что большинство саньясинов как легко получили саньясу, так же легко с ней и расстались, но легкость отношения ко всему вообще была частью послания Ошо, поэтому горевать тут не о чем. В какой-то момент учениками Ошо числились десятки тысяч человек, но с таким количеством людей эффективно работать невозможно. В ситуации, когда учеников тысячи, постоянный прямой контакт с Мастером неосуществим, если, конечно, вы не входите в «ближний круг». Поэтому ученики Ошо работали над собой сами, выполняя динамические и прочие медитации и стараясь практиковать осознанность.

Если посмотреть на практики, изобретенные Ошо, то складывается впечатление, что он верил в полезность сверхусилия. Они длятся по часу, а иногда дольше, включая в себя очень активные движения, требующие большой интенсивности и самоотдачи. Требующие тотальности, как сказал бы Ошо. В своих практиках он пытался привести людей к взрыву энергий, который сам испытал во время просветления. Поэтому в них было все, чтобы раскачать и поднять внутренние энергии человека, а активные стадии нередко сменялись полным замиранием, чтобы спровоцировать этот самый взрыв. Здесь Ошо был близок к Гурджиеву, который считал, что сверхусилие может привести к прорыву, когда внутри ученика открываются скрытые источники энергии, приносящие последнему новый трансцендентный опыт. Ошо искал другого, но суть его поиска была схожей. Самая известная из медитаций Ошо – динамическая – выполнялась в его ашраме два раза в день, но больших результатов, насколько мне известно, это не принесло. Любой, кто выполнял ее, знает, что эффект внезапной остановки после получасового движения утрачивается довольно быстро – примерно через неделю ежедневной

практики. Ум привыкает к упражнению, и потом оно становится этакой приятной формой тренировки, хотя часть, связанная с выражением подавленных энергий, может сохранять свою актуальность и более длительное время.

Необходимость выражения подавленных энергий – одно из главных открытий Ошо в том, что касается практической стороны работы над собой. Хотя латихан существовал и до него, но именно Ошо ясно сформулировал необходимость очищения внутреннего пространства для современных людей. Он дал немало практик, но те, что связаны с выражением, – наиболее ценные из них. Не считая, конечно, упражнений по осознанию и самонаблюдению. Все свои практики Ошо называл медитациями, распространяя этот термин на самые разные по сути упражнения – от хаотического дыхания до вхождения в транс через визуализацию – но это, что называется, его право. Теперь, во всяком случае, медитациями называют все, что хочешь, включая даже упражнения на концентрацию внимания, и терминологическая путаница способствует поддержанию путаницы в умах искателей. Смешение всего в одну кучу стало одной из причин того, что современные люди никак не могут понять разницу между осознанием и концентрацией, ведь в их умах есть представление, что это одно и то же, потому что нередко называется одинаково. Но Ошо, возможно, здесь абсолютно ни при чем.

Каждый Мастер учит из двух источников – из собственного опыта и из видения, которое возникает как следствие развитого сверхчувственного восприятия. Ошо утверждал, что родился уже почти просветленным, и потому опыта страданий обычных людей у него практически не было. Первый опыт остановки ума случился с ним в семь лет, а само просветление произошло в возрасте двадцати одного года. Соответственно, какого-либо Пути, кроме вхождения внутрь и осознания себя, он не знал. Теме не менее это не мешало ему трактовать тексты из любых Путей, и здесь Ошо опирался на свое видение и переживание Истины. И его-то он и вносил в трактование, где-то попадая в суть того или иного учения, а где-то и совершая тонкую подмену. При этом слова его весьма поэтичны и, безусловно, несут в себе свет Истины, хотя и не всегда точны относительно содержания конкретного учения, которое он в данный момент комментирует.

Что касается просветления, то Ошо пытался передать свой собственный опыт, к которому пришел через медитацию, – в смысле осознания себя, своего внутреннего пространства и энергий. Поэтому он и пытался привести людей к просвет-

лению созданием искусственного взрыва энергий, в надежде, что через активные практики люди разбудят в себе такую силу, которая вкупе с осознанностью приведет к взрыву и переменам. Но проблема в том, что никакие энергии человека, имеющиеся у него внутри, не могут стать основой для духовной трансформации. Это, собственно, и подтверждено временем – потому что ни одна из активных практик Ошо не привела к тому взрыву, который он рассчитывал увидеть. Похоже на то, что он не совсем верно оценивал свой собственный опыт.

Надо сказать, что представления Ошо о трансформации энергий не выдерживают критики. Например, он часто говорит о том, что в момент просветления гнев трансформируется в сострадание. Или есть у него идея о том, что секс при достижении высших состояний сознания трансформируется в любовь. Здесь Ошо самым таинственным образом обнаруживает непонимание того, что такое наши внутренние энергии и каковы механизмы трансформации вообще.

Человек в принципе является трансформатором самых разных энергий. Он получает их извне и трансформирует в нечто иное. Тут и физическая пища, и кислород, и энергия жизненной силы, которая превращается в желания, и другие энергии. Конечными продуктами трансформации на уровне эфирного тела становятся эмоции, на уровне ума – желания или идеи и так далее. Энергия гнева не может быть трансформирована, она может быть только выражена или рассеяна через осознание. Если человек избавился от желаний, гневу вообще неоткуда взяться, потому что он возникает как реакция на неудовлетворенное желание, и больше никак. Тем более он не может обернуться состраданием, потому что это – чувство, в котором имеется идея о страдании живых существ, желание им помочь (и гнев, если не удастся это сделать) и прочие составляющие, о которых подробно написано в соответствующей главе моей книги «Как укротить эмоции». То же самое

относится к трансформации секса в любовь – ни то ни другое не может быть трансформировано внутренним усилием. Поэтому не сработали практики Ошо – как ни поднимай свои энергии, как ни раскручивай их, никакая трансформация за счет внутренних ресурсов человека просто-напросто невозможна. Взрыв из своих собственных энергий не получается, как их ни раскаляй.

Для духовной трансформации человеку нужен импульс внешней энергии, при усвоении которого она и случается. Это импульс, получаемый свыше, который в суфийской традиции обычно называется Милостью Бога. Через него происходит просветление и прочие прекрасные вещи, какие приносит мистический Путь. То, что случилось с Ошо во время его просветления, и было схождением на него импульса Милости, который он воспринял и пережил как взрыв энергий. Никакое осознание осознания или осознание свидетеля не приводит к трансформации. Просто в процессе роста осознанности человек настолько очищает свое внутреннее пространство и становится столь восприимчивым, что Милость не может на него не сойти. Это, можно сказать, закон духовного роста человека. Почему Ошо этого не понял и не увидел? Ответ прост – Бога для него никогда не существовало.

Ошо не раз говорил о себе, что буддизм ему ближе всего и что он сам является скрытым буддистом. При этом, конечно, он неоднократно рассуждал о Боге в рамках комментариев к очередному тексту, где без Бога было никак не обойтись. То, что Ошо говорил от себя, звучало так: есть вечное Существование, в котором мы все живем, безличностное, но творящее жизнь и взаимодействующее с нами неким образом. Таким было выражение его переживания, и нет причин отрицать его истинность. Существование – все и ничто, надо довериться ему, перестать цепляться за ум с его ограничениями, и все будет хорошо. Кто-то скажет – это, по сути, описание Бога, но разница есть. Нельзя взаимодействовать с бесконечностью, должна быть определенная точка, в которую придут твои молитвы и откуда будет получен ответ на них. В бесконечности и вечности твоя энергия распылится без следа, и ответить тебе будет некому. Поэтому люди создают себе богов, и поэтому есть уровень восприятия, на котором человек воспринимает Бога как Источник, как Силу, имеющую центр. Более подробно я писал об этом в главе «Уровни Бога» книги «В присутствии Бога». Ошо проскочил этот уровень восприятия,

попав сразу на следующий и не осознав получения Милости. Ни один просветленный не может знать всего – Истина бесконечна и многомерна, жизнь коротка, а Путь предписан. Ошо и так пытался охватить необъятное, отсюда и количество фактических и прочих ошибок в его текстах. Что-то ему удалось, что-то нет, но все не удастся ни одному мистiku, каким бы талантливым и просветленным он ни был.

В последние годы жизни Ошо обратился к дзену. Он понимал, что времени осталось мало, и обратился к дзену, как методу, обещающему мгновенное пробуждение. Тогда Ошо стал использовать концепцию не-ума – особое пространство вне пределов ума – в которое ученики могли «прыгнуть» или войти в процессе медитаций, проводившихся прямо во время бесед в присутствии Мастера. Возможно, к этому моменту Ошо уже увидел, что его динамические медитации не работали в полной мере, и решил попробовать другой путь, который основывался не на ожидании взрыва, а на мгновенном выходе из ума. Насколько я понимаю, эта попытка тоже была не слишком удачной, потому что подобные прорывы должны быть тщательно подготовлены практикой осознанности, серьезной внутренней работой, а люди, жившие в ашраме, были слишком хорошо скомпенсированы, чтобы взрастить свое осознание до нужного уровня.

Вот один из парадоксов, которых немало на духовном Пути: жизнь в ашраме, коммуне и монастыре вроде бы предоставляет наилучшие условия для выполнения практик духовного развития, но в том, что касается осознания себя, пребывание в замкнутом сообществе может стать препятствием. Для того чтобы увидеть в себе глубоко подавленные вещи и поработать с ними, одной силы осознания порой не хватает – нужны внешние раздражители, которые вызовут внутреннюю реакцию страха, гнева и так далее. В ашраме Ошо, где народ расслаблялся по максимуму – в танцах, сексе и динамических практиках, подобные раздражители рано или поздно кончались. Человек привыкает ко всему, в том числе и к воздействию поля Сознания Мастера, если достаточно долго в нем находится. И у поля Мастера есть *предел воздействия* на ученика, который выражается в том, что человек поднимается в своей осознанности до определенного уровня, а потом нужно время и собственные усилия, чтобы рост продолжился. Пребывание в ашраме превращалось в образ жизни, который сильно отличался от того, что творилось снаружи, был куда безопаснее и веселее. Жизнь лишалась того самого вызова, о

котором часто говорил Ошо, и становилась весьма комфортной внутренне. В таких условиях расти в осознанности бывает довольно трудно, потому что именно стрессы, вызванные внешними причинами, поднимают то, что все еще скрыто от нашего внимания. Как монастыри, так и современные ашрамы чаще всего являются убежищами от невзгод жизни, а беглецы редко приходят к пробуждению, потому что слишком хотят обрести душевный комфорт и покой. Примерно то же самое происходило и в ашраме Ошо с теми, кто жил там достаточно долго, – динамические медитации превращались в физзарядку, беседы Ошо – в способ получить немного благодатного кайфа, а свобода – в повод расслабиться и ничего не делать с собой.

Я уже писал о том, что лозунг Ошо – «Делай, что хочешь, но осознавай себя» – был несколько изменен умами его учеников, оставивших только часть про «делай, что хочешь». Освобождение от подавленностей имеет смысл только тогда, когда становится частью общей работы по осознанию и изменению себя, не иначе. Можно бесконечно реализовывать свои желания, но если вы не идете к их корням, не осознаете причин их возникновения, то этот путь станет бесконечным. В результате большинство учеников Ошо слишком расслабились, потеряв то необходимое внутреннее напряжение, без которого нет работы над собой. Он и сам способствовал тому, чтобы это произошло, поощряя разного рода празднования в своем ашраме. Его люди танцевали по поводу и без – им было хорошо, Ошо радовался, дело стояло. Время показало, что очень трудно соединить танцующего Зорбу с молчаливым Буддой, потому что Зорба всегда берет верх.

Ошо неоднократно обличал священников и теологов, называя их попугаями, которые повторяют священные тексты, порой даже не понимая их истинного смысла. По горькой иронии судьбы тем же самым сейчас занимаются так называ-

емые просветленные ученики Ошо. Из тех, кого мне доводилось видеть, ни у кого не было собственного послания миру, только цитаты из Ошо, перемешанные в произвольном порядке. Не было у них и просветления, но об этом они не беспокоились, потому что праздновать Существование, как учил их Мастер, можно всегда, везде и в любом состоянии.

«**Н**ет пророка в своем Отечестве», – гласит народная мудрость. Ошо не стал исключением из правила, и в Индии его долгое время воспринимали с немалой долей враждебности – слишком уж дерзким и непривычным было принесенное им послание и методы Работы. Его бунтарский дух не пришелся ко двору и в Америке, откуда он был выдворен и где его отравили таллием. Скандалы, сопровождавшие Ошо, отпугивали одних и вызывали интерес у других потенциальных искателей. Среди добропорядочных граждан репутация его была испорчена навсегда, но такова участь большинства мистиков во все времена. Теперь индийцы гордятся тем, что их нация родила такого великого сына, и книги Ошо помещены в библиотеку их конгресса. Ошо не раз говорил, что мертвый Мастер всегда удобнее живого, и сейчас мы получаем наглядное подтверждение этому.

Никто не может стать Мастером, если он не любит людей. Без любви не будет принятия, не будет интереса к ним, к их проблемам и страданиям. Из любви исходит терпение, благодаря ей сердца открываются Истине. Ошо говорил о любви без объекта, без направления, в котором она должна течь. Такая

любовь изливается на всех, питая тех, кто способен ее воспринять. Ошо был проводником Любви, и это тоже одна из причин, почему люди ехали к нему из самых дальних уголков мира. Он, безусловно, обладал религиозным гением, и равных ему в мастерстве дискуссий и комментариев найти невозможно. При всех его ошибках Ошо проделал огромную Работу, и его книги вполне актуальны и долго еще такими и останутся. Сам Ошо говорил, что оказанное им воздействие будет длиться сто лет после его смерти. На сегодняшний день оно все еще живо, а что будет потом – покажет время.

ПОРФИРИЙ ИВАНОВ:
БЕЗУМИЕ МИСТИКА

Может ли мистик быть нормальным – таким же, как все остальные люди? Насколько прикосновение к тайнам Бытия меняет человека, и как в нем проявятся эти перемены? Может ли, наконец, мистик быть безумным, практически сумасшедшим? Из истории нам известны случаи странного и загадочного поведения мистиков самых разных традиций. Чем оно было продиктовано – характером их переживания и трансформации или собственным характером человека, особенно ярко раскрывшимся после снятия ограничений ума? На эти вопросы может быть найдено множество умозрительных ответов, но истина познается в опыте. Когда своего опыта недостаточно, мы можем обратиться к опыту других, рассмотрев, например, жизнь какого-нибудь особенно странного мистика. Тогда, возможно, нам удастся понять границу между безумием обыденного ума и безумными заявлениями того, кто пытается выразить переживание запредельного.

Порфирий Иванов был самым, пожалуй, загадочным русским мистиком. Для начала совсем непонятно, как он стал таким, каким явился широкой публике. Известно, что до тридцати пяти лет его жизнь была ничем не примечательной: он

любил карточные игры, выпивку и довольно часто менял место работы. Ничто не выдавало в нем «великого Учителя», как теперь его иногда называют. Перерождение произошло внезапно и будто бы беспричинно – он ушел из дома на пять дней (вроде бы оставив жену ради другой женщины), а потом вернулся назад – другим человеком. Где он был во время своего отсутствия доподлинно неизвестно, и сам он ничего об этом не рассказывает. Мы знаем только то, что с этого момента Иванов серьезно заинтересовался возможностями человеческого организма и его жизнью в гармонии с природой. Порфирий Корнеевич сам указывает точную дату – 25 апреля 1933 года, когда его осенило, что болезни и смерть человека происходят оттого, что тот живет в отрыве от природы. Так родилась Идея, из которой потом выросло практическое учение, вылившееся в 12 заповедей, ныне известных как «Детка». И здесь сразу возникает вопрос: было ли это прозрением и заинтересованностью только на уровне ума, или же с Ивановым произошло нечто более серьезное и изменилось не только его умонастроение, а все существо в целом?

Есть два момента, которые обращают на себя внимание при рассмотрении истории перерождения Порфирия Иванова. Первый момент заключается в том, что процесс его привыкания к холоду, его постепенного освобождения от одежды – занял около двух лет. Сначала он снял шапку зимой, потом пальто, и так постепенно дошел до того, что остался в одних трусах. Здесь можно сказать, что таким образом Иванов приучил себя к холоду, и никакой тайны в этом нет и быть не может. Еще можно добавить, что его способности к закалке собственного организма оказались выдающимися и куда большими, чем у остальных людей. Второй момент одновременно и подтверждает, и опровергает предыдущее утверждение. Он связан с тем, что ни один из последователей Порфирия Иванова так и не смог приблизиться к тому уровню бытия,

которое было у их Учителя, хотя тот вроде бы оставил им прямые указания, как это сделать. И тут нам остается либо признать бесталанность ивановских учеников и еще раз подивиться неординарности самого Порфирия, либо посмотреть на ситуацию несколько иначе.

Ни один человек, насколько бы закаленным он ни был, не может оставаться на любом холоде обнаженным в течении многих часов. Подобную способность, однако, демонстрируют некоторые тибетские мистики, чье внутреннее тепло настолько велико, что они могут спокойно сидеть в сугробе, нисколько не замерзая и даже растапливая снег вокруг себя. И конечно, эта способность приходит к ним благодаря суровым практикам и внутренней дисциплине, чего мы совсем не наблюдаем у Порфирия до момента внезапного изменения. Или, если угодно, до момента спонтанной трансформации.

Существует представление о том, что трансформация или просветление меняет человека мгновенно, раз и навсегда. Так любят писать о Рамане Махарши – дескать, он получил переживание, изменившее его в семнадцать лет, после чего уехал из дома на священную гору и стал таким, каким его знали позже многочисленные искатели. При этом как-то упускается из вида тот факт, что Махарши какое-то время уединенно жил в пещере. Что еще случилось с ним там? Никто не знает. Но уму хочется простых и понятных схем – вот все и держатся за факт его переживания смерти в юношеском возрасте, в котором все случилось как бы окончательно. Уму хочется завершенности, вот люди и придумывают себе объяснения чужой трансформации, которые выглядят окончательными и закрывающими вопрос раз и навсегда. Потом они начинают искать подобного переживания и никогда его не находят, ведь все не так просто, как хотелось бы человеческому уму.

Трансформация, к которой приводит импульс Божественной Милости, меняет человека в одночасье, что верно, то верно. Это некий поворот в его жизни, новая точка отсчета. Но

получение импульса – только начало, за которым следует процесс трансформации, имеющий некую протяженность во времени, и длительность этого периода прямо зависит от количества принятой Милости и глубины последующих изменений. Они тоже развиваются постепенно, не за один день. Пробудиться можно в одно мгновение, а вот изменения в жизни после пробуждения происходят не сразу, а по мере проживания самых разных ситуаций и ответа на необходимости, которые возникают на их фоне. Так случилось и с Порфирием Ивановым – поворотным пунктом стало прозрение, случившееся с ним 25 апреля, которое, в свою очередь, стало проявлением действия импульса Милости, полученного им либо в этот момент, либо несколько раньше. Только трансформацией можно объяснить столь внезапное перерождение и появившиеся позже сверхспособности Иванова. Другого вменяемого объяснения тут нет, хотя при желании объяснить самому себе можно все что угодно.

Наш ум устроен таким образом, что он может игнорировать любую информацию, не вписывающуюся в привычную для него картину мира. Ум закрыт своими идеями о мире от непосредственного его восприятия, и отсекает все – или почти все – что противоречит этим идеям. Так атеист остается атеистом, даже увидев истинное чудо, и так можно списывать все способности Иванова на уникальность его организма. Наш ум, столкнувшись с неприемлемой для себя информацией, либо входит в состояние протеста, либо впадает в этакое трансовое состояние, в котором убеждает сам себя, что всему есть какое-нибудь, может быть, даже научное, объяснение. В этот момент ум ослепляет сам себя, а заодно и человека, которому принадлежит. Возникает состояние, в котором не хочется ни вникать, ни думать о каком-то вопросе, и становится проще принять чужую точку зрения или махнуть на все рукой. Возникает странный вид забытья, в котором вы как бы знаете некий факт,

но его объяснение вас не волнует, не касается и память относительно него подергивается дымкой. Именно так ум сохраняет статус-кво своей обусловленности – у всех без исключения людей. Нечто похожее происходит тогда, когда человек свято верует в некую, пусть даже новую для себя идею, и строит на ней свои действия. Тогда его ум тоже игнорирует любую противоречащую данной идее информацию, погружаясь в трансовое, почти измененное состояние. Тогда можно творить с другими людьми любые зверства, ничего, кроме удовлетворения, при этом не испытывая. Сон, в котором пребывают люди, может быть разным по глубине. И состояние, в котором ум готов игнорировать любую противную ему информацию весьма способствует углублению этого сна.

Итак, Порфирий Иванов получил импульс Милости, сам того не подозревая и ничего для этого специально не делая. Объяснений тому, почему это случилось, может быть несколько. Например, Господь произвольно выбрал Порфирия, и полученная им Милость была практически случайной. Но Творение стоит на принципе необходимости, а Господь – не идиот, и поэтому подобное объяснение выглядит не очень убедительно. Можно сослаться на закон кармы и решить, что произошедшее с Ивановым перерождение стало результатом усилий, приложенных им в прошлой жизни. Скажем, был он тибетским мистиком, растаплавшим снег своим телом, но не дотянул немного до просветления, вот оно и случилось, когда время пришло, в стране, где снега зимой – хоть отбавляй. Неплохая версия, хотя и притянута за уши. Помимо этих двух, существует еще один ответ на вопрос о внезапной и ничем не подготовленной трансформации Порфирия Иванова, который мне представляется наиболее близким к Истине.

Есть два утверждения, относящихся к так называемой народной мудрости и несущих в себе отражение народного опыта. Первое: свято место пусто не бывает. И второе: не стоит

село без праведника. В Советском Союзе боролись с религией и праведников практически уничтожили, превратив их в мучеников. Таким образом их место осталось пустым, и никакой коммунистической моралью дело было не исправить. Для того, чтобы Тьма не перевесила Свет окончательно, нужен был праведник огромного масштаба. Нужен был новый святой, который при этом не был бы сразу уничтожен карательной машиной государства. Возникла необходимость, ответом на которую стало появление Учителя в лице Порфирия Иванова. Почему для этой миссии был выбран именно он – нам знать не дано, и тайна здесь остается тайной. Видимо, на тот момент он был самой подходящей кандидатурой на роль нового русского святого. Иных объяснений нет и быть не может.

Из всего вышесказанного легко понять, почему учение Иванова было почти атеистическим и обращенным на поддержание здоровья – иначе его гибель была бы неизбежной в условиях большого террора тридцатых годов. Его проповедь и так привела к двенадцати годам, проведенным в тюрьмах и психиатрических лечебницах, где Порфирию ставили диагноз шизофрении. Но нет худа без добра – благодаря инвалидности по психической болезни Иванов мог нигде не работать, путешествуя по стране и обучая людей своему методу оздоровления и закалки. Не будь у него первой группы инвалидности по шизофрении, сидеть бы ему за тунеядство и бродяжничество, ведь работать он бросил почти сразу после того, как родилась Идея.

Сама по себе эта Идея, кстати, имеет два обоснования. Первое – наиболее сейчас распространенное – заключается в том, что человек отделен от Природы за счет одежды, комфортного жилья и прочих благ, к тому же изнутри наполнен едой, и потому закрыт от нее и снаружи, и изнутри. Следовательно, нужно приучать себя жить без одежды и время от времени голодать. Тогда гармония с Природой восстановится и человек обретет крепкое нерушимое здоровье. Второе

обоснование существенно отличается от первого, и мне почему-то кажется, что Идея вначале была именно такой. Она гласит, что человек стал слишком зависим от комфорта – жилья, одежды и еды, ради которых он должен большую часть своего времени жизни зарабатывать на них. Поэтому человеку нужно освободиться от этой зависимости, чтобы естественным образом жить в Природе, обходясь самым необходимым и перенося жару и холод одинаково просто. Тогда он сможет открыть истинное предназначение себя и своего места в Природе. Конечно, такая Идея при советской власти была бы воспринята более чем враждебно. А разговоры чудака, стоящего в одних трусах на морозе и пропагандирующего полезность обливания холодной водой, воспринимались куда проще в те годы, когда здоровье культивировалось самим государством. Нет сомнений, что больные люди хотели стать здоровее и охотно слушали советы Порфирия, который к тому же вскоре обрел дар целителя. А призыв к аскетизму на фоне всеобщего стремления к обретению новых благ мог быть услышан только отдельными склонными к мазохизму личностями. Так происходит приспособление послания к существующей реальности, и так сохраняется возможность продолжения Работы, которую – в той или иной форме – должен осуществить мистик. В подобной ситуации оказывается большинство мистиков, несущих некое новое послание, но в случае с Порфирием Ивановым она была невероятно трудной.

Говорят, что верующие получают от Господа испытания ровно по своим силам, по тому, что они могут перенести. Есть и другая сторона этой медали – когда посланник Господа получает такую очевидную сверхспособность, такую зримую силу, от которой просто так не отмахнешься и на проявление безумия не спишешь. Поэтому удивительная стойкость Учителя по отношению к холоду не могла не впечатлять всех – как его сторонников, так и противников, вызывая у них

невольное уважение и даже некоторую робость. Так было с санитарями в психбольницах, так было и с фашистами, которые, схватив Порфирия в Днепропетровске осенью 1942 года, закапывали его в снег и возили раздетым на мотоцикле по городу, стремясь увидеть, что он сможет выдержать. В конце концов, Иванову была выдана охранный грамота, в которой немецким солдатам предписывалось не трогать его, поскольку он представляет интерес для мировой науки. Позже Порфирий писал в воспоминаниях, что немцы ему очень не понравились, и тогда он решил, что Гитлеру не будет удачи в этой войне. Никогда нельзя сказать с полной уверенностью, насколько сила святого может повлиять на ход дел в мире, но сам Иванов до конца своих дней считал, что такое его вмешательство вполне реально повлияло на исход войны. Не в этом ли была еще одна задача, для решения которой он был призван? Мистики нередко явным или неявным образом влияют на мир и ход событий в нем – и в этом, в частности, и проявляется их роль как проводников Воли Бога на нашем плане Бытия. Может быть, ни один мистик не спасал *весь мир*, но то, что многие из них спасали свои народы, – это факт. К которому, впрочем, можно относиться скептически, считая, что нет Бога и нет судьбы, а потому все мистики – либо больные на голову люди, либо ловкие шарлатаны. Действительно, трудно себе представить, что один человек может обладать силой, влияющей на нашу реальность, ведь она должна быть равной силе Бога. Тем не менее если вы чувствуете или на собственном опыте знаете об истинности существования Бога, то вам нетрудно будет понять, что прямое Его вмешательство в наш мир невозможно, поскольку оно нарушит все законы, по которым тот выстроен, и в результате уничтожит его. Поэтому вмешательство в Творение на нашем уровне Бытия должно производиться опосредованно, через проводников, через мистиков и пророков. Так что при всей простоте, с которой Порфирий

Иванов рассказывает о своем решении исхода Великой Отечественной войны, его слова могут быть отражением Истины.

Порфирий Иванов был простым человеком – насколько простым вообще может быть мистик. Он окончил четыре класса церковно-приходской школы, и другого образования у него не было. Его воспоминания написаны без знаков препинания и прописных букв – все практически одной строкой. По классификации Гурджиева Иванов относится к категории «глупых святых» – когда человек имеет высокий уровень личного бытия, но низкий уровень понимания того, что с ним произошло и происходит. Например, человек следует определенному Пути, получая знание о его стадиях и опыт их прохождения. В идеале уровень бытия человека должен соответствовать уровню его знания – о себе, Боге, Пути и мире. У Иванова уровень личного бытия был очень высоким, но никакого знания о том, что с ним произошло, не было. Схождение Милости на человека совершенно не подразумевает обретение им всей полноты Истины. Порфирий прошел трансформацию и обрел послание, которое должен был нести людям, но это не принесло ему ясного понимания того, что же с ним на самом деле случилось.

Отсутствие понимания того, что происходит, вообще очень

характерно как для людей, прошедших спонтанную трансформацию, так и для тех, кого можно назвать «спонтанными мистиками». Так я называю людей, чье восприятие несколько выходит за обычные границы, и потому они видят, слышат и чувствуют некие вещи, связанные с иными уровнями Реальности. Кто-то из них видит энергии, кто-то получает послания, практически всем им снятся яркие, порой вещие сны. Иногда им приходят прозрения относительно сути их жизни, а также приходит информация об их предназначении. Как правило, предназначение это – весьма возвышенное и почетное, да и прочие переживания чаще всего связаны с чем-то величественным и божественным. Я повидал немало подобных «мистиков», и слушать их откровения – сущая мука. Они относятся к своим переживаниям весьма некритично, предпочитая считать себя избранными Богом или – в крайнем случае – весьма необыкновенными людьми. Даже если это не произносится вслух, то подразумевается обязательно. Их распирает осознание своей необычности и очень интересуется природа собственного «дара», и они обладают весьма развитым и раздутым духовным эго. При этом они совершенно не понимают того, что с ними происходит, и понимать, как правило, не хотят. Отказаться от своих абберраций восприятия они, как правило, не готовы, потому что стать обычными для них неприемлемо. «Спонтанными мистиками» чаще всего становятся люди с неплохим духовным потенциалом и действительно тонким восприятием, но оно начинает служить им для компенсации комплекса неполноценности, создавая из небольших проблесков восприятия большие «духовные» переживания. Потом в дело вступает ум, и всякого рода прозрения и внутренние галлюцинации, а также ночные сны о собственном величии становятся практически постоянными. Нередко у них открывается «видение», благодаря которому они начинают судить о состоянии окружающих. «Спонтанные

мистики» практически не поддаются обучению, потому что ставят свое «восприятие» и свою особенность выше любого знания, если только оно не позволяет им возомнить о себе еще больше. Они одиночки, но любят общество себе подобных, в котором могут делиться «опытом» и петь дифирамбы друг другу. Из практик и книг они берут только то, что им нравится и что позволяет им обрести большую силу, поэтому все они любят энергетические упражнения и занятия магией. От настоящих спонтанных мистиков их отличает отсутствие реального изменения бытия, отсутствие настоящей трансформации. Они занимаются бесконечным украшением и укреплении эго, но больше с ними ничего, по сути, не происходит.

Порфирий Иванов был настоящим спонтанным мистиком, но знания о трансформации у него не было. Не было и знания о том, как другие люди могут достигнуть подобного состояния, потому что он просто не знал к нему дороги. Внезапная трансформация – штука хорошая, но тот, кто ее пережил, никого не сможет к ней привести, потому что и сам не знает, как к ней пришел. Тем не менее послание у Порфирия было, хотя на него не могло не наложить отпечатка это самое отсутствие понимания своей собственной ситуации.

Незадолго до смерти, в 1982 году, он впервые обнародовал так называемые двенадцать советов или заповедей, свою «Детку». Следуя ей, человек мог излечиться от болезней и вообще стать намного здоровее. Свое название она получила от обращения, с которого начиналась: «Детка, ты полон желания принести пользу всему советскому народу, строящему коммунизм. Для этого ты постарайся быть здоровым». Годы, проведенные в тюрьмах и лечебницах, научили Иванова тому, как преподносить свое послание «правильными» словами.

Первый раз его задержали в тридцать пятом году, когда Порфирий пропагандировал свое учение (в какой форме оно тогда выражалось, нам неизвестно) на базаре в Ростове. Тогда

же его определили в больницу, в отделение для буйнопомешанных, где и был поставлен диагноз шизофрении. Видимо, Порфирий серьезно протестовал против такого с собой обращения при задержании. Надо сказать, что и в дальнейшем он вел себя как классический сумасшедший, пытаясь то попасть на съезд народных депутатов, чтобы разъяснить им свою систему, то отправляя письма Сталину. С одной стороны, можно считать подобное поведение чистым проявлением безумия. С другой стороны, представьте себе человека, на которого внезапно свалилась высшая миссия, которая прямо-таки требует воплощения и реализации. Когда человек знает, что может помочь людям и что должен это сделать любой ценой. Конечно, самым простым способом было бы привлечь власть на свою сторону. Отсюда, кстати, и возможное изменение концепции послания с упором на оздоровление. Многие мистики, наделенные некой высшей миссией, стремились либо подружиться с властью, либо вообще взять ее в свои руки. Так, например, поступали пророки. В сравнении с ними миссия Иванова выглядит мелко, но это не значит, что для него она не стала делом всей жизни и всем ее смыслом.

Когда вам явлена Воля Бога, отказаться от следования ей очень трудно, а точнее – практически невозможно. Воля не оставляет вам выбора, который есть, например, в случае с возможностью сделать шаг к Сдаче или отказаться от него. Импульс Воли жжет вас изнутри, не давая покоя до тех пор, пока вы не сделаете того, что требуется. С посланием происходит то же самое – мистик должен нести его людям, делая для этого все возможное. Осознание важности своей миссии и сам импульс послания наделяет мистика силой, которая помогает преодолеть разного рода напасти, связанные с его распространением. А когда человек становится «мистиком поневоле», то вряд ли он сможет обойтись без нелогичных и даже глупых поступков. Что же касается шизофрении, то в последние годы

жизни, когда Иванова перестали преследовать, он продолжал говорить странные вещи, непривычные для уха атеистов, но вполне понятные тем, кто хоть немного знаком с мистическими практиками и переживаниями. Безумие можно трактовать и так и этак. Кому-то кажутся безумными слова о том, что человек является проводником Воли Бога, а кому-то – подробные инструкции к тому, как следует встречать год Красной Огненной Обезьяны. Насколько безумен этот мир и конкретные люди в нем, каждый решает для себя сам.

«Детка» Порфирия Иванова состоит из двенадцати пунктов, меньшая половина которых относится непосредственно к телу, а большая – к уму. Рекомендации, относящиеся к телу, просты, хотя и не очень легки в исполнении. Впрочем, таковы почти все пункты «Детки». Надо два раза в день обливаться холодной водой, не курить и не употреблять алкоголя и с вечера пятницы до полудня воскресенья держать строгий пост, обходясь без пищи и воды. Кроме того, нужно регулярно – перед обливанием и по окончании поста – вставать босиком на землю или снег и мысленно желать всем людям здоровья. И вообще, в открытости и доброжелательности, а также в избавлении от эгоистических проявлений состоит духовная часть послания «Детки». Вот, например, одна из ивановских заповедей: «Победи в себе жадность, лень, самодовольство, стяжательство, страх, лицемерие, гордость. Верь людям и люби их. Не говори о них несправедливо и не принимай близко к сердцу недобрых мнений о них». И если заповеди, касающиеся тела, призывают человека стать аскетом, то в том, что касается духовной стороны вопроса, – здесь появляется любовь к людям и природе. «Помогай людям, чем

можешь, особенно бедному, больному, обиженному, нуждающемуся. Делай это с радостью. Отзовись на его нужду душой и сердцем. Ты приобретешь в нем друга и поможешь делу Мира!».

Заповеди Иванова категоричны и требуют от последователей серьезного внутреннего усилия. Попробуйте-ка, например, взять и победить в себе жадность, лень или страх. Духовные советы Порфирия Иванова не подкреплены практиками – например, упражнениями, позволяющими освободиться от страха. Отсутствие практик прямо связано с тем, как Учитель пришел к трансформации. В силу того, как она произошла, Порфирий просто не знал пути к победе над тем, к чему призывал. Однако у него было видение того, что мешает человеку вырасти и измениться. Так и появились благие пожелания, не имевшие под собой конкретики, а просто так взять и измениться – одним желанием преодолев в себе силу механических реакций – мало кому удавалось. Хотя, конечно, еще остается путь контроля, путь подавления страха, жадности и прочих отрицательных черт личности. Но он не ведет к духовному прогрессу, и понятно, что Порфирий Иванов имел в виду нечто другое.

В «Детке» имеется два пункта, которые сейчас выглядят несколько неадекватно и даже комично. В одном Порфирий просит любить землю и ни в коем случае не плевать на нее, во втором он советует здороваться со всеми людьми, ибо пожелание им здоровья вернется к тебе тем же здоровьем. Что касается плевков, то это, пожалуй, та заповедь, которую сейчас соблюдать легче всего – потому что асфальт, наверное, можно не считать землей. Хотя Порфирий, конечно же, подразумевал уважительное отношение к земле, как и ко всей Природе в целом. Плевки же в его понимании являются проявлением презрения, а потому следует от них всячески воздерживаться.

Можно здороваться со всеми встречаемыми людьми, и в неко-

торых деревнях до сих пор сохранилась эта традиция. Знают тебя или не знают – с тобой все равно здороваются, и есть в этом что-то приятное и хорошее. Но чтобы вести себя подобным образом в городе, нужно быть готовым к тому, что тебя примут за чудака, а может – и за безумца. То есть – если точно следовать пути, предложенному Ивановым, – включая раздевание до трусов – то и сейчас можно попасть на освидетельствование к психиатру. Как говорится, каков Учитель, таков и путь.

Тем не менее обливание холодной водой два раза в день помогло укрепить здоровье многим людям. Так что, если не в духовном плане, то в физическом учение Порфирия Иванова принесло определенные плоды.

Если бы у Иванова не открылось дара исцеления людей от самых разных, порой неизлечимых другими средствами болезней, то вряд ли ему удалось бы добиться каких-нибудь результатов в распространении своего учения. Именно чудесные исцеления принесли ему известность и славу в народе; они же способствовали тому, что у него начали появляться последователи. Их преклонение перед необычайными способностями Учителя неожиданным образом повлияло на него самого. В последние годы жизни Порфирий вдруг стал говорить о себе как о Боге и всерьез заявлять о собственном бессмертии. Причем имелось в виду физическое бессмертие, а не духовное. В идее физического бессмертия тоже было нечто безумное, но что еще могло стать логическим завершением идеи абсолютного здоровья, подкрепленного проявлением сверхсилы у ее мессии? Любой человек, преодолевающий собственные слабости и ограничения, начинает ощущать в себе силу, а тот, кто преодолевает даже законы человеческой природы и имеет власть исцелять людей, начинает ощущать ее беспредельность. Это, по сути, нормальное для мистика состояние, но тот, кто прошел обучение в школе, будет знать, что

сила принадлежит не тебе, а Богу, и ты лишь ее проводник, причем довольно слабый и ограниченный. В системе Иванова Бога заменяла Природа, а его чувство собственной силы было ничем не объяснимо. Таким же необъяснимым было чувство вечности, безвременья и бесконечности, из которого появилось ощущение собственного бессмертия. Из этого ощущения, помноженного на внутреннюю силу, и родилась новая идея: я бессмертен! А добрые последователи уже помогли Порфирию прийти и к следующей мысли – Я Бог! А может быть, он пришел к ней сам, под впечатлением того, как перед ним преклоняются люди, разницы, в общем, нет.

Люди любят создавать себе кумиров, чтобы добавить своей потребности в поклонении кому-то большей значимости. О Порфирии ходило немало легенд: то он пятнадцать минут пробыл под водой, и тому было множество свидетелей, то его видели в одно и то же время в разных местах, в общем, говорили про него всякое. Проверить достоверность этих легенд сейчас невозможно, да и нет никакого смысла в такой проверке. Главное, что пришедшая к Порфирию слава начала менять осознание им своей роли и значимости. Из проводника Идеи он вдруг сделался новым Творцом, и, как положено Богу, решил создать нового Адама – совершенного человека. По замыслу Иванова новый Адам должен был с рождения жить в полном слиянии с Природой и быть бессмертным. С него бы началось новое человечество, избавленное от болезней и страданий тела. Акт нового творения должен был происходить в месте силы – на Чувилкином бугре, который находится рядом с родным селом Иванова и который Порфирий считал особым священным местом.

Сейчас такое, скорее всего, получилось бы – родить ребенка на бугре, и чтобы роды принимал достаточно широко известный, но все же инвалид первой группы по шизофрении. В 1975 году это было невозможно. Несмотря на то, что одна из

последовательниц Иванова решила поспособствовать в рождении нового человека (Порфирий не был отцом ребенка) и к началу родовых схваток ее уже доставили на Чувилкин бугор, мистический акт был прерван участковым милиционером, который забрал роженицу и отвез в роддом. Так самым банальным образом был отменен великий эксперимент, к которому Иванов почему-то больше не возвращался. Возможно, был упущен момент, а может быть, Порфирий понял всю бессмысленность данной затеи. Тем не менее учеников у него прибывало, и поклонение вкупе с обожествлением продолжалось.

Бесполезно судить о делах мистиков тем, кто не живет Запредельным. Более того, даже другие мистики не всегда могут понять причины, по которым действовал тот или иной их «коллега». Тайна потому и остается тайной, что разгадать ее никак нельзя, можно только принять ее существование, и все. Порфирий Иванов не был шизофреником, но действовал порой так, как будто им был. Трансформация порой настолько меняет человека, что границы возможного становятся для него расплывчатыми, но вместе с ними утрачивается то, что среди обычных людей называется адекватностью.

Мистик влияет на мир, но выделить это влияние среди общего потока жизни, в котором масса влияний переплетается, соединяется и либо усиливает, либо ослабляет друг друга, – очень сложно. Мир, в свою очередь, тоже воздействует на мистика, откликаясь на оказываемое им влияние всеми видами сопротивления. Так бывает всегда, и никаких исключений из данного правила нет. Порфирий Иванов был призван Господом по определенным, неведомым нам причинам, и делал все, что мог и как мог. И как бы мир ни сопротивлялся,

сколько бы Порфирия ни держали в тюрьмах и психбольницах, одним своим присутствием Учитель уже изменил его. Это тоже тайна, которую раскрыть невозможно, и пусть она такой и остается.

ИДРИС ШАХ: НОВАЯ ТРАДИЦИЯ

Идрис Шах прославился на Западе как суфийский Учитель, причем в некоторых источниках его называют Учителем Века – то есть самым значительным проводником Знания своего времени. Большинство современных ортодоксальных суфиев считают Шаха отщепенцем и ни в грош не ставят Работу, которая была им проделана, считая ее ложной и вредной. Удивляться этому не приходится, ведь версия суфизма, представленная Шахом изумленной публике, существенно отличается и в чем-то противостоит ортодоксальной его версии, которая до этого была, по сути, единственной нам известной. При этом легитимность претензий Шаха на обладание Знанием была вроде бы почти безупречной. Будучи выходцем из Афганистана, Шах утверждал, что родословная его семьи имеет связь с пророком Мухаммадом, что весьма почитается в исламских странах. Где Идрис Шах проходил суфийское обучение, доподлинно неизвестно, но для западных людей достаточно было его происхождения, чтобы принять его как истинного суфия.

На роль проводника суфийских идей в западном мире Шах подходил как нельзя лучше – его семья долго жила в Англии и

сам он даже три года отучился в Оксфорде. Идрис прекрасно владел английским и был знаком с ментальностью европейцев. Может быть, именно поэтому (а также из-за его выдающихся способностей в изложении Знания) он и был выбран неизвестными нам учителями для выполнения особой миссии?

Насчет этой его миссии существуют две версии, которые, впрочем, не являются взаимоисключающими. По одной из них – общеизвестной – он был посланником людей Традиции, людей Знания, для того чтобы представить его миру. Вся его деятельность вроде бы и была направлена на распространение Знания и на то, чтобы внедрить новые идеи в умы современников. По другой версии – Шах должен был отделить суфизм от ислама и создать условия для его распространения на Западе. Если это так, то не была ли миссия с представлением Традиции и всего, что он о ней писал, всего лишь способом, этакой «дымовой завесой» для выполнения другой, истинной его миссии?

В первые о существовании Традиции Шах пишет в книге «Суфии», которая и принесла ему известность в академических и прочих кругах. В ней утверждается, что суфизм есть сердце любой религии и что суфии существовали всегда, хотя обрели известность под сенью ислама. В книге объясняется, почему ислам явился прекрасной почвой для расцвета суфизма, но там же утверждается, что суфии присутствовали во всех значимых эзотерических течениях во все времена существования человечества. Традиция несла в себе высшее знание, доступное только посвященным и прошедшим специальное (суфийское) обучение. По этому поводу тут же вспоминается Рене Генон и прочие традиционалисты, которые считали, что истинное знание как-раз-таки было получено неким волшебным образом в древности, а потом хранилось и передавалось из века в век от избранных к избранным. Только Генону казалось, что в какой-то момент Традиция была забыта и вытеснена модерном, а потому новое время является эпохой упадка нравов и всего вообще. Шах же, наоборот, заявляет, что Традиция никуда не делась и прекрасно существует и в наши беспокойные дни, продолжая передачу знания и обучение тех,

кто к нему способен. Что суфии встречаются повсюду, действуя то явно, то скрытно – и выполняют Работу по поддержанию Традиции и эволюции всего человечества в целом.

Идея, что в древности все человечество получило высшие знания из одного Источника, чаще всего именуемого Абсолютом, не очень нова. Ее последователи находят признаки проявления общих идей, общей символики и близких по сути ритуалов – в разных эпохах и разных мистических орденах и школах. Идея Традиции, несущей Истинное Знание и дающее человечеству некий вектор для правильного развития, всегда привлекает людей, ищущих смысл в том, что и почему с нами происходит в этом мире. Идея тайного знания, зашифрованного в книгах, строениях и музыке тоже привлекает определенный тип умов, мечтающих прикоснуться к тайнам и стать хоть немного, но избранными. Наконец, идея того, что в мире вообще возможно существование чего-то высшего, и в частности – высшего знания – уже питает ум надеждой обретения самого высшего смысла человеческой жизни.

Эго устроено таким образом, что для веры в важность обладания чем-либо ему нужны бренды, проверенные временем. Новая модель автомобиля «Ауди» ценна в первую очередь тем, что это именно «Ауди». Древние тайные знания – тоже бренд, раскрученный не одним поколением разного рода духовных писателей и учителей. Есть известное высказывание Стругацких, что писать нужно либо о том, что знаешь очень хорошо, либо о том, чего не знает никто. Древние, да еще и тайные знания относятся к категории того, о чем не знает никто, и под это дело можно выдать слушателям и читателям сколько угодно отсебятины. Каковой и было выдано немало за последнюю сотню лет.

Идрис Шах использовал понятие Традиции, при этом отойдя от принципа ругать современность, воспевая прошлое. Он воспользовался идеей древнего знания и отвел роль его

носителей суфиям. По сути, Шах создавал с нуля новый *суфийский бренд*, применяя цитаты из текстов великих исламских мистиков для подтверждения своих, порой ошеломляющих, утверждений. Шах предлагал западному читателю новую картину мира, в котором суфии, в той или иной степени, влияли почти на всю науку и культуру. В представлении Шаха суфии становились инициаторами прогресса или – обращаясь к терминологии автора – эволюции человечества.

Эволюция – вот еще одно из понятий, используемых Шахом в «Суфиях». Имеется в виду в первую очередь внутреннее развитие человека, обретаемое через сознательные усилия, но там же говорится и о том, что существование человечества тоже имеет некую цель, связанную с раскрытием потенциала его развития. Кто поставил перед человечеством такую цель – прямо не указывается. Подразумевается, что это, вроде бы, Господь Бог, но нигде нет ясного указания на это. Цель эволюции суфия – по Шаху – обрести мистический опыт в виде озарения, приводящего к новому уровню понимания и знания. Возможно, и целостность восприятия тоже обеспечивается не столько практиками, сколько озарением. Но подробнее из книг Шаха узнать об этом нельзя.

Нет никаких сомнений в том, что Идрис Шах проходил обучение у суфиев и сам был одним из них. Кроме того, он обладал выдающимся интеллектом, и потому, возможно, взял на себя миссию представления нового взгляда на суфизм на Западе. Или *создания* новой версии суфизма, подходящего западным людям. Точнее, создания запроса на эту новую версию, описание которой он широко представлял и рекламировал. Для выполнения этой задачи требовалось сделать суфиев независимыми от ислама. Так появляется история о Традиции, существовавшей задолго до ислама и являвшейся сердцем всех религий. Чтобы прибавить новой версии пущей значимости, нагнетается таинственность, и суфизм представляется как *единственный* источник возможной эволюции человека. Вот цитата из «Суфиев»: «Суфии считают, что в некотором смысле человечество развивается, стремясь к определенной цели. Все мы участвуем в этом развитии. Органы появляются в ответ на потребность в существовании таких особых органов (Руми). В соответствии с такой потребностью человеческий организм вырабатывает новый комплекс органов. В наше время преодоления времени

и пространства этот комплекс также занят преодолением времени и пространства. То, что обычные люди считают отдельными и случайными проявлениями телепатических или пророческих сил, суфии рассматривают как первые признаки деятельности именно этих органов... Как развить эти органы? Методами суфиев. Как можно узнать, что мы развиваем их? Только с помощью опыта». Далее идет прекрасная фраза о том, что опыт, получаемый на суфийском Пути, невозможно передать словами, и повторяется такое в разных местах текста неоднократно.

Здесь Шах обещает прямое *физическое* изменение человеческого организма, трактуя эволюцию чуть ли не буквально, в духе дарвинизма. Идея весьма странная, но загадочная и даже будоражающая воображение. В более поздних книгах она получила свое развитие, когда Шах начал подавать суфиев чуть ли не сверхлюдьми, но мы поговорим об этом ниже. Тем не менее мне известны люди, которые до сих пор размышляют о местоположении и действии упомянутых Шахом «органов», стараясь обнаружить их у себя. Так таинственность и недосказанность дают пищу для поисков, порой уже нелепых донельзя.

Чтобы возникло желание, нужно рассказать человеку о том, к чему он мог бы стремиться. И рассказать следует таким образом, чтобы он *захотел* того, что ему предлагают. На этом принципе основана вся современная реклама и по нему же работают духовные учителя. Вы не можете захотеть того, о чем никогда не слышали, но вы и не захотите обретения вещей или состояний, в которых нет ничего привлекательного для вас. Будда, как мы знаем, продавал освобождение от страданий, Гурджиев – способность управлять своей жизнью, Иванов – здоровье, а Шах – возможность развития человека в некое высшее существо. Сюда же прилагалось прекрасное дополнение в виде Традиции, хранящей и передающей Знание, принадлежность к которой позволяет наполнить свои действия

высшим смыслом и приблизиться к тому, чтобы чувствовать себя избранным.

Можно ли преуспеть в распространении своих идей, не прибегая к такого рода приманкам? Наверное, можно. Но пряник приходится обещать всегда, такова уж человеческая природа – ведь никто не может начать поиск Пути, не имея самых банальных желаний, вроде обретения бессмертия, силы, блаженства и тому подобного. Если твоя цель создать в обществе запрос на новое учение, на новый Путь, то преувеличения, таинственность и заманчивые обещания должны быть включены в его описание. Другое дело, что на подобные вещи клюют чаще всего те люди, которым пройти Путь не под силу, но это, как говорится, одно из неизбежных следствий подобной Работы.

Ошо рассказывал, что в самом начале своей работы с людьми он пытался давать им Истину в чистом виде. По его словам, их рвало от нее. Они были неспособны «переварить» получаемую информацию и энергию. Потом он стал разбавлять ее приятной ложью, и тогда, когда Истины осталось совсем немного, люди начали потихоньку усваивать хоть что-то. Я вполне доверяю этому его рассказу, потому что сам неоднократно сталкивался с тем, насколько невосприимчивы неподготовленные люди к истине о них самих, а уж к Истине как таковой – и подавно. Поэтому «продавать» людям Истину бесполезно: в том состоянии, в котором они находятся в обыденной жизни, Истина не кажется им привлекательной. Вот мистикам и приходится выкручиваться, чтобы хоть как-то привлечь их внимание к своему посланию. Или начинать с самых простых и очевидных истин, чтобы постепенно, в процессе работы над собой, люди могли дозреть до понимания и восприятия истин куда более высоких. Но на простых истинах послание не построишь, потому что за последние пару тысяч лет все они были уже использованы мистиками, работав-

шими до нас, и стали слишком привычными и «замыленными». Другие же истины, которые усваиваются более-менее легко, слишком мелки для того, чтобы на них что-нибудь строить. Вот и приходится носителям послания придумывать все новые и новые способы привлечения внимания людей, давая им порой заведомо ложную информацию. Трудно сказать, насколько в данном случае цель оправдывает средства, но для того, чтобы разбудить спящего, можно, наверное, крикнуть: «Пожар!», и кому-то это поможет. В любом случае, ни одно послание не может стоять исключительно на лжи или преувеличениях, иначе уже – оно и не послание вовсе.

В послании Идриса Шаха было немало Истины. В первую очередь, она касалась человеческого ума – его обусловленности, проявлений эго, способов мышления, обработки и восприятия информации. К прянику Традиции и эволюции прилагался кнут – в той части послания, где описывалось состояние ума современного человека. Очень точно и с немалой долей иронии перед читателем обнажались его эго и ум, живущий и принимающий решения по старым заигранным шаблонам. Для усиления эффекта обычным людям противопоставлялись суфии, и было в этом сравнении нечто, вызывавшее вполне ощутимый дискомфорт у читателя. Кнут действовал неплохо – по молодости, при чтении очередного текста Шаха, я не раз ловил себя на ощущении полной своей ничтожности. Такое же ощущение, знаю, испытывали и многие другие читатели. Были, правда, и такие, которые ничего подобного не чувствовали, но они либо уже относили себя к суфиям, либо читали книги не с целью открыть для себя истину, а, скорее, для интеллектуального развлечения.

Желание не испытывать дискомфорт от осознания собственного несовершенства тоже может стать стимулом,

приводящим человека на Путь. Неудовлетворенность, возникающая из подобного дискомфорта, вполне способствует этому. Но Шах так сильно и ясно обозначал несовершенство людей и, одновременно, совершенство суфиев, что разрыв выглядел непреодолимым, тем более что он не предлагал никаких конкретных путей к тому, чтобы стать суфием.

Здесь перед нами появляется очередная тайна. Приходит Учитель, который преподносит Знание – о суфизме, Традиции, эволюции – но информация, выдаваемая им, не имеет практической части. Шах не раз и не два упоминает суфийские методы обучения, но не приводит ни одного из них и не дает ссылки на тексты, где можно было бы о них прочитать. То, что он дает, – подготовительная часть, где объясняются некоторые принципы обучения, но дело до него так и не доходит. Зачем приносить знание, которое не имеет практического применения или может быть применено только в определенных условиях? Шах дает много теоретического знания – о том, как вырождаются группы и меняется Работа, об имитаторах и лжеучителях, о том, что нужно учиться тому, как учиться... И эта информация весьма полезная. Но описания практик мы у него не встречаем, и его тексты обрываются ровно там, где надо бы говорить о конкретных методах, благодаря которым обычный человек мог бы стать суфием. Здесь возникает разрыв – с одной стороны, Шах объявляет о существовании возможности развития и утверждает, что оно просто необходимо людям, с другой стороны – он оставляет нераскрытым самый главный вопрос: как становятся суфиями? Мы не получаем от него никаких указаний – только упоминания о суфийских методах обучения и притчи в качестве иллюстративного и учебного материала.

Притчи, представленные Шахом, – это особая история. Книги, в которых он собрал притчи, применявшиеся суфиями в качестве обучающего материала, обладают высочайшей ценностью. Благодаря им каждый может соприкоснуться с мудростью, копившейся и передававшейся веками. Шах отбирал их в сборники, исходя из каких-то своих соображений и целей, но работа с притчами сулит немало открытий тому, кто посвятит этому определенное время.

Шах постоянно указывает на то, что в каждой притче можно найти несколько уровней смыслов. Так оно и есть – в большинстве случаев. Но возможность их открыть для себя соответствует опыту, которым вы обладаете, и никак иначе. Сам Шах писал, что учебный смысл некоторых притч можно понять, только зная язык символов, который в них использован; имея знание суфийского их значения. С какими-то притчами, скорее всего, так и есть. Однако существует немало притч, адаптированных Шахом для западного читателя, где знание символики практически не нужно. Но нужно уметь работать с притчей, чтобы прийти к осознанию разных смысловых уровней, в ней представленных.

Если вам хочется понять, что же заложено в той или иной притче, – ее следует начитывать. Недостаточно прочесть ее один или два раза. Надо возвращаться к ней и перечитывать снова и снова, пока она прочно не осядет в вашем уме. При начитывании следует смотреть на основной смысл истории и второстепенные смыслы, разбросанные там и тут и представляющие собой ключи, применив которые на практике можно получить новый опыт и понимание.

Вот, например, короткая притча из книги «Мыслители Востока»: «В суфийском монастыре в Шиштау, в теккии есть зал, выложенный великолепными инкрустированными изразцами, которым нет цены.

На протяжении почти трех столетий стекались сюда шейхи, эмиры, султаны и ученые, чтобы медитировать и находиться в присутствии Мастера Века.

Но у него был свой собственный круг, и он проводил свои занятия в прямоугольной комнате, походившей на кухню.

Вот почему во многих теккиях есть место, известное как Очаг».

Что можно сказать по поводу смыслов, которые из нее вытекают? Самый очевидный – что всегда существует скрытая часть суфийской Работы, в которой участвуют те, кто действительно готов к этому. Вот еще один: что каждый может получить только то, к чему действительно готов, и даже Мастер Века не сможет предложить вам больше, чем то, что вы готовы усвоить и воспринять. И что ни книжное знание, ни высокое положение и деньги не изменят данную ситуацию. Кроме того, истинная Работа не должна выноситься на показ, и тем, кто приезжает побыть в присутствии Мастера, вовсе необязательно и даже противопоказано знать о ней. И еще один смысл: пока вы озабочены внешним – своим положением, антуражем, в котором проходит обучение, и тем, как и где вас принимают, – путь внутрь будет для вас закрыт. Очаг – это сердце суфий-

ской Работы, и в то же время – символ человеческого Сердца. Если вам хочется быть в компании знати и чувствовать себя важной персоной, то вы не готовы к тому, чтобы обратиться к Сердцу.

Суфийские притчи, изданные и обработанные Шахом, – поистине бесценный учебный материал. Тем, кто вступал с ним в контакт – прямой или по переписке – предлагалось развивать свое понимание через их чтение и толкование. Даже хорошо известные вам притчи следует время от времени перечитывать, и тогда вы сможете понять, насколько выросло и углубилось ваше понимание, а значит – насколько вы продвинулись в работе над собой. К обучающим тестам вообще полезно периодически возвращаться – если, конечно, вы не считаете, что уже поняли и узнали все, что вам нужно было узнать.

Идрис Шах работал с идеями и через идеи, внедряя их в умы своих читателей. Он мало или почти ничего не говорит о чувствах – они совсем его не интересуют. Зато об идеях, их влиянии и восприятии он знает очень много. Он говорит об уме и работает с умом – с тем, как можно его правильно настроить, подготовить к восприятию неких высших идей и к Работе, благодаря которой человек может обрести озарение. Об озарении тоже говорится вскользь, без подробностей. Кое-где Шах говорит о Любви, но это бывает крайне редко. Ведь любовь суфиев обращена к Богу, а к теме Бога Шах практически не подходит, и я бы сказал – всячески ее избегает. Но суфизм без Бога – это даже не абсурд, а какой-то сюрреализм.

Если принять версию, что главной целью его Работы было выведение суфизма из-под ислама, тогда становится понятным все, что он делал. Объявление о существовании Традиции, которая возникла задолго до появления ислама, служило той же цели, и все, что говорилось или не говорилось Шахом, тоже диктовалось ею. Цель, как и положено, оправдывала средства.

Что бы там Шах ни писал о существовании некой все

пронизывающей Традиции, но все учебные тексты и вообще вся информация о суфизме была взята им из того самого «исламского» суфизма. Как если бы никаких суфийских учебных материалов вне его никогда не было. Боюсь, что Традиция, существующая вне ислама, была придумана Шахом для достижения им своей цели – создания возможности для самостоятельного развития суфизма в современном мире. Сделать суфизм свободным от влияния ортодоксов и традиций, сформировавшихся в уже выродившихся группах и орденах. Существуют свидетельства, в которых говорится о том, что Шах считал невозможным дальнейшее развитие суфизма на Востоке. Более того, он якобы утверждал, что на Востоке скоро сложится такая обстановка, в которой суфизм вообще может исчезнуть. Если учесть, что эти утверждения были сделаны в шестидесятых или семидесятых годах прошлого столетия, то Шах, похоже, оказался прав. То, что сейчас происходит в странах, где зарождался и развивался суфизм, вряд ли можно назвать благоприятной средой для осуществления живой мистической Работы. Так что Шах мог понимать свою миссию как спасение суфизма от окончательного вырождения.

Об этом вырождении и признаках деградации групп суфийского толка Шах написал довольно много. Можно сказать, что немалая часть его наследия посвящена именно тому, как отличить истинное суфийское обучение от ложного и настоящую Работу – от ее имитации. Таким образом, Идрис Шах создавал возможность для различения – тем, кто захочет найти истинное обучение и настоящую рабочую группу. Он оставлял указания и расставлял вешки для тех, кто захочет пойти по Пути, который сам же и описал. Точнее, описал условия, в которых этот Путь мог бы быть начат.

Исходя из всего вышесказанного, становится понятным, почему Шах не мог давать практической части в своем учении. Все практики суфиев, кроме, может быть, практик осознания

себя, были завязаны на Аллаха и кораническое понимание Бытия. То есть – на ислам, из-под сени и влияния которого Шах и стремился его вывести. Для того чтобы появились новые практики, уже не столь «исламские» и не требующие принадлежности суфиев к исламу, должны были появиться искатели, способные воспринимать суфизм как самостоятельное мистическое течение. Именно Работа Идриса Шаха должна была создать условия для их появления. А когда пришли бы люди, готовые воспринимать суфизм по-новому, тогда появился бы и тот, кто дал бы новые, не столь «исламские» практики и Знание, изложенное без постоянных отсылок к Корану. Таким, как я понимаю, был изначальный план Работы Шаха. Хотя жизнь, как это часто бывает, внесла в него свои неожиданные коррективы.

У брать Бога из суфизма без потерь для всего учения было невозможно. Нужно было дать что-то взамен, причем такое, что создавало бы в людях позитивную мотивацию. Шах выбрал Истину как высшую цель поиска, и *состояние суфия* как то, к чему должен стремиться каждый искатель. В результате Истина стала некой самодовлеющей целью, а не атрибутом Бога, и возможное содержание этой Истины каждый может довообразить себе сам. Можно служить Богу, но нельзя – Истине, потому что первое служение является взаимодействием с Высшей Силой, которая может вести и направлять тебя, а второе – так или иначе превращается в служение идее и больше ничему. Истина Бога – это одно, а просто некая абстрактная Истина – совсем другое.

То же самое произошло с обликом суфиев. Они – без Бога – стали обретать некие сверхчеловеческие черты. Их силы не являются следствием служения Богу и проведения высших энергий на наш план Бытия, но они самым таинственным образом развиваются у суфиев и становятся уже их *собственным атрибутом*. Вот, например, отрывок из «Суфиев»: «Суфии верят, что их деятельность приводит к возникновению

того, что можно назвать центробежной или притягательной силой. Такая сила повсюду притягивает к себе подобную же силу. Это объясняет смысл таинственных «указаний», которые получают суфийские учителя, предписывающих им отправляться в такое-то место, чтобы ответить на призыв такой силы, оставшейся в одиночестве или нуждающейся в усилении». Вообще-то подобные указания всегда рассматривались как указания Воли Бога, и следование ей было частью Работы суфиев. Когда Бог убран из контекста, возникает некая сила, объяснение появления которой выглядит странно, а указания, получаемые от нее, – еще страннее. То есть деятельность суфиев порождает силу, которая начинает руководить ими, и возникает этакий рукотворный аналог Бога. Вот к чему приводит попытка нарисовать новую картину поверх старой, используя при этом элементы прежней композиции. Тут уж надо либо рисовать с нуля, создавая нечто совершенно новое, либо оставлять за бортом все, что так или иначе связано с элементами, подлежащими удалению.

Шах – до некоторой степени вынужденно – сделал из суфиев сверхлюдей, влиявших практически на все в мире и продолжающих, между прочим, влиять. Я не могу сказать, что в подобных его утверждениях совсем нет никакой Истины – она есть. Но одно дело, когда суфии делают что-то, следуя Воле Бога, другое – когда они действуют исходя из своего понимания какой-то эволюции, ведомой только им одним. Советская власть показала, что отмена Бога приводит к обожествлению вождей. У Шаха получилось нечто похожее – суфии без Бога сами стали полубогами. У них телепатия, предвидение будущего, тайное могущество и еще неизвестно что. Картинка нарисована весьма привлекательная – для тех, кто ищет силу и власть. А именно таким людям абсолютно нечего делать в духовном поиске.

Любое действие имеет побочные эффекты и следствия,

которые далеко не всегда можно предусмотреть. Особенно трудно предсказать, как поведут себя люди, которые не знают твоей цели или трактуют ее так, как им выгодно.

У Идриса Шаха был старший брат. Его звали Омар Али Шах, и он тоже причислял себя к суфиям. Поначалу они действовали сообща, хотя тон Работе задавал Идрис. Потом Омар решил начать обучение людей, что никак не входило в планы младшего Шаха, и они поссорились. Понятно, что если Идрис готовил почву для будущей Работы, которая должна была вестись в других условиях и с другими людьми, то на фоне созданного им запроса на нее выступление Омара в роли Учителя не могло привести к должным результатам. А вот создаваемую Идрисом необходимость в настоящем обучении вполне могло снять и даже дискредитировать. Тем не менее Омар решил начать свою игру и взял в обучение многих из тех, кого привлекли книги брата. Кроме того, Омар Шах стал использовать в обучении самые «фантастические» из его идей, придав Традиции поистине волшебную по влиянию на тех, кто к ней как бы принадлежит, силу. Достаточно было начать посещать какую-нибудь из групп, ведомую Омаром, как ты уже присоединялся к Традиции и как бы подключался к ее волшебному воздействию. Вот отрывок из его книги «Суфийская

Традиция на Западе»: «Если человек занимается деятельностью, особым образом связанной с Традицией, скажем, упражнением или чтением, то во время этих 10-ти, 15-ти или 30-ти минут почти определенно будет 5 или 10 моментов контакта (с внутренней сущностью человека – *примечание мое*). То, что человек делает или слушает, или то, о чем он думает во время таких моментов, будет усилено в смысле понимания. Эти вещи не обязательно будут находиться в фокусе внимания на сознательном уровне, но на внутреннем уровне – будут». То есть Традиция по Омару имеет влияние почти божественное и крайне благодатное. За счет чего она существует и чем поддерживается? Конечно же, Работой суфиев – ну не Высшим же Существом (так у Омара именуется Бог, хотя Он тоже упоминается крайне редко). В общем, все та же песня, только доведенная почти до абсурда.

Новых упражнений старший брат не дал: ввел те, которые были у «исламских» суфиев ранее. Книги его многозначительны по форме и весьма неглубоки по сути, хотя в них он честно пытается «осовременить» суфизм, используя модные в то время понятия вроде *намерения* (привет Кастанеде) и приемы позитивного мышления. Как одну из основных целей для своих последователей Омар выбрал достижение гармонии, которую, как и любой подобный термин, каждый человек может наполнять своим собственным смыслом и к нему стремиться. Вполне в духе «исламских» суфиев Омар оставил собственного сына руководить группами последователей, которые к тому времени обрели все признаки сектантского мышления – чувство избранности, чувство значимости от обладания единственно возможной истиной и нетерпимость к иным точкам зрения.

Трудно сказать, повлияло ли то, что Омар Шах объявил себя Учителем, на общие результаты Работы Идриса Шаха. На Западе не появилось истинного Учителя, который вдохнул бы

жизнь в новую, неисламскую версию суфизма, а к тому, что происходит в группах Омара, всерьез относиться невозможно. В любом случае, созданный Идрисом запрос на истинное суфийское обучение все еще жив, а значит, возможность получить ответ на него все еще существует.

**КРИШНАМУРТИ:
ПРОВОДНИК В СТРАНЕ
БЕЗ ДОРОГ**

Судьба большинства сколько-нибудь значительных мистиков всегда необыкновенна. Кришнамурти не стал исключением в данном ряду, скорее – судьба его становления как мистика стала совсем уникальной. Он родился в 1895 году в семье, принадлежавшей касте браминов, где, кроме него, было еще десять детей. Десяти лет от роду он потерял мать, а вскоре после этого отец Кришнамурти, нуждавшийся в средствах после выхода на пенсию, устроился работать в штаб-квартиру Теософского общества, которая располагалась в Адьяре. Дети отправились вместе с ним, и это событие предопределило дальнейшую судьбу Кришнамурти. В 1909 году, когда Кришнамурти было четырнадцать лет, на него обратил внимание Чарльз Ледбитер, являвшийся на тот момент одним из лидеров Теософского общества.

Теософское общество было основано Еленой Блаватской и преследовало цели создания всемирного братства людей, сравнительного изучения религий и научных дисциплин, а также занималось исследованиями скрытых сил человека и разного рода паранормальных феноменов. Чарльз Ледбитер в полной мере обладал паранормальными способностями, в частности –

ясновидением. Во всяком случае, так считал он сам и внушал подобные мысли другим. Без развитого экстрасенсорного восприятия пробиться в элиту Теософского общества было практически невозможно, поскольку вся его деятельность еще со времен Блаватской направлялась Братством Великих Учителей, которые слали теософам телепатические послания откуда-то из Тибета. Кроме того, теософы, увлекавшиеся буддизмом и индуизмом, были одержимы идеей перерождения душ, и Ледбитер, благодаря имевшемуся у него сверхвосприятию, играл в данном вопросе роль главного «специалиста». Он составлял длинные списки, в которых описывалось, кто из теософов кем был в прошлых жизнях и в каких отношениях они состояли друг с другом. Само собой подразумевалось, что их встреча в данном воплощении далеко не первая, и кто-то уже был кому-то матерью, отцом или любовником. Вся эта прекрасная ерунда пользовалась в Теософском обществе большим спросом.

Известно, что последователям любого религиозного движения всегда нужна цель – по возможности, максимально возвышенная. Послания Учителей к тому времени перестали быть чем-то новым, и содержание их не несло серьезных откровений. Возможно, поэтому Ледбитер начал готовить новое воплощение Господа Майтрейи, дух которого должен был использовать своим проводником хорошо и правильно подготовленное тело. Для этой цели Ледбитер искал подростков, у которых, с его ясновидящей точки зрения, имелись бы необходимые качества для принятия в себя духа Майтрейи. Надо сказать, что сам Ледбитер полагал, что это будет дух Иисуса Христа, хотя позже стали говорить и о духе Будды. Другими словами, невзирая на предсказание Блаватской, что «ни один Учитель Мудрости с Востока не появится в Европе или Америке и никого не пошлет туда... до 1975 года», теософы стали готовить его появление. И если учесть, что Ледбитер

отождествлял Майтрейю с Иисусом, то готовили они второе пришествие Христа.

К моменту встречи с Кришнамурти у Ледбитера уже имелся кандидат на роль нового Мессии. Им был Хьюберт Ван Хук, американский юноша, чей отец (как, впрочем, и отец Кришнамурти) являлся членом Теософского общества. Ему уже поклонялись как будущему Спасителю, но появление нового кандидата в Мессии оборвало его возможную карьеру на этом поприще. Весной 1909 года Ледбитер увидел индийского мальчика, окруженного необыкновенной аурой, в которой, по его словам, не было ни капли эгоизма. С этого момента для Кришнамурти закончилась обычная жизнь и началась подготовка к великому служению на благо человечества. Ван Хук перестал быть кандидатом в Мессии, и теософы перенесли свое внимание на нового избранника судьбы, роль которой на тот момент играл Чарльз Ледбитер.

Страсть людей к обожествлению себе подобных известна давно и всем, но история повторяется снова и снова. Люди хотят иметь кумиров, чтобы те воплощали в себе то, чего нет у них самих. Отождествляя себя с «великими», люди как бы приобщаются к их «величию» и обретают замену полноценности, которой им явно не хватает. Потерять себя в поклонении – не равно тому, что потерять себя в высшем, мистическом смысле, но тоже на время помогает освободиться от груза эго и связанных с ним напряжений. Отождествить себя с кумиром, конечно, не то же самое, что раствориться в Боге, но тоже на время помогает. К тому же создание кумира позволяет спроецировать на него все свои мечты и в поклонении войти в особый вид сна наяву, когда ты сам как бы становишься кумиром, обретая все его воображаемые или реальные качества. Перенос такого рода явно или неявно всегда присутствует в поклонении, и именно за счет него люди на время освобождаются от себя, получая истинное удовольствие. Когда люди

начинают поклоняться духовным учителям или политическим лидерам, то в поклонении появляется еще один аспект – снятие с себя ответственности за происходящее. Выказывай Мастеру знаки уважения и почтения, и пусть он в ответ как-нибудь протащит тебя в рай. Восхваляй ум, характер и волю президента страны и надейся, что он решит за тебя все проблемы. Жажда поклонения возникает из необходимости снятия с себя груза – либо усталости от никчемности самого себя, либо от необходимости прикладывать усилия и принимать решения.

Отец Кришнамурти дал согласие на то, чтобы теософы стали обучать и готовить Джидду к великой миссии. Сразу после этого четырнадцатилетний мальчик, каковым тогда был будущий Учитель, попал под серьезное давление. С одной стороны, его почитали как Мессию, с другой – предписали ему довольно жесткий режим и строгое обучение. Кришнамурти держали на диете, заставляли выполнять упражнения из йоги и практиковать медитацию, кроме того, его учили читать и писать. В программу подготовки входили предметы школьной программы, которые преподавались самими теософами, и они-то и вызывали у Кришнамурти самые большие трудности. Он был рассеянным с самого детства, порой не мог сконцентрироваться и обладал плохой памятью. Еще до того, как Кришнамурти оказался во власти теософов, местные школьные учителя высказывали мнение, что он, может быть, слабоумный. Рассеянность и непонятливость будущего Мессии раздражала и новых учителей, а Ледбитер даже как-то раз его ударил, придя в гнев из-за плохой сообразительности своего подопечного. При этом Кришнамурти проявил хорошие способности к изучению языков и интерес к устройству

сложных механизмов. В общем, учеником он был непростым, оказавшимся к тому же в ситуации предопределенной судьбы – например, влюбиться и жениться ему было запрещено в принципе, поскольку это не соответствовало представлениям теософов о том, как должен жить Учитель Мира. Строгий режим и отречение от мирского – вот что предлагалось юному Кришнамурти в качестве платы за высокую миссию, которая, по сути, была ему навязана.

Воспитание всегда несет в себе элементы насилия по отношению к ребенку. Ему отказывают в исполнении простых желаний, заставляют заниматься тем, что не доставляет никакого удовольствия и навевает скуку, приучают к режиму и определенному порядку жизни. Даже если ребенка не наказывают, то принуждение к выполнению каких-то конкретных действий присутствует всегда, потому что без него никакое воспитание неосуществимо. Обучение против желания ребенка – тоже является насилием над его психикой, и оно знакомо каждому, кто посещал среднюю школу. Это вынужденное, запрограммированное обществом насилие, без которого, повзрослев, человек не сможет вписаться в социум и найти в нем свое место. Насилие, которое осуществлялось над Кришнамурти, имело несколько иной смысл и цели. Оно применялось для того, чтобы сбылись планы и амбиции небольшой группы людей, возомнивших, что им известна окончательная Истина. Кришнамурти стал заложником их идей и объектом эксперимента по привлечению высшей сущности в заранее подготовленное тело. Поэтому на тело обращалось особое внимание, хотя и остальные составляющие духовного воспитания и обучения – конечно же, подчиненного идеям, в которые верили теософы, – прилагались в полном объеме.

Насколько позволительно воспитывать ребенка в своей вере – вопрос бессмысленный, потому что все родители занимаются именно тем, что передают свою веру, вкупе с убежде-

ниями и предрассудками, своим детям. Духовное воспитание в этом случае мало отличается от воспитания обычного, только насилия порой в нем становится куда больше. Если родители сами подчинены идеям духовного, например, очищения, то его принципы они станут навязывать детям, внушая им необходимость следования вегетарианству, осуждения своих «дурных» мыслей и даже безбрачия. Я знаком с людьми, прошедшими через подобное воспитание, и все они в той или иной степени травмированы им. Одно дело, когда взрослый человек по собственной воле накладывает на себя некие ограничения и прикладывает усилия к выполнению духовных практик, и совсем другое – когда таким же ограничениям и требованиям подчиняют ребенка. Все знают, что благими намерениями вымощена дорога в ад, но всем же почему-то кажется, что именно их благие намерения приведут прямо в рай тех людей, на кого они направлены.

Жизнь Кришнамурти нужно было положить на алтарь служения человечеству – так, по крайней мере, считали теософы. Им казалось, что выше этого ничего и быть не может и что о такой миссии каждый здравомыслящий индивид может только мечтать. Понятно, что все учение теософии с его Учителями Мудрости, теорией эволюции рас и реинкарнацией сущностей – было и остается по сути – учением без Бога. Это было очередное и очень характерное для начала двадцатого века учение о появлении расы сверхлюдей, которым Господь на самом деле был не особенно нужен, ведь они сами могли привести его новую инкарнацию на Землю. Ожидание появления новой, шестой расы на нашей планете, которая будет обладать совершенно сверхчеловеческими качествами, существует и поныне, и Учителя, передающие диктовки, сохранились тоже, хотя и перебрались за пределы Солнечной системы. Идеи, рожденные теософами, живы до сих пор, хотя форма их подачи немного изменилась. Но что в самой теософии никогда

не было Бога, так нет Его и сейчас в новых посланиях из ниоткуда.

Поначалу Ледбитер каждую ночь сопровождал Кришнамурти в астральном путешествии к Учителю Кут Хуми. То есть Кришнамурти ложился спать, а ночью его астральное тело покидало тело физическое, отправляясь на обучающие беседы в Тибет. Утром он, конечно, мог и не вспомнить о своем путешествии, но самого факта обучения это – по логике Ледбитера – никак не отменяло. Для поддержания легенды о существовании Учителей и увеличения авторитета самого Кришнамурти была написана и издана книга «У ног Учителя», в которой описаны встречи Джидду с Кут Хуми и переданы его наставления. Многие заметили сходство стиля юного Кришнамурти со стилем, в котором Ледбитер писал свои книги, но это не очень беспокоило ни теософов, ни читателей данного труда. Мы, как известно, можем верить (или не верить) во что угодно, и теософы и их наследники неоднократно демонстрировали подобную веру. Сам Кришнамурти, кстати, впоследствии отрицал существование Великих Учителей, деликатно обходя вопросы о своей юности и встречах с ними. Он говорил, что ничего не помнит о том периоде своей жизни, и тут дальнейшее продолжение этой темы становилось бессмысленным и бестактным. Может быть, он и на самом деле не помнил своей молодости, ведь и тогда он не славился хорошей памятью.

Через несколько лет теософы перевезли Кришнамурти в Англию, где он стал участвовать в собраниях «Ордена Звезды Востока», который был создан специально для того, чтобы оказывать содействие работе Учителя Мира. Он уже не мог отказаться от роли Учителя, потому что все вокруг ждали от него ее исполнения. На первом заседании Ордена Кришнамурти произнес свою первую речь. Потом он стал говорить много и часто, и делал это без подготовки, импровизируя. Теософы все ждали, когда на него снизойдет дух Майтрейи, и пытались обнаружить признаки схождения духа при каждом удобном случае. В 1924 году, после очередного выступления Кришнамурти перед собранием теософов, Анни Безант, возглавлявшая на тот момент Теософское общество, написала: «Дух сошел, и пребывает в Нем. Учитель Мира здесь».

Какие-то вещи с Кришнамурти, безусловно, происходили. Не все из них были приятными. В 1922-м году он испытал трехдневное мистическое переживание, сильно изменившее его, которое, впрочем, закончилось приступом сильных болей в шее и позвоночнике, сопровождавшихся жаром и потерей сознания. Подобные приступы разной длительности и интен-

сивности продолжались у него всю жизнь, и причина их осталась неясной. Выступления на публике становились все более уверенными, и всем было видно, что он *растет* – не только как оратор, но и как мистик тоже. И сколько в этом было от Кришнамурти, а сколько – от неведомой высшей сущности – понять поначалу было невозможно, поскольку теософы не могли позволить себе ошибиться.

Схождение духа, вообще, штука загадочная. Можно понять ситуацию, когда дух умершего использует тело медиума для общения с материальным миром. Это, что называется, временное одержание, и медиум добровольно становится каналом для манифестации духа. Хотя по-прежнему существует много вопросов, с какими такими духами общаются медиумы – те из них, которые не являются откровенными шарлатанами. Есть еще одержание постоянное, и оно связано с демоническими сущностями, которые используют захваченного человека одновременно как пищу и как канал для получения определенных энергий от других людей. Одержание такого рода происходит, как правило, против воли одержимого и является следствием баловства с черной магией. Причем сам одержимый может ничем таким никогда не заниматься – достаточно, чтобы магические ритуалы и практики выполнялись кем-нибудь из его близких. Одержание демонической сущностью встречается довольно редко, и это хорошо.

Только оккультист вроде Ледбитера мог додуматься до того, чтобы пытаться призвать некую высшую сущность (по определению – нечеловеческую) к сознательному одержанию пусть и специально подготовленного, но все же – человека. Никакой человеческий дух (или сознание?) не способен войти в другого человека просто в силу того, как он устроен. А сущность из других слоев Реальности может – не войти, но подчинить себе и создать прочную связь между собой и тем, кого она контролирует. Хотя Майтрейя вроде бы и не должен

быть человеком, а должен быть неким Господом. Тогда зачем ассоциировать его с Иисусом или Буддой? Или по теории реинкарнации они после смерти превратились в высших существ типа ангелов? Но ни одно светлое высшее существо не станет одерживать человека, потому что в этом не нуждается. В общем, как ни пытайся разобраться в этой концепции, получается очередная теософская бредятинa, в которой нет ни капли смысла.

Благодаря стараниям теософов, Кришнамурти получил широкую известность еще до того, как начал всерьез чему-либо учить. Он вел светскую жизнь (не нарушая, впрочем, наложенных на него ограничений), и интерес к нему со стороны публики был достаточно высоким. Поначалу его выступления укладывались в рамки теософской доктрины, но постепенно он стал говорить на более широкие темы и, в конце концов, тоже осознал, насколько мало смысла в том, чему его так долго учили. Разрыв с теософами произошел в августе 1929 года, когда на очередном собрании «Ордена Звезды Востока» Кришнамурти заявил о роспуске ордена и о том, что с теософами ему больше не по пути. Конечно, это был рискованный, но необходимый шаг для того, чтобы начать свою собственную Работу, будучи не связанным ожиданиями и требованиями особым образом обусловленных последователей.

Почему Кришнамурти не захотел взять на себя функцию Учителя Мира или даже Спасителя – вполне понятно. Для начала – на самом деле мир не нуждается ни спасителях, ни в учителях мирового масштаба. Тот, кто нуждается в спасении, – обращается к Богу, и если его необходимость сильна – всегда

получает ответ. Ни Иисус, ни Будда не были при жизни Мировыми Учителями. Они стали таковыми позднее, когда их учение было перетолковано для широких масс и превратилось в религию. Стать учителем мира в наше время – значит, превратиться в попсовую фигуру вроде Папы Римского или Далай-ламы и изрекать разного рода банальности на духовные темы. Никого другого широкие массы не примут и слушать не станут. Да и нынешних вышеупомянутых лидеров слушают только в силу их звания. Практически – в силу привычки.

Спасение людей – всего лишь очередная идея, в основе которой лежит представление, что люди находятся в беде. Скажем, погрязли в грехе или в страданиях. Человек, которому открылась Истина, видит, что дела обстоят ровно так, как хочет того Господь, и мир совершенен по замыслу и исполнению. Страдание людей является их выбором, хотя и бессознательным, и без определенной меры страдания мир не сможет существовать и его гармония будет необратимо нарушена. Все это неприемлемо для того, кто хочет легкой жизни, не понимая, что какую жизнь человеку ни дай – легкой она не будет. Принять страдание и смерть как данность, как неотъемлемую часть человеческой жизни может каждый, но большинству этого очень не хочется. Точно так же каждый может изменить свою ситуацию, начав работать с энергией своего сознания и освобождаясь от давления желаний, благодаря которым собственно страдание и рождается. Даже из этого небольшого абзаца становится совершенно очевидным тот факт, что все великие Истины о человеческой жизни уже сказаны и не раз. Поэтому ничего нового Учитель Мира сказать не сможет. Можно, однако, дать новый Путь к переживанию Истины и к тому, чтобы суметь изменить себя. В этом – по-настоящему – и заключается Работа всех без исключения Мастеров последних столетий.

Разница между Учителем и Мастером заключается в том,

что первый дает знание, идеи и философию. Второй работает с бытием ученика, через практики и прямое воздействие, хотя и знание – по мере необходимости – дает тоже. Кришнамурти, как и планировалось теософами, стал Учителем, даже если сам того, может быть, и не хотел. Но ситуация, в которой он оказался, вынуждала его либо продолжить миссию учительства, либо остаться ни с чем – без профессии и средств к существованию. Но к моменту разрыва с теософами Кришнамурти уже почувствовал себя Учителем, и продолжал общаться с публикой. Тем более что интерес к нему разгорелся с новой силой после неожиданного роспуска «Ордена Звезды Востока» и отказа от роли Учителя Мира. Он больше не собирался проповедовать теософские «истины», у него появилось собственное послание.

Ошо говорил, что главным в учении Кришнамурти является посыл – не следуй никому, кроме самого себя. Дескать, долгое и отчасти насильственное обучение наложило отпечаток на все его послание. Действительно, Кришнамурти утверждал, что Пути к Истине не существует, что учителя и мастера не нужны, как не нужны и никакие организации, церкви или ордена. «Истина – это страна без дорог», – так он заявлял, но продолжал передавать Истину, насколько сам ее знал. Изложение той Истины, что ему открылась, стало главным делом его жизни, и она, конечно, была куда шире, чем призыв не следовать никаким учениям.

На самом деле Кришнамурти всегда говорил о состоянии осознанности и ни о чем другом. При этом он не обозначал путей к нему, просто описывал, как человек, пребывающий в осознанности, ощущает себя и мир, вот и все. Пребывание вне времени (то есть в «здесь и сейчас»), непривязанность к прошлому и реакциям ума, независимость от любых идей, осознание без выбора – все это описание состояния полной осознанности, причем достаточно подробное. Получалось так: Кришнамурти рассказывал неосознанным людям о том, как

ведет и чувствует себя осознанный человек, и они, впечатленные услышанным, стремились вести себя так же. Другими словами, Кришнамурти давал им образ поведения, который люди пытались примерить на себя, делая из Учителя пример для подражания. Отрицая наличие Пути, Кришнамурти все равно давал некое знание, из которого люди создавали себе *суррогат* Пути, раз уж Учитель не мог дать им ничего другого. Такова природа человеческого ума – для того, чтобы начать действовать, ему нужен пример подобного действия, некий алгоритм, следуя которому он мог бы что-то делать. Слова Кришнамурти давали *примеры отношения* к себе и к реальности, и можно было попытаться перенять это отношение и время от времени действовать, опираясь на него. Подобный подход ни в коем случае не избавлял человека от бессознательности, но давал ему некую новую точку отсчета и оценки событий, новую позицию для ума. Благодаря этому слушатель Кришнамурти мог вдохновиться и на какое-то время реагировать и действовать по-новому, но потом механистические реакции все равно брали свое, и никаких глубоких изменений не происходило. Более глубокие слои обусловленности и идеи, впитанные в раннем возрасте, все равно берут верх над новыми идеями, как бы усердно человек ни пытался себе их привить. Основным результатом таких усилий становится противоречивость и запутанность реакций человека, который, например, ходит в церковь и блюдет посты, но во многих ситуациях ведет себя как истинный безбожник, напрочь забывая об Иисусе и христианских заповедях.

С поклонниками речей и книг Кришнамурти происходило примерно то же самое. И то же самое, надо сказать, происходит с последователями всех без исключения Учителей, которые обращаются только к умам слушателей. Вам может казаться, что истина, излагаемая словами, затрагивает ваше сердце и производит некое одухотворяющее воздействие;

возможно, что так оно и есть. Но сухой остаток словесного воздействия остается только в уме, а все остальные реакции проходят без следа – вы помните о них, может быть, желаете повторения этих прекрасных ощущений, но и все. Внесение в ум новых идей дает ему новые способы действия, почти никогда не отменяя старые шаблоны и реакции. Иногда новая идея входит со старой в некий симбиоз, расширяя и меняя ее. А иногда они противоречат друг другу, и тогда реакции человека полностью зависят от того, какая идея вдруг стала доминировать в уме человека, и ведет он себя соответственно. Без целенаправленной работы над освобождением себя от привязанности к идеям, без разотождествления с умом – невозможно изменить данную ситуацию. Кришнамурти почему-то постарался забыть о том, что сам проходил серьезную практическую подготовку к выполнению миссии Учителя. Или же он считал, что эта подготовка ничего ему не дала, и она была совершенно не нужной?

Книги, написанные Кришнамурти, намного точнее выражают его послание, чем ответы на вопросы слушателей, которые тоже издавались в виде книг. В живом разговоре Учитель допускает неточности, которые порой идут вразрез с самой идеей осознанности. Читая его разговор с очередным слушателем, возникает явное ощущение, что Кришнамурти сам пытается нащупать верный ответ, но по ходу рассуждений иногда сползает в какие-то дебри, из которых сам с трудом выпутывается. Он как бы *исследует* предложенную ему тему, подходя к ней то так, то этак, и тогда и возникают рассуждения, которые легко подвергаются критике с позиций той же самой осознанности. При этом тексты и ответы Кришнамурти весьма интеллектуальны и, на мой вкус, многословны. Он часто возвращается к одним и тем же темам, но таков удел любого, кто берется доносить Истину до людей.

Остается вопрос – если обучение у теософов ничего не дало Кришнамурти, то как же тогда он дошел до того, что каждое его выступление собирало тысячи людей? Если помнить о том, что он не заканчивал никаких университетов и с детства

славился слабой памятью, то его позднейшая трансформация становится полной загадкой.

Сам Кришнамурти в одном из своих интервью говорит, что уже родился с пустотой внутри. И в свое время эта пустота привлекла к себе некую Силу, которая поддерживала его всю жизнь и хранила. С этой точки зрения, конечно, обучение у теософов ничего не могло ему дать. И, как это ни печально, и Кришнамурти ничего не мог дать миру, потому что опыт его был слишком уникальным. По его словам, он никогда не готовился ни к одной из своих встреч с людьми. Вне общения его ум всегда был пустым, когда надо было начинать говорить, он как бы наполнялся, а что происходило дальше, Кришнамурти не мог ясно сформулировать. Иногда он сравнивал это с откровением, которое сходило на него в момент начала разговора, причем от состава и качества публики оно не зависело. В другой раз он снова говорил о Силе, которая наполняет собой помещение, как только начинается серьезный разговор. Так или иначе, но Кришнамурти не присваивал себе заслуг в создании учения, скорее, он считал себя его проводником. Возможно, что Силу, присутствие которой он ощущал почти постоянно, мы называем Божественным Присутствием. Описание, которое давал Кришнамурти этой таинственной Силе, вполне согласуется с проявлениями и переживанием Присутствия. У самого Кришнамурти ясного ответа на этот вопрос не было, но он, как кажется, и не стремился его найти.

Он говорил, что всегда испытывал притяжение к Будде, и это, в общем, немудрено, если учесть, что описывал он состояние осознанности. При этом разного рода мистические переживания посещали его на протяжении всей жизни. В 1979 году, например, Кришнамурти ощутил вхождение нового импульса энергии, который дал ему переживание абсолютного. «То не состояние, не статичная, фиксированная, недвижущаяся вещь. В ней вся вселенная, неизмеримая для человека». Можно,

наверное, сказать, что так Кришнамурти выражал переживания погружения в ощущение бесконечности. При этом Бога он считал очередной идеей и выдумкой людей, измученных отчаянием и прочими проблемами. Вполне в духе просвещенного атеистического двадцатого века.

Учение Кришнамурти воспринимается довольно сложным, и сам он о нем отзывался в том же духе, но сложное оно только по форме подачи и выражения. Кришнамурти был склонен к чрезмерной интеллектуализации и многословию там, где все можно было сказать проще. Не исключено, что прямое общение с ним оказывало на слушателей куда более сильное впечатление – за счет силы его присутствия – и потому он притягивал к себе людей. Возможно, именно такая форма подачи привлекала людей того времени, а может быть, Кришнамурти просто не мог выражать свое учение иначе. К тому же, как мы помним, процесс выражения шел у него как бы спонтанно. Как бы там ни было, его популярность при жизни была довольно высокой. Он был и остается духовным авторитетом, книги которого постоянно переиздаются, а значит – читаются.

Сам Кришнамурти считал, что если он является неким уникальным человеком, тогда его усилия по распространению Истины не имеют смысла. Я бы сказал, что не имеют смысла описания состояний высшей осознанности, если нет никаких путей к ее обретению. Какой смысл рассказывать о просветле-

нии, соблазняя людей описанием высоких внутренних состояний, но не указывать путей к их достижению? Не знаю. При этом само состояние высшей или полной осознанности достигалось многими людьми до Кришнамурти и уникальным в этом смысле не является. Выражали они его несколько иначе, хотя суть оставалась той же самой. Поэтому уникальной является только судьба Кришнамурти и, конечно, он сам, но никак не его учение.

Есть еще один вопрос – что стало бы со странным индийским юношей, если бы теософы не взяли его в оборот? Скорее всего, он не стал бы Учителем с мировой известностью, а превратился бы в местечкового святого, каких в Индии – хоть пруд пруди. Так что судьба и неведомая Сила вели его – хоть несколько странным и жестким путем – к выполнению миссии и роли Учителя. И сколько бы сам Кришнамурти ни отрицал наличие дорог к Истине – сам он прошел по одной из них, отказавшись, правда, оценивать свой опыт. Он выполнил свою Работу – так, как мог, или так, как считал нужным. Он дал людям знание, не предполагавшее получение опыта, но, может быть, тогда они нуждались именно в этом. Господу видней.

**РАМАНА МАХАРШИ —
НАСТОЯЩИЙ СВЯТОЙ**

О Рамане Махарши принято говорить только хорошее. В отличие от Ошо, Гурджиева и прочих мистиков прошлого века, в его биографии нет темных пятен или действий, которые можно было бы толковать неоднозначно. Махарши прост, чист и светел. Значит ли это, что он, может быть, был на голову выше всех остальных мистиков? Уверен, что найдутся люди, которые именно так и скажут. Но есть, однако, одно объяснение, позволяющее взглянуть на ситуацию несколько иначе. Рамана Махарши *ничего не делал*, а потому не мог ошибаться, не мог попадать в двусмысленные ситуации, и вообще с ним фактически ничего не случалось во внешней жизни. Ему не нужно было искать учеников, потому что те сами его находили, возникновение ашрама тоже случилось почти само собой – из необходимости и по желанию учеников. Ошо с выступлениями объездил всю Индию, прежде чем осел в Пуне, и всем прочим приходилось много ездить для распространения знания и с целью привлечь тех, кто нуждается в Истине. Всем приходилось действовать, и только Махарши отказался от всяких действий, но все равно стал мистиком с мировой известностью.

Воистину, пути Господни неисповедимы. Почему одному нужно приложить массу усилий для осуществления своей миссии, а к другому все приходит само? В отношении Махарши ответ достаточно очевиден – он с самого начала не собирался быть учителем, и никакой ясно осознаваемой миссии у него не было. Он и в самом деле был простым человеком, насколько вообще понятие «простой» может быть применено к мистикам. Известно, что его Путь начался с того, что в шестнадцать лет Рамана пережил осознание смерти, которое началось с сильного страха перед ней, сменившегося ощущением *умирания*. Казалось, что смерть пришла и ее наступление абсолютно неизбежно. Тогда Рамана лег на пол и стал смотреть на происходящее, размышляя о том, что же все-таки умирает. Все происходящее повернуло его внимание внутрь, на природу того, что смертно внутри него, а что – нет. Он внутренне принял смерть, и с этого момента жизнь его изменилась. Недаром многие мистики утверждают, что если вы хотите пробудиться от сна бессознательности, вам следует постоянно помнить о неизбежности собственной смерти. Острое, внезапно наступившее переживание неизбежности смерти, причем с ощущением умирания здесь и сейчас, пробудило Раману и обратило его внутрь себя. Исходя из того, как сам Махарши описывал свои переживания в этот момент, можно сказать, что он получил импульс Милости Бога, который и принес ему внутреннюю трансформацию. Почему Махарши получил импульс Милости безо всякой предварительной подготовки – нам знать не дано, и любые объяснения будут притянутыми за уши, как и в случае с Порфирием Ивановым. И вот что интересно – и у Махарши, и у Иванова вскоре после трансформации обнаружилось притяжение к конкретным местам – у первого к горе Аруначала, а у второго – к Чувилкиному бугру. И Аруначала у Махарши, и Чувилкин бугор у Иванова наделялись мистическим значением как

места, обладающие особой силой. Аруначала, конечно, была и остается значительно выше Чувилкиного бугра, но и масштаб Махарши как мистика тоже будет побольше масштаба Порфирия Иванова.

У каждого места есть своя энергия. Будь то квартира, берег реки или какой-нибудь бугор – в каждом месте существует своя энергетика, которую, в принципе, чувствует каждый человек, но далеко не всегда он это осознает. Мистики, благодаря развитому восприятию, находят некие особые для себя места, в которых их практика или Работа выполняется легче. Иногда подобные места обнаруживаются случайно, иногда к ним приводит Воля Бога, и еще бывает так, что места с особой энергией возникают на месте выполненной ранее мистической работы. Живя в квартире, человек поневоле наполняет ее своей энергией. Такое невозможно сделать на открытом пространстве, в котором любая человеческая энергия мгновенно рассеивается. Выполнение разного рода магических ритуалов может наполнить определенное пространство энергией, которая, впрочем, через некоторое время тоже рассеивается. Но существуют места и пространства, в которых энергия помогает искателю подняться над бесконечным бормотанием ума, где он может легко войти в безмолвие или же подпитаться некой энергией, помогающей ему в работе над собой. Энергетически сильные места на сленге наших эзотериков обычно называются местами силы, в каждом из которых можно ощущать несколько иное воздействие. Что происходило с Махарши на Аруначале или с Ивановым на Чувилкином бугре – мы знать не можем. В какой степени энергия определенного места может влиять на развитие мистика – мы можем только предполагать, поскольку немало их обходилось без привязанности к какому-либо участку пространства. Возможно, привязанность Махарши к Аруначалу было той самой привязанностью,

которая позволяла ему оставаться в теле насколько возможно долго.

В местах поклонений могилам святых, в помещениях, где люди собираются на молитвы или для выполнения духовных практик, аккумулируется специфическая энергия, положительным образом влияющая на присутствующих. Но восприятие ее, как и восприятие энергии любого места, будет неодинаковым у разных людей; к тому же к ее воздействию – как и к любому воздействию в мире – со временем развивается привыкание. Мистики находят места, в которых Бог становится ближе к ним, и близость эта не обусловлена высотой данного места над уровнем моря, но зависит от энергии конкретного мистика и конкретного места. Если в какой-то местности сильны энергии Восходящего Потока Творения, то и практиковать в ней гораздо легче, чем в других местах. А значит – легче прийти к взаимодействию с Богом. К примеру, Ошо, находясь в Уругвае после изгнания его из Америки, не раз заявлял, что то место, в котором он сейчас находится, удивительно хорошо подходит для медитации и что нигде в мире он не ощущал энергии, настолько способствующей ее выполнению.

Так или иначе, вскоре после своего переживания смерти юный Рамана покинул отчий дом, отправившись на поезде к священной горе Аруначала. Там он и осел, сначала медитируя в одном из храмов, расположенных у подножия горы, а позже перебравшись в одну из пещер на самой горе. Он сидел в безмолвии, будучи погруженным в себя, и выживал благодаря традиции, по которой местные жители подкармливали отшельников Аруначалы, надеясь обрести себе духовные заслуги и прочие блага за счет помощи тем, кто посвятил себя служению Богу. В других условиях подобное безмятежное погружение внутрь вряд ли было осуществимо, и судьба Махарши сложилась бы несколько иначе. Может быть, потому его и потянуло на Аруначалу, что в этом изначально присутствовал промысел Божий? Если бы Махарши регулярно не получал пищу от набожных людей, то либо он умер бы от голода, либо ему пришлось бы начать искать себе пропитание, что существенно изменило бы всю его позицию полного внешнего бездействия. И в результате весь его Путь стал бы другим.

Через шестнадцать лет после первого опыта трансформации Махарши пережил новую смерть. Выйдя из пещеры для

совершения омовения, он вдруг увидел перед собой яркий белый свет. Потом силы начали покидать его тело, и оно стало умирать. У него замерло дыхание и почти остановилось сердце. Махарши оставался свидетелем происходящего, не испытывая ни желания жить, ни страха перед гибелью. Через некоторое время в его тело вошел мощный импульс энергии, и оно снова ожило. Так им был получен еще один импульс Божественной Милости, про который, во всяком случае, нам известно. На деле их могло быть гораздо больше, но эти два – связанные с переживанием смерти – были, по всей видимости, наиболее яркими. Импульсы Милости могут быть разными по силе и глубине, и трансформация, вызываемая ими, тоже разная. Мы привыкли выискивать в жизнеописаниях мистиков только один или два больших и главных импульса, получение которых чаще всего и сопровождается ощущением умирания, но на деле подобных импульсов приходит обычно намного больше. Они приводят к менее глубокой трансформации – это да – но природа импульса остается прежней. Так или иначе, Махарши пережил целых две *мистических* смерти и, конечно, прошел через серьезное преображение. Что и сделало его самым настоящим мистиком.

Мистиками не рождаются – ими становятся. Сколько бы мистически ни был настроен человек, сколько бы он ни развивал в себе экстрасенсорное восприятие или экстраординарные способности – но пока он не получит импульса Милости Бога, его изменения не будут иметь в себе качества преображения. Он может развиваться, улучшать свой ум, полировать и осознавать эмоциональные реакции, но суть и сущность его не поменяются. Только импульс Милости дает не улучшение и развитие, но трансформацию. Или – второе рождение, как говорили мистики прошлого.

Около двадцати лет Махарши провел в пещере, живя отшельником и большую часть времени проводя в безмолвии.

За это время у него появилась группа последователей, которые сопровождали его во время омовений и старались быть ближе к своему молчаливому гуру. Это, в общем, тоже часть традиции — если в Индии в течение долгого времени сидеть молча, не обращая внимания на происходящее, то ученики вскоре подтянутся. Хотя возможно, что Махарши к тому же излучал некую силу и свет. А потом, по истечении двадцати лет затворничества, случилось падение — но опять только с точки зрения индийской духовной традиции. Рамана ушел из дома в семнадцать лет и больше никогда в него не возвращался, но когда к нему приехала мать вместе с братьями, Махарши покинул пещеру и поселился в домике на склоне горы, став, таким образом, *домохозяином*. С точки зрения индийской духовной иерархии Махарши превратился в обывателя, но его это, похоже, нисколько не беспокоило. К этому моменту его поиск был завершен, и он, в принципе, мог жить так, как захочет, хотя и став предметом для обсуждений и осуждения тех, кто остался в своих пещерах.

Махарши жил домохозяином до момента смерти матери, а сразу после этого на месте, где стоял его дом, стал строиться ашрам, благо людей, желающих лицезреть Раману воочию, уже было много.

Люди любят болтать друг с другом. Для многих возможность сказать что-либо о себе – пусть даже сущую глупость – является очень важной. Сейчас эта человеческая черта особенно ярко проявляется благодаря социальным сетям и блогам в интернете. Но объяснить популярность Махарши одним только «сарафанным радио» и болтливостью людей никак не получится. К нему ехал тот, кто просто увидел его на фото и сразу же ощутил внутреннюю потребность встретиться с ним лично. Другому Махарши являлся во сне – в общем, оповещение о существовании великого мистика происходило по-разному. И тут мы возвращаемся к вопросу, который я сформулировал в самом начале этого текста, – почему же одним мистикам приходится искать себе учеников, а к другим они сами стекаются отовсюду?

Ответ кроется в выборе Махарши, который он сам совершил в начале своего Пути. Выбрав уединение и молчание, он создал ситуацию, в которой ему либо оставалось сгинуть в неизвестности, либо нужно было создать условия, в которых ему пришлось бы работать с людьми. И тут мы снова возвращаемся к вопросу судьбы мистиков – что в ней предопределено изна-

чально для каждого из них, а что возникает в процессе их работы над собой. Ведь нельзя же сказать, что Махарши сидел и бездельничал в своей пещере – погружение внутрь себя, поверьте мне на слово, работа не из легких. Но Рамана – в силу своей индивидуальности – встал на Путь недеяния, практически став даосом, и тогда начались чудеса. Чтобы Махарши мог направить людей к Господу, сначала Господь приводил их к нему. Здесь и тайна, и парадокс. Одно можно сказать со всей определенностью – Рамана на такой поворот событий совершенно не рассчитывал. И даже если кто-то захочет провернуть нечто подобное – заставив Господа приводить к себе людей – ничего из этого не выйдет.

У каждого настоящего мистика есть собственная уникальность, раскрывающаяся во взаимодействии с Богом. И кому-то нужно пройти через унижения, непризнание и даже покушения на свою жизнь, чтобы его Работа была выполнена так, как нужно Господу. Лишения и тяготы, крушение уже построенного – создают необходимое трение в Работе мистика, открывая перед ним, в то же время, новые возможности. Так выковывались многие учения и послания, и большинству из них невозможно было бы появиться на свет в тепличных условиях. У Махарши их тоже, можно сказать, не было. Поживите-ка в пещере (пусть даже в индийской и на священной горе), питаясь подаянием, лет этак хотя бы пять, и сами все поймете. Но внешний его успех выглядит очень легким и быстрым и таким, по сути, и является. Первые последователи у Махарши появились достаточно рано, и он их не искал, хотя и не гнал тоже. Надо сказать, что и позже, уже во время существования ашрама, Рамана просил допускать к нему людей, искавших встречи, и днем, и ночью – в любое время суток. Понятно, что ночью к нему никто не приходил, однако Махарши продолжал обозначать свою доступность для искателей. Возможно, что так в Махарши проявлялась объективная совесть по Гурджиеву –

чувство ответственности (или даже долга) перед теми, кто ищет Истину. Уникальность Раманы Махарши проявилась в ситуации, когда его присутствие открывалось людям самым волшебным и мистическим образом, и тогда они могли прийти к нему и получить то, в чем нуждались. А деятельная натура того же Гурджиева требовала постоянных перемен, движения, в котором он вольно или невольно все время и находился. Так что каждый получает те условия для реализации и выполнения Работы, которые ему подходят лучше всего. Но далеко не все оказываются способными использовать их в полной мере.

Появление сначала последователей вынудило Махарши что-то им давать, отвечать на вопросы, давать пояснения и рекомендации. Так последователи постепенно становились учениками, а Махарши начал превращаться в Учителя.

Учение Махарши принято сводить к адвайте, по принципу «понять – значит упростить». То, что мистик может не быть одномерным, большинству поклонников Махарши попросту не приходит в голову. Точно так же многим искателям трудно принять многомерность Истины, разные положения и проявления которой кажутся им взаимоисключающими. Тогда их умы их начинают протестовать против соединения того, что с точки зрения их одномерного опыта является несоединимым, и тогда же ревностные искатели ищут «правильного» объяснения тех положений учения, которое вызывает у них непонимание и дискомфорт. Так было не только с Махарши, так бывает почти со всеми Мастерами и Учителями, которые сознательно не уплощают свое послание для того, чтобы оно могло быть воспринято самыми плоскими умами.

С Махарши поступили таким образом: все, что он говорил о Боге или богах, считалось проявлением его милосердия по отношению к очередному безграмотному тамильскому последователю, задавшему вопрос. Дескать, ответа, в котором речь не шла бы о Боге, несчастный тамилец все равно не понял бы,

вот любимый Бхагаван и говорил с ним на его уровне. Поистине эго учеников тем больше, чем больше известность их учителя. Трудно принять тот факт, что есть разные уровни восприятия и Бога, и Реальности. Гораздо легче сосредоточиться только на одном из них, объявив для пущей простоты избранный тобой аспект Истины абсолютным, окончательным и единственно верным. И тогда наш любимый Рамана говорит глупым людям достойные их глупости, а нам, умным и все понимающим ученикам, проповедует чистую Истину в виде адвайты.

Есть и другой подход в том, как упростить и извратить слова Мастера. Вот прекрасный пример того, как это делается, взятый мной из книги «Гуру Вачака Коваи». В ней собраны устные наставления Раманы, причем текст был проверен и исправлен самим Махарши. Но людям кажется этого мало, и они сочиняют свои комментарии, в которых как бы делают текст более понятным.

«512. Несмотря на то, что недвойственное знание труднодостижимо, задача облегчается, когда сильна истинная любовь к Стопам Господа (Шивы), поскольку тогда проистекает Его Милость, Свет, рассеивающий неведение.

513. С любовью укрепив в Сердце Стопы Господа, возможно разорвать оковы заблуждения и, таким образом положив конец связанности, созерцать истинный Свет высшего знания, расцвет собственного Сердца-лотоса».

И вот как комментирует этот отрывок некто Майкл Джеймс: «Здесь читателям следует помнить о том, что в учении Шри Бхагавана словами «Стопы Господа», «Милость» и т. д. обозначается только истинное Я». То есть, по его мнению, Махарши был либо настолько загадочен, либо настолько неадекватен, что не мог прямо сказать об истинном Я, и потому приплетает сюда Бога Шиву? Ну конечно, как великий адвайтист может говорить о Боге, ведь это же нарушение прин-

ципа недвойственности! И грех, страшный грех. Поэтому все слова, которые не относятся к высшему Я, мы будем считать относящимися к высшему Я, чтобы запутать все смыслы, но сохранить светлый образ Махарши-адвайтиста. Между тем, смысл вышеприведенной цитаты довольно прост — очень трудно (а я бы сказал — невозможно) прийти к недвойственности, не получив трансформирующий импульс Милости Бога. Поэтому через смирение и принятие, через стремление к Богу можно получить «Свет, рассеивающий неведение». Но адвайтистам невозможно принять наличие Сердца, любви и всего прочего, потому что они одержимы идеей недвойственности. И потому большинству из них не суждено стать мистиками, да и настоящими адвайтистами тоже.

Современные последователи адвайты никак не могут понять, что состояние переживания недвойственности есть всего лишь один из этапов на Пути взаимодействия с Богом и познания Его Истины. На суфийском Пути этап переживания недвойственности соответствует стадии *исчезновения в Боге* — стадии внутренней фана. Во время нее переживается то, к чему стремятся нынешние адвайтисты, — исчезновение разницы между внешним и внутренним, слияние с бесконечностью Бытия, отсутствие разграничения между собой и Богом, и в результате — отсутствие и Бога, и себя. Одно целое Бытие, одно общее пространство, без всяких разделений. Но потом в суфизме наступает стадия внутренней бака — обретения божественных атрибутов, но про нее адвайтисты никогда не слышали и потому склонны считать недвойственное восприятие мира наивысшим возможным достижением для человека. Со временем вырождается все — и адвайта не стала исключением из этого правила.

Махарши знал о Пути следования Богу, но считал, что это путь бхакти, то есть путь любви. Свое учение он относил к *вичара* – пути вопрошания, пути знания. Единственный метод, который Махарши предлагал людям, – задаться вопросом «Кто я?» и вложиться в это вопрошание настолько полно, насколько возможно. Сам по себе способ вопрошания призван обратить внимание человека внутрь себя, заодно загрузив ум вопросом, на который нет адекватного ответа. Получается сочетание дзенского коана (неразрешимого вопроса «Кто я?») с углубленным погружением внутрь, если, конечно, его удастся осуществить. Вопрошание должно остановить ум, а внимание, направленное внутрь себя, – позволить человеку приготовиться к получению импульса Милости, без которого никакое глубокое изменение восприятия невозможно. Надо понимать, что Махарши хоть и обладал знанием и видением Истины, но сам прошел уникальный Путь, который повторить кому-либо никак нельзя. На кого еще в шестнадцать лет снисходил импульс Милости? И кто потом все глубже и глубже погружался внутрь, познавая то, что невыразимо словами? Когда появилась необходимость учить людей,

Махарши выбрал древнюю технику, которая могла сработать у того, кто готов был войти в нее целиком, без остатка. Придумывать что-либо еще он не видел смысла, поскольку не было у него такой задачи – ведь Махарши, как мы помним, был живым олицетворением практики недеяния. Но войти внутрь способом вопрошания без предварительной подготовки внимания и взращивания силы осознания – очень трудно. А вопрос «Кто я?» – без умения сосредотачиваться и держать внимание на нем, ни на что не отвлекаясь, – просто болтается в уме, переставая оказывать на него хоть какое-то действие через некоторое время. Поэтому мы не знаем историй о том, как эта практика помогла кому-нибудь прийти к осознанию высшего Я. Мне, по крайней мере, такие случаи неизвестны. Гораздо больше историй связаны с тем, как разговор с Махарши менял человека и тот начинал иначе видеть мир и ощущал себя по-другому. Были еще люди, которые медитировали в присутствии Раманы и продвигались внутрь. Так как они росли и получали внутренний опыт, у них появлялось более глубокое понимание и учения Бхагавана, и самих себя. Отсюда пошли разговоры о том, что Махарши, видите ли, обучает молчанием, поскольку он молчит, пока они медитируют, вот и все. На деле Махарши обучал людей, как и все – словами, притчами или собственным примером. Его присутствие производило воздействие на людей, позволяя им быстрее продвигаться внутрь себя и взращивать осознанность. Но воздействие и обучение – разные вещи.

Рамана Махарши был мистиком, достигшим вне всяких школ и даже, я бы сказал, вне всяких Путей. Его учителем была Аруначала – так он сам говорил. А если учесть, что Аруначала по индийским верованиям является воплощением Господа Шивы, то и учил его сам Господь. Хотя первый импульс Милости был получен им вне Аруначалы, от этого ничего не меняется. Проведя годы в уединении и безмолвии, позже

Махарши столкнулся с необходимостью облекать свой опыт в слова и стал читать священные книги индусов. Там он нашел необходимую терминологию и даже описание опыта, подобного своему. Его опыт был ближе всего к учению адвайты, и Махарши частенько говорил на ее языке. По сути, никакого особенного послания у Махарши не было, ведь учить он начал практически вынужденно. А там ему уже пришлось подбирать слова для выражения своего опыта и заниматься его осмыслением. Так он стал гуру адвайты, хотя на деле Махарши был куда более многогранным мистиком.

Только внутри себя можно обнаружить дверь к Богу, и только идя внутрь можно познать свою суть. Погружаясь внутрь, становясь все более осознанным, человек обнаруживает, что начинает исчезать, а Бог, наоборот, проявляет Себя все сильнее. Поэтому Махарши стремился направить любого вопрошающего внутрь, к познанию и переживанию своей сути – что бы это ни значило. В качестве цели использовалось понятие Самости или высшего Я, к осознанию которого должен был стремиться искатель. Подразумевалось, что истинное Я – это Атман, который представляет собой чистое, лишённое атрибутов, Сознание, пронизывающее собой все на свете. Но Атман у Махарши тождественен Богу, и тут начинается путаница, в какую обычно попадают все мистики, пытающиеся объединять все понятия вообще, чтобы выразить невыразимое. Разговоры на тему Бога у Махарши обычно заканчивались утверждением, что все есть Бог и «в Божественной Полноте отдельного от Бога «всего» нет. Только Он на самом деле ЕСТЬ» («Будь тем, кто ты есть»). Это высказывание, безусловно, и истинно, и упрощено. Толку от подобных слов для искателей немного, хотя они и выражают один из

аспектов высшего опыта. Возможно, в силу «бесполезности» идеи Бога для пропаганды недвойственности современные адвайтисты выбросили ее совсем.

Рамана Махарши стал иконой современных адвайтистов, которые довели адвайту до полной деградации. Для начала они избавились от Бога. Теперь недвойственное восприятие есть дело сознания, которое существует само по себе, и все. Я бы сказал, что большинство известных мне нынешних учителей адвайты – скрытые атеисты. Кроме того, теперь весь поиск состояния недвойственного восприятия полностью перемещен в сферу ума. Махарши постоянно говорит о Сердце, в которое должен погрузиться искатель, но в нынешней адвайте никакого Сердца нет и в помине. Современные учителя адвайты вообще не знают, что такое внутреннее пространство человека, и говорят только о том, что нужно отказаться от шаблонов ума, мыслей об отделенности себя от всего и о прочем в том же духе. Они, подобно Кришнамурти, описывают состояние недвойственного восприятия – того, каким, по их мнению, оно должно быть – и на этом, собственно, и останавливаются. Они призывают просто осознать источник своих мыслей здесь и сейчас, устраивая беседы, на которых своими ответами на вопросы страждущих как бы толкают их внутрь, к осознанию сознания. Они пытаются сотворить чудо поворота собеседника внутрь, но все воздействие производится только на уровне ума, потому что уровня бытия Махарши ни у кого из них нет. От практики вопрошания «Кто я?» они тоже отказались, поскольку за прошедшие годы она не принесла видимых результатов. Некоторые из них говорят об осознанности – как правило, довольно неубедительно. В описании состояния недвойственного восприятия они повторяют одни и те же формулы, уже превратившиеся в штампы, и практикуют один и тот же подход к общению с людьми – проводя встречи, на которых отвечают на вопросы. Когда они отвечают в пределах своих излюб-

ленных формул, то все звучит вторично, но не очень глупо; если же им задают вопрос, требующий выхода за рамки привычных тем, то чаще всего мы видим отсутствие даже житейской мудрости, не говоря уже о видении Истины. Люди ходят на эти встречи с двумя целями – во-первых, увидеть живого просветленного, а во-вторых, самим обрести просветление с минимальными усилиями. Но нынешние учителя адвайты даже не приближались к просветлению, поэтому и первая, и вторая цели для посетителей этих сатсангов и даршанов – недостижимы. Но они получают накачку ума определенными идеями, и какое-то время им удается удерживать несколько иное отношение к миру, чем было до этого. Происходит этакое самовнушение – наслушавшись красивых слов про то, как надо относиться к миру и себе, человек удерживает его в своем уме сколько может, потом все возвращается на круги своя, и тогда нужно идти на новую встречу за новой «подкачкой» ума. Только поэтому нынешние адвайтисты могут проводить свои встречи по несколько раз в неделю, ведь чтобы удерживать ум в как бы недвойственном восприятии их последователям требуется повторная «подкачка» ума теми же идеями. А если учитель еще обладает большой харизмой, то это уже двойное удовольствие.

Рамана Махарши был идеальным, настоящим святым. Мистические и чудесные события вокруг него происходили, эффект его присутствия был сильным и очевидным. И ничего плохого сказать о нем не может никто. Нельзя сказать и о том, была ли выполнена миссия Махарши, потому что никакой миссии у него не было. Он достиг того, чего достиг, и сделал то, что сделал. В этом есть своя красота и свое величие. Его судьба тоже уникальна, больше тут ничего не скажешь. А что касается адвайты – то всегда есть надежда, что появится еще один мистик, еще один настоящий святой, который вдохнет в нее новую жизнь. Как Махарши, в свое время появившийся из

ниоткуда, так, возможно, придет кто-то еще и разъяснит истинный Путь к тому состоянию, которое сейчас продается как продукт деятельности ума, а не следствие произошедшей духовной трансформации. Но все это, как говорится, в руках Господа, и тем, кто ищет состояния недвойственного восприятия, я советовал бы об этом помнить.

ЗАГАДКА ГЕОРГИЯ ГУРДЖИЕВА

Писать о Гурджиеве – дело и благодарное, и неблагодарное одновременно. С одной стороны, можно строить разные теории и предположения о том, где он получил знание, которому учил, и по-всякому трактовать его действия и противоречивые поступки. С другой стороны – понять, что же собой представлял Гурджиев – задача трудная, а может быть, понять мотивы и причины его действий нам просто невозможно. Одним он представляется шарлатаном со способностями, умело дурачившим людей, другим – великим Учителем, у которого, однако, учиться было довольно нелегко. В промежутке между двумя этими полярными мнениями располагается множество вариаций, сочетающих в себе отдельные элементы их обоих.

Воспоминания, написанные учениками Гурджиева, страдают предвзятостью взгляда, как бы их авторы ни стремились писать объективно. Каждый хочет что-то спрятать – причем не обязательно о себе, хотя и о себе тоже, – но о Гурджиеве. То, что авторы воспоминаний не могут принять или понять, то, чего авторы стесняются, – покрывается пеленой недосказанности и умолчания.

Яркий пример тому – известная книга Петра Успенского «В поисках чудесного». Считается, что она довольно точно передает учение Гурджиева в том виде, как он подавал его в период работы в России. Возможно, что это так и есть. Но, отсекая от описания учения методы работы Гурджиева, Успенский убирает важную часть контекста, в котором это учение давалось. Как мы знаем, именно из-за методов Гурджиева, а также отчасти из-за его поведения, Успенский ушел из его Работы. И вот в чем вопрос: возможно ли отделить теоретическое знание, как это пытался сделать Успенский, от практических методов, которые призваны его подтвердить? И вообще нужна ли хоть кому-то, кроме, может быть, умных философов, теория, не подтверждаемая практикой?

В своей книге Успенский тщательно игнорирует методы, посредством которых Гурджиев работал с ним и остальными учениками. Упоминается пара упражнений и более-менее подробно описывается практика самовспоминания. Но реальной работы – причем не только в виде упражнений – было гораздо больше. Что это – нежелание Успенского вспоминать о том, что ему пришлось не по душе, или же своеобразный закон Омерты, обещание молчать о происходившем тогда до самой смерти? Тем более что, работая со своими собственными учениками в Лондоне, Успенский запрещал им разговаривать, здороваться и даже просто обращать внимание на тех, кто по тем или иным причинам ушел из группы. Успенский вообще был склонен к засекречиванию работы, но не факт, что причиной его молчания был негласный уговор или обещание, данное Гурджиеву. Есть серьезные основания полагать, что именно методы Гурджиева, которые он использовал для работы с учениками, и были причиной того, что Успенский разорвал отношения с ним.

Представим себе ситуацию, в которой вы вдохновлены некоторыми идеями и они вам очень нравятся. Вы хотели бы

жить ими и как-то использовать их в своей повседневной деятельности. Но потом вы сталкиваетесь с тем, что следования идеям, простого постоянного размышления о них недостаточно с точки зрения того, кто вас им научил. Требуется практика, которая совсем не сочетается с тем, что вы себе представляли, и которая «опускает» вас с небес на землю, да еще и требует каких-то непонятных и несоразмерных с вашей готовностью усилий. Сначала вы терпите и подавляете протест, но потом ваше недовольство становится невыносимым, и вы уходите. Так происходит практически со всеми, кто покидает настоящую Работу – будь то гурджиевский четвертый Путь или Путь суфийский. Они, как известно, до некоторой степени схожи. С Успенским произошла та же самая история, в которой, при всей его интеллектуальной «честности», он так и не сумел себе признаться. И никто из тех, кто уходит, в этом себе не признается. Они находят оправдания, самые разные и порой очевидно нелепые. Успенский, например, говорил своим ученикам, что Гурджиев сошел с ума.

Воспоминания других учеников – если это воспоминания, а не пересказ и трактование гурджиевских идей – тоже содержат оправдания, в которых авторы оправдывают либо себя, либо Учителя. А книги тех, кто писал о Гурджиеве, будучи не знаком с ним лично, вообще ничего не стоят. Он был слишком непонятен даже для тех, кто общался с ним долгие годы, а уж для тех, кто формирует точку зрения с чужих слов, – Гурджиев подобен инопланетянину.

Когда Гурджиев встречался с претендентами на ученичество – будь то ученики Успенского или люди из Америки, где сформировались группы его последователей, – обычная оценка их состояния звучала так: «Много знания, но мало бытия». С банальной точки зрения эта оценка может быть изложена так – уровень знаний, полученных из книг, не соответствует уровню личного опыта претендента. Но Гурджиев имел в виду нечто иное – тут и степень присутствия человека в самом себе, и способность «*делать*». Другими словами, он оценивал степень осознанности претендента и развитость его воли. Дело в том, что не всегда знание, полученное человеком из книг, может служить основой для опыта. Есть знание умозрительное, отвлеченное; есть тексты, подлинный смысл которых открывается только при собственном переживании Истины; и есть, наконец, знание ложное в своей основе. Существует множество текстов, авторы которых просто выдумали «эзотерические» истины; книг с таким содержанием и сейчас полным полно. Люди, вдохновляемые ложным знанием, ищут чудес и хотят найти простые объяснения сложным вещам. Они верят в очевидно фантастические вещи, и их уровень бытия

уже определяется готовностью в это верить. Люди, пытающиеся найти костыли для понимания себя и окружающих, – вроде тех, кто почитает астрологию, нумерологию и прочие отрасли «эзотерического знания», каким бы верным оно им ни казалось, – тоже обладают довольно низким уровнем бытия. По крайней мере, с точки зрения Гурджиева, да и с точки зрения суфиев тоже.

Знание знанию – рознь. Умы современных искателей заполнены всякой чушью, и во времена Гурджиева дело обстояло точно так же, просто тогда эта чушь была немного другой по содержанию. И чем меньше человек способен отличить явное вранье и глупость от истинно духовных текстов, тем меньше уровень его бытия – и никак иначе. Уровень бытия атеистов, считающих все духовные тексты чушью или, в крайнем случае, прекрасными памятниками культуры, нередко бывает выше, чем у людей, верящих в ложное знание, потому что они несколько более адекватны в своих оценках и действиях – во всяком случае, в отношении обычной мирской жизни. Уровень бытия проявляется, в том числе, и в адекватности реакций человека по отношению к миру и к людям. Реакция Успенского на методы Гурджиева оказалась адекватной его уровню бытия, а вот то, что он взялся учить других людей гурджиевским идеям, уже не было вполне адекватным. И потому разочарование, постигшее Успенского в конце жизни, стало закономерным ее финалом.

Есть еще один аспект уровня личного бытия – навыки, которыми владеет человек. Причем навыки эти могут быть самого разного свойства. Если плотник, например, является мастером своего дела, знает все его тонкости и секреты, то его уровень бытия уже достаточно высокий. Сам Гурджиев владел множеством навыков, и добрая часть воспоминаний о нем посвящена тому, как он их демонстрировал и применял. Если учесть, что практика осознания, по сути, это тоже навык разде-

ления внимания и управления им, то бытие Гурджиева было очень высоким относительно бытия почти любого человека, которого он встречал. А если учесть, что Гурджиев владел навыками гипноза и еще неизвестно чем, то сила его бытия производила необыкновенное впечатление на окружающих. Первое впечатление всегда производил его взгляд – практически все ученики вспоминают о том, каким он был пронзительным. Глаза Гурджиева упоминаются обязательно – черные и выразительные, пронизывающие насквозь. Для большинства своих учеников Гурджиев выглядел сверхчеловеком, и сейчас уже неважно, казалось им это или так оно и было на самом деле.

Можно верить или не верить во что угодно. Есть люди, отрицающие существование объективной реальности и считающие, что она есть порождение их сознания. Поэтому считать Гурджиева шарлатаном и обманщиком можно – и такой точки зрения придерживалось немало людей при его жизни – да и сейчас их тоже немало. Сверхспособности вообще наводят большинство людей на мысли об обмане, потому что годы атеистической пропаганды и всяческих разоблачений чудес не могли не настроить умы граждан на отрицание и недоверие всему, что не укладывается в научное объяснение. Поэтому можно решить, что Гурджиев был сильным гипнотизером, который попросту подчинял себе людей, и только особо выдающимся личностям вроде Успенского удавалось вырваться из-под его пагубного влияния. Между тем из воспоминаний его учеников – написанных уже после смерти их учителя – следует, что пребывание с Гурджиевым не прошло зря и что все они в той или иной степени сумели развить свое бытие. И если уж стремиться к тому, чтобы выразить коротко суть того, чем занимался Гурджиев с людьми, – то можно с полной уверенностью сказать, что он помогал им развить свое бытие.

Много было Учителей и Мастеров до Гурджиева, но никто так не формулировал главную проблему человечества, как это сделал он. Говорили о том, что человечество пребывает в иллюзиях, во сне, но никто не сказал, что люди – это машины, которые ничего *не могут делать*, и что все с ними просто случается. То есть именно уровень бытия был сделан тем, к чему следует стремиться, и главным признаком духовного пробуждения, трансформации и вообще развития. Поэтому в практике учеников Гурджиева всегда было много делания – то есть самых разных действий, требовавших терпения, стойкости, высокой степени концентрации и в идеале – осознанности. Я бы сказал, что требования к ученикам порой тоже были сверхчеловеческими – попытка использовать и развивать одновременно три тела – физическое, эфирное и тело ума – была не то чтобы сразу обречена на провал, но требовала от людей огромных усилий. При этом сложные упражнения всегда должны были сопровождаться самовспоминанием, и для его углубления, собственно, они и делались такими сложными. Зная на собственном опыте, что во время разучивания новых движений или обретения новых навыков

человек поневоле вынужден быть внимательным и осознанным, Гурджиев создавал практики, в которых использовался этот принцип. Так он начал давать ученикам священные танцы, которые как раз таки совмещали в себе все необходимые требования к упражнению – разучивание движений, сложная хореография и взаимодействие между участниками, требовавшее внимания и собранности. Осознанное *делание* и здесь оставалось центральным элементом практики. Если учесть, что в хореографии каждого танца закладывалось описание какого-то священного закона Бытия и участие в нем подразумевало углубление понимания самого закона, то становится совершенно очевидным, насколько многогранной была эта практика. Сейчас эти упражнения преподаются под названием гурджиевских движений, и я слышал, что теперь искатели сначала их разучивают, а потом приступают к выполнению. Если это так, то утрачивается одна из главных составляющих целей выполнения движения – учиться ему в процессе практики, обретая навыки в максимальной осознанности, с максимальным вниманием и вообще с наибольшей нагрузкой.

Гурджиев сам называл себя учителем танцев, и так о нем многие пишут сейчас. Но на деле он учил бытию, о чем в той или иной форме пишет большинство его учеников. Например, упоминается, что женщины в обучении и общении с Гурджиевым становились более женственными, а мужчины – более мужественными. То есть черты их природного, сущностного бытия проявлялись и развивались сильнее, чем прежде. Общение с Гурджиевым было особым испытанием, которое многим давалось труднее, чем выполнение упражнений. Слишком много в нем было черт и привычек, которые шокировали людей и вызвали протест их обусловленного ума.

Каждому новому Мастеру или учителю, начинающему работать в условиях, где нет соответствующей духовной традиции, приходится доказывать свою компетентность и право на то, чтобы учить людей. И тут приходится либо давать нечто совсем новое, чтобы начать работу с нуля, либо использовать терминологию и понятия из давно существующей традиции, которая хорошо известна и позволяет людям идентифицировать то, с чем к ним пожаловал новый гуру. Великие мистики чаще всего действуют по принципу обновления, привнесения в мир Истины, выраженной по-новому и изложенной на современном языке и современном уровне знания. Учителя среднего уровня, а также все виды лжеучителей всегда предпочитают второй путь, поскольку первый для них закрыт в принципе, ведь уровня переживания Истины они и сами еще не достигли. Тогда их учение состоит из пересказа положений классического суфизма или веданты, который приправляется собственными комментариями, нередко приносящими больше вреда, чем пользы.

Гурджиев принес людям так называемый четвертый Путь, и новую классификацию Путей вообще. Он выделил три «класси-

ческих» Пути – факира, монаха и йогина. Факиры достигают реализации через работу с физическим телом, через полное подчинение его своей воле. Монах реализуются через эмоциональное тело, путем любви и молитв. И йогини, наконец, преимущественно работают с телом ума. Четвертый Путь подразумевал одновременную работу на всех этих уровнях, что и отражалось в предлагаемых на нем практиках. Понятно, что деление Путей, которое дал Гурджиев, являлось серьезным их упрощением, но для цели презентации нового Пути оно вполне подходило. При этом сутью нового Пути была старая как мир осознанность, которая, впрочем, является сутью любого духовного Пути вообще. Но задача ставилась куда более трудная – не просто разделять внимание, оставляя часть его для внешних действий, а другую направляя на осознание своих внутренних реакций, – но и внутри внимание нужно было делить на части, осознавая одновременно тело, эмоции и ум. Такое вполне осуществимо при уже достигнутом высоком уровне осознанности, начинать же с попытки осознавать все сразу невероятно трудно, если вообще возможно. Кроме того, Гурджиев внес понятие центров, работающих в человеке, которые не совпадали с привычными и давно известными энергетическими центрами – чакрами у индуистов или латаифами у суфиев. Гурджиев разделил центры согласно их функциям, и действие каждого центра тоже нужно было отслеживать и осознавать. Это было дополнительное усложнение задачи по возвращению осознанности, которая оказалась никому не по зубам, потому что само по себе это обособливание и выделение центров являлось надуманным. Попытка создать новую энергетическую анатомию человека потерпела крах, поскольку в ее основе лежала теория, придуманная изошренным умом Гурджиева – который в этом смысле тоже имел весьма высокий уровень бытия. Теорий и

утверждений, имевших неодинаковую степень истинности, Гурджиев выдал немало.

Одной из таких идей была новая для всех идея того, что человек не рождается с бессмертной душой, как это, например, описывается в христианстве. Гурджиев говорил, что бессмертие надо заслужить, и этим своим утверждением весьма шокировал почтенную публику. Шокировать он умел и любил. Бессмертие возможно, но только для того, кто взрастил в себе полноценную душу, ведь у обычных людей она находится в зачаточном состоянии и никакого бессмертия не обеспечивает, – утверждал Гурджиев. И только через упорную работу над собой душа может быть развита, и лишь тогда человеком обретается бессмертие, правда, только в пределах Солнечной системы. Уже из этого дополнения можно понять, насколько сложным было учение, представленное Гурджиевым широкой публике. Идея достижения бессмертия всегда была сильным мотивирующим фактором для ума человека, и Гурджиев тоже решил ею воспользоваться, правда, преподав ее в совершенно новом свете. Так было почти со всем, о чем он говорил или писал, – взять хорошо известную идею, но добавить к ней что-нибудь такое, от чего у слушателей и читателей отвисала челюсть и возникало стойкое ощущение, что наконец-то они столкнулись с истинным знанием. Чего стоит, например, его утверждение, что наше Солнце не светит и не греет, а тепло, которое, как нам кажется, мы от него получаем, есть некий эффект, возникающий в атмосфере самой Земли за счет особого процесса, сложному и утомительному описанию которого посвящено несколько страниц в «Рассказах Вельзевула» – главной книги, вышедшей из-под пера Гурджиева.

Другой – и весьма впечатляющей – теорией, которую Гурджиев принес людям, был Луч Творения. Согласно этой теории Луч Творения исходит от Абсолюта, создавая разные

миры, каждый из которых обременен своим количеством законов. Причем чем дальше тот или иной мир находится от Абсолюта, тем больше в нем механических законов, действия которых избежать невозможно. Согласно Гурджиеву, схема Луча Творения выглядит следующим образом: Абсолют – все миры – все солнца – наше Солнце – все планеты – Земля – Луна – и снова Абсолютное, которое в начале Луча Творения есть Все, а в конце – Абсолютное ничто. Каждый уровень, представленный в этой схеме, означает другой уровень Бытия, и все они взаимосвязаны. Здесь же Гурджиев наделяет солнца и планеты разумом и силой и начинает рассуждать как астролог, заявляя, что все серьезные события, происходящие с человечеством, инициируются влиянием планет. Но и тут он дает нечто свое – поскольку Луна сейчас представляет собой новый росток Луча Творения, то человечество создано именно для того, чтобы кормить ее своими энергиями. То есть обеспечивать дальнейшее развитие Луча. Еще одна шокирующая идея, с которой ничего нельзя сделать до тех пор, пока не получишь собственного видения Истины.

Нельзя сказать, что все идеи Гурджиева являются ложными, но они даны в такой форме, которая всегда несет в себе искажение. Например, имеется возможность существования после смерти физического тела благодаря телу ментальному, которое на самом деле не дано человеку в готовом виде от рождения, и потому его нужно развить через усилия особого рода. И понятно, что человечество существует не в вакууме и подвержено воздействиям с более высоких уровней Реальности, и с ними же происходит взаимообмен энергиями. Я довольно много писал об этом в своих книгах. Но постоянные упрощения, к которым прибегает Гурджиев, – при внешне нарочито сложной форме изложения – порой лишают его теории и идеи всякой практической пользы. Разбирать их

можно долго, и этим до сих пор заняты его многочисленные последователи. При желании в них даже можно отделить зерна от плевел, но тогда, опять же, нужно знать Истину, а тот, кто ее знает, вряд ли станет тратить на это свое время.

Не знаю, как обстоят дела в мире, но в России Гурджиева очень любят. Разумеется, что я говорю в данном случае о среде духовных искателей. Понятно, что кого-то привлекает сила его личности, а кого-то – оригинальность идей, но не в последнюю очередь интерес и приятное отношение к Гурджиеву вызывает тот факт, что он курил и употреблял немало алкоголя. На фоне требований индуистов о тотальном воздержании от всего Гурджиев выглядит человеком, которому «все дозволено», но при этом демонстрирует высочайший уровень личного бытия, осознанности и прочего, что положено иметь в себе тем, кто пришел к самореализации.

Далеко не каждому по душе путь к Богу, на котором запрещается есть мясо, заниматься сексом и употреблять алкоголь. Гурджиев не только не запрещал ученикам пить водку, но сам устраивал ужины, на которых алкоголь был важной частью ритуального действия. Говорят, что он мог много выпить, практически не пьянея, и это тоже стало частью легенды, описывающей Гурджиева как сверхчеловека. Поэтому многие искатели, вдохновленные образом поведения Гурджиева,

позволяют себе много пить, в надежде, что их духовный путь несколько от этого не пострадает. Как ученики Ошо выбрали «делай, что хочешь» из послания, звучавшего – «Будь осознанным и делай, что хочешь», так и последователи Гурджиева берут из него то, что им нравится. А поскольку в России могут и умеют пить, то и искателям нашим хочется приблизиться к образу сверхчеловека через алкоголь. То есть внести измерение духовной работы в свое пьянство. Не буду говорить, что это невозможно, но скажу, что не нужно пытаться подражать состоянию человека, который прошел через самые разные практики, через дисциплину и самоограничение, достигнув уровня, на котором уже мог позволить себе жить так, как требовало его естество. Или так, как требовала его Работа и миссия. Подражая внешнему поведению мистика, вы никогда им не станете, но подражание такого рода мы видим сплошь и рядом. На деле оно никуда не ведет, но питает эго, а в случае с подражанием Гурджиеву еще и позволяет «тренировать сознание», злоупотребляя алкоголем.

Когда Ошо жил в Пуне, кондиционер в его комнате был настроен на поддержание температуры не выше двенадцати градусов по Цельсию. В парижской квартире Гурджиева всегда было жарко натоплено. Оба они выросли в теплых странах, но Ошо продолжал жить в Индии, а Гурджиев перебрался в более холодные края, где его природе, возможно, не хватало тепла. И алкоголь был средством добавлять его тоже. Хотя это всего лишь одно из возможных объяснений его пристрастия к арманьяку, и можно дать еще несколько, но я не вижу смысла углубляться в данный вопрос. Все равно каждый видит то, что может или хочет увидеть. Часто бывает так, что тот, кто стремится к осознанности и держит себя в некотором усилии и борьбе с собственной бессознательностью, может увидеть в поведении осознанного человека, в его расслабленности, какие-то

признаки неосознанности. Когда мы видим только внешнее, ошибиться в оценке совсем не трудно. Но это стоит на сравнении себя с другими и осуждении других, так что мистиков меряют общим мерилom, находя в них то, что хочется найти.

О тношения с учениками и вообще поведение Гурджиева является одной из главных загадок, над которой бьются те, кто пытается его понять. Про ситуации трения, которые он создавал для своих учеников, написано много, и вроде бы тут все более-менее понятно. Он бывал с ними груб, мог довольно жестко их высмеивать, мог создавать трудные условия в их работе и вообще давать невыполнимые, на первый взгляд, задания. Он умел создавать трудности для тех, кто находился с ним рядом, и их терпение и принятие происходящего нередко подвергались серьезной проверке на прочность. В качестве создания ситуации, в которой ученик смог бы работать над уровнем своего бытия, над отстраненным осознанием своих реакций, такие методы можно было понять и как-то с ними смириться или даже к ним привыкнуть.

Во всех воспоминаниях их авторы отмечают, что в результате общения с Гурджиевым или обучения у него их уровень бытия безусловно вырос. То есть Мастером Гурджиев был вполне компетентным. Демонстрации танцев, которые он устраивал для публики, производили на нее весьма сильное впечатление, и не в последнюю очередь именно потому, какую

степень владения собой показывали его ученики. Однако цель, которую он преследовал в работе с ними, так и осталась неясной, потому что многих способных и преданных учеников он попросту выгонял или отстранял от себя.

Сам Гурджиев писал, что его целью в работе с людьми является продолжение исследований психологии и природы людей. В таком случае все его «институты гармонического развития человека» должны были преследовать именно эту цель – то есть Гурджиев ставил эксперименты и проверял на учениках воздействие тех или иных практик, и искал доказательства некоторым своим теориям. Я думаю, что так оно и было, но только отчасти. Понятно, что можно было городить огород из ошарашивающих общество идей тоже только ради того, чтобы увидеть его реакцию. Но реакция эта, увы, во все времена одна и та же, и исследовать тут решительно нечего. Нечего особенно было исследовать и в психологии человека, ибо Гурджиев разбирался в ней прекрасно уже тогда, когда только-только приступил к учительствованию. Что касается экспериментов, то на них приходится идти каждому Мастеру, чтобы найти оптимальный метод работы с людьми в данное время, в данном месте. Какие-то вещи всегда приходится открывать заново, потому что состояние умов людей и их общего бытия диктует выбор методов обучения, а также взаимодействия с ними. Причем все эти открытия делаются исключительно для самих учеников, чтобы помочь им на пути к собственной духовной реализации.

Но обучение людей явно не было главной целью Гурджиева, потому что велось оно до некоторой степени странно. То есть формально все делалось вроде бы правильно: было учение – «Четвертый Путь», была цель – пробудиться, выйти из состояния машины и стать способным «делать», и были методы – самовспоминание и упражнения, призванные развить учеников. Но нельзя сказать, что Гурджиев последовательно зани-

мался созданием некой духовной школы или чем-нибудь подобным. Скорее, он всячески избегал реального ее создания.

Примером этого может служить община, которую Гурджиев основал в поместье Приоре под Парижем, после эмиграции из России. Действие было до некоторой степени вынужденным, потому что вместе с Гурджиевым во Францию прибыли русские ученики, которым на тот момент банально было негде и не на что жить. Возможно, Гурджиев хотел посмотреть, что получится в условиях компактного проживания и постоянной работы, которую, конечно, нужно было организовать. В какой-то момент это была настоящая «школа»: собранные в одном месте несколько десятков людей, работающих над собой в крайне интенсивном режиме. Характерно, что сам Гурджиев жил в Париже, приезжая в Приоре на несколько дней в неделю. Ученики занимались тяжелой физической работой по благоустройству поместья, а вечерами делали упражнения. Они должны были работать на пределе своих сил, чтобы добиться ускоренного развития своего бытия. Сверхусилие было тем, к чему стремились многие, потому что его требовал от них Гурджиев.

По Гурджиеву сверхусилие заключалось в том, чтобы продолжать делать что-то даже тогда, когда у тебя вроде бы кончились все силы. В процессе этого преодоления себя у человека должны заработать дополнительные источники энергии, которые в обычном состоянии являются неактивными и никак не используются. Приходит, что называется, «второе дыхание», и человек может продолжать работу так, как если бы не исчерпал себя раньше, как если бы он только приступил к ее выполнению. Такая практика помогала выработать волю, научиться преодолевать жалость к себе и обнаружить скрытые внутри человека силы. Многие ученики, сумевшие совершить требуемое сверхусилие, обнаруживали их, кроме того, на его фоне с ними происходили трансцендентные переживания.

Подобное, в частности, описывал Джон Беннетт. Надо сказать, что практика сверхусилия существует во многих мистических традициях. Она может быть связана с молитвой, когда монах, например, молится всю ночь, совершая при этом тысячу поклонов – то есть вставая на колени, касаясь лбом пола, и снова вставая во весь рост. Мистиками давно замечено, что когда физическое тело утомлено, человек становится более открытым для импульса свыше, и потому практики, требующие от человека сверхусилия, были разработаны практически везде. Ну а Гурджиев сделал сверхусилие обычным делом для своих учеников, и для кого-то это работало.

«Школа» в Приоре просуществовала два года, а потом Гурджиев попал в автомобильную аварию. Состояние его было тяжелым, и на восстановление ушло почти полгода. Сразу по выздоровлении он объявил о прекращении работы в Приоре и предложил ученикам убраться восвояси. Кто-то уехал сразу же, кто-то чуть позже, и около трети учеников проигнорировали указание покинуть Приоре. Чуть позже Гурджиев снова начал заниматься с ними, но ни о какой «школе» или даже Институте (как он любил называть свой проект) речи уже не шло. Потом и Приоре был продан за долги, и история организованной и сплоченной Работы на этом для Гурджиева завершилась. Мог ли он найти деньги для спасения поместья и продолжения Работы в такой форме? Если бы захотел, то, конечно, нашел бы. Мог ли он продолжить подобную деятельность в другом месте? Да, мог бы, но опять же не хотел этого. И вполне можно понять, почему так произошло.

Какие бы странные вещи ни рассказывал о себе Гурджиев, и как бы он ни затуманивал свое прошлое – совершенно очевидно, что основное обучение он прошел у суфиев. Четвертый Путь строился по принципам суфийской Работы, пусть и с поправкой на уникальность подхода Гурджиева. Но суфийский Путь не подразумевает создания ашрамов, общин

или монастырей, в которых люди живут и работают постоянно. Он проходит в гуще повседневной жизни, где искатель учится и терпению, и принятию, а также обнаружению Божественного Присутствия и проявлений Воли Бога. Суфийская Работа не проводится в условиях искусственно созданной изоляции ее участников, хотя иногда они, конечно, могут уединяться с целью выполнения каких-то, требующих этого, практик.

Когда Гурджиев создавал свою общину, он отчасти шел на поводу у обстоятельств, отчасти хотел посмотреть, что получится из всей этой затеи. Выяснилось, что даже интенсивная работа не может отменить фактора времени, которое требуется для развития человека и обретения им опыта и необходимого уровня бытия. Что невозможно перепрыгнуть через внутренние ограничения, которые несет в себе ум, а для того, чтобы их устранить, требуется опять же достаточно много времени. Что поддержание функционирования общины влечет за собой не только материальные затраты, но и затраты все того же времени – и что нужно самому жить в общине, отдавая ей большую часть своей энергии и вообще жизни. Если бы такая задача стояла перед Гурджиевым, и если бы именно она была главной целью его миссии, то он, несомненно, добился бы ее осуществления. Вот только задача его, похоже, была совсем иной. Я бы даже сказал так – возможно, что главной целью Гурджиева было не учить их, но исследовать их реакции на обучение и на новое знание.

Идрис Шах говорил, что Гурджиев учился у суфиев, но так и не закончил свое обучение. Тем не менее это вовсе не означает того, что Гурджиев не поддерживал связи с определенными суфийскими кругами и что его Работа была полностью независимой и выполнялась им на свой страх и риск. В тех же «Рассказах Вельзевула» есть места, указывающие на то, что Гурджиев был знаком с такими аспектами суфийской Работы, о которых нам не сможет рассказать ни один его ученик, потому что Работа эта ведется скрытно. А знать о ней может только тот, кто принимал в ней участие, так что с Гурджиевым дела обстоят еще сложнее, чем это кажется на первый взгляд.

Например: Гурджиев мог не закончить обучение у суфиев ровно потому, что перестал в нем нуждаться, или потому, что дальнейшее продвижение в рамках той версии суфизма, которую ему давали, стало невозможным. Не будем забывать о том, что разные ордена в суфизме имеют разную, что называется, «специализацию», а уникальное бытие Гурджиева только до определенной степени могло вписаться в требования,

предъявляемые к ученикам суфиев. Он был слишком силен, да еще к тому же имел передачу увайси – то есть получил знание мистическим путем от кого-то из умерших прежде суфиев. Именно поэтому Гурджиев мог не закончить стандартных этапов суфийского обучения – поскольку в чем-то уже превосходил своих возможных учителей. Книжка Лефорта «Учителя Гурджиева» является очевидной подделкой, так что об истинных его учителях нам ничего не известно. В то же время Гурджиев вполне мог взять на себя миссию – принести на Запад новое знание и посмотреть, что из этого получится. В одном из своих текстов он упоминает, что направил более десятка человек в некие центры, где те смогут получить необходимое обучение. Сам же он, так получается, работал с теми, кто к подобному обучению в принципе не годился.

Гурджиев начал свою Работу в России ровно потому, что здесь у него – человека, возникшего из ниоткуда, – были родственные связи, и это облегчало его задачу. Полагаю, что позже он все равно перебрался бы на Запад, но судьба – в виде войны и революции – ускорила темп, и уезжать на Запад пришлось раньше, чем он планировал. Гурджиев уже прибыл в Россию, имея план привлечения внимания публики к своей персоне через постановку балета «Битва магов». Но ставить его пришлось уже во Франции.

В интернете гуляет многозначительная версия, согласно которой начало второй мировой войны было спровоцировано Гурджиевым через постановку балета «Битва магов». Дескать, он, используя знание древних символов и сакральных движений, превратил постановку в магическое действо, которое и пробудило темные силы, столкнув их со светлыми. Тогда и началась вторая мировая. Гурджиев предстает перед нами сильным магом, влиявшим на судьбы мира. Комментировать тут особенно нечего – это полная чушь, написанная человеком,

не знающим ничего ни о Гурджиеве, ни о магии, ни о сакральных движениях. Подобной чуши написано немало, и версии встречаются самые фантастические – но все, как одна, подчеркивающие исключительность Гурджиева и наличие у него неведомых нам сил. Георгий Иванович, я думаю, рад. У него всегда было прекрасное чувство юмора.

Сила бытия Гурджиева была одновременно и благословением, и проклятием для него. Он знал об этом и, более того, был вынужден строить свою работу с людьми, учитывая свои особенности. Сила Гурджиева была такова, что он мог поработать людей, а они в ответ его бы обожествляли. Что бы там ни говорили про Гурджиева разные злопыхатели, именно этой ситуации он избегал всю свою жизнь. Именно поэтому, возможно, он не получил разрешения на обучение людей – в стандартной его форме – и именно поэтому он вынужден был вести себя отталкивающе и грубо. И даже это не спасло Гурджиева от статуса сверхчеловека, который ему присваивается в большинстве воспоминаний. Если учесть все вышесказанное, то можно догадаться, почему время от времени Гурджиев избавлялся от преданных ему учеников. Во-первых, он имел ограниченный мандат на обучение, которое не должно было выходить за рамки его миссии. И тогда с какого-то момента он не мог ничего больше дать своим ученикам, не нарушив своего обещания. А к обещаниям Георгий Иванович относился очень серьезно. Во-вторых, когда преданность Работе начинала превращаться в раболепие по

отношению к Учителю, человек должен был уйти от Гурджиева – пусть даже с обидой и непониманием – но уйти, ради своей же пользы. Кто-то, подобно Успенскому, уходил сам, но тогда причины ухода были иными. Гурджиев отталкивал людей по причине либо их состояния, либо по причине того, что обучение под его руководством не могло быть продолжено. Потому что никакой школы он создавать не собирался и, более того, не должен был этого делать. И здесь мы сталкиваемся с вопросом, насколько тогда полезна данная им Система, и для чего вообще он ее давал.

Ошо сравнивал положение мистика по отношению к обычному человеку следующим образом: мистик сидит на дереве, а человек – под деревом. И благодаря своей более высокой позиции мистик видит повозку, которая появляется на дороге, на несколько минут раньше человека, сидящего под деревом. То, что для человека является будущим, для мистика – уже настоящее. Допустим, что суфийские мистики знали об угрозе окончательной деградации суфизма и искали способы изменить эту ситуацию. В ортодоксальной среде сделать это было практически невозможно, потому что именно из-за ее ортодоксальности он и стал вырождаться. Мистики не боятся нестандартных решений, а потому вполне возможно, что Гурджиев был направлен на Запад, чтобы проверить готовность людей к восприятию нового знания и новых практик. Суфии искали новые земли и новых людей, о чем прямо говорил Идрис Шах, первыми последователями которого стали приверженцы гурджиевского учения.

И вот как тогда выглядит вся картина – Гурджиев принес не Истину, но набор идей, в которых она сознательно была смешана с ложью. И сделано это было для того, чтобы проверить средний уровень бытия людей, которым, возможно, позже были бы даны уже более истинные утверждения. Только так можно объяснить очевидную нелепость некоторых гурджиев-

ских теорий, потому что, как ни крути, дураком он не был. Была провокация, была проверка слушателей и читателей на уровень их понимания, и те, кто мог отделить зерна от плевел, мог рассчитывать на настоящее обучение. И мы не можем знать точно, сколько людей прошли эту проверку, но знаем, что до сих пор множество последователей учения Гурджиева-Успенского (уже смешно) пытаются разгадать загадки, которые подкинул им один из величайших мистиков прошлого столетия.

Время мистиков отличается от времени обывателей. Мистики живут вечностью и действуют, исходя не из сиюминутных задач – хотя и так бывает – но из масштаба десятилетий и столетий. Как известно, Божьи мельницы мелют медленно, и мистики принимают непосредственное участие в том, чтобы жернова продолжали вращаться. Людям трудно поверить, что бывает Работа, эффект которой может проявиться спустя десятки лет, но для суфиев, следующих Воле Бога, это вполне обычная практика. Поэтому современники могут не знать об истинной цели Работы того или иного суфия, как могут не знать, что они вообще являются суфиями. Так было раньше, и так есть сейчас.

Если рассматривать деятельность Гурджиева как исследователя, то вся суть его провокаций становится куда понятнее. Выяснить форму обусловленности и основные идеи, которыми обусловлены западные люди, их восприимчивость к новым идеям, их готовность к выполнению Работы и к служению – тут существует большое поле для работы. Можно сказать, что положить жизнь на исследование такого рода является большой и неосмотрительной глупостью, но если у вас возникла подобная мысль, значит, сейчас говорит ваше эго. Оно ищет больших смыслов и великих свершений. Суть суфийской Работы заключается в служении Богу, и здесь нет важных или неважных вещей. Просто должно быть сделано то, что

требуется здесь и сейчас, без всякой надежды на то, что ты станешь наслаждаться плодами своих трудов.

Ни один мистик не бывает одномерным. Поэтому понятно, что Работа, которую выполнял Гурджиев, тоже имела в себе много равных по значимости аспектов. Его «Рассказы Вельзевула» – весьма неоднозначная книга, ставшая для последователей неким аналогом Библии у христиан. В ней действительно имеется много уровней смыслов, но главный ее посыл – отчет о состоянии умов людей, с которыми Гурджиев имел дело. И отчет этот предназначен не для нас с вами – он адресован тем, кто инициировал Гурджиева к выполнению исследовательской миссии. Нам тоже, конечно, есть чем поживиться в этой книге, но, чтобы ее понять, уже нужно обладать тем уровнем знания, который нельзя получить, не став мистиком. Примерно то же самое можно сказать и о другой его книге – «Встречи с замечательными людьми». Автобиографической она является только отчасти, и главная ее цель не столько дать ключи тем, кто ищет Путь, сколько проверить читателя на уровень бытия – то есть на то, способен ли он отличить правду от вымысла, а истину – от лжи.

Сила бытия Гурджиева одних приводила в состояние священного трепета, других – в состояние неприятия и страха. Следуя своей установке не становиться новым богом для людей, Гурджиев вел себя с ними порой чрезмерно резко, хотя не нам судить об этом. Его святость, проявлявшаяся время от времени, уравновешивалась грубостью и дурными привычками, обойти вниманием которые не получается ни у одного автора воспоминаний. И, как это ни странно, именно неоднозначность поведения и проявлений Гурджиева является тем, что продолжает привлекать внимание к его фигуре до сих пор. Он сам сделал из себя загадку, полную противоречий, и это оказалось наилучшим маркетинговым ходом, ведь «Четвертый Путь» продолжает пользоваться спросом и привлекает людей,

ищущих силы. То, что следуя этому Пути никуда прийти нельзя, сейчас мало что значит, потому что никто не понимает, что сам этот Путь был изобретением, сделанным для достижения конкретной цели, не имевшей отношения к тому, к чему стремятся настоящие искатели. Четвертый Путь – оригинальная выдумка Гурджиева, но он ведет ровно туда, куда могут привести практики осознания, и не более того, а весь антураж из идей, которыми он приправлен, по большей части бесполезен. Это доказано временем, но люди снова и снова, с упорством, достойным лучшего применения, пытаются приблизиться к состоянию бытия Гурджиева посредством Пути, которого на самом деле не существует. И это полностью характеризует состояние их собственного бытия. Истину почти всегда смешивают с ложью, но Гурджиев сделал из этой смеси целое учение. И это тоже показывает нам уровень его бытия – ведь играть всерьез в то, что изначально не несет в себе того смысла, который декларируется, – еще нужно суметь. Гурджиев уникален, как уникален любой мистик. Его уровень самопожертвования может оценить только тот, кто проделывал подобную Работу, а таких наберется немного. Работа Гурджиева подготовила приход Идриса Шаха, а тот создал ситуацию, в которой стало возможным распространение суфизма на Западе. И пусть пока это еще не привело к его обновлению, но начало положено, и жернова на мельницах Бога продолжают вращаться. Муку, которая из всего этого получится, мы, возможно, увидим еще при нашей жизни, и тогда, наверное, поймем куда больше того, что можем понять сейчас.

ЛИНИЯ ПЕРЕДАЧИ

Развитие человеческого общества напрямую зависит от возможности сохранять и передавать знание, накопленное предыдущими поколениями. Без накопления знания нет прогресса, а без передачи его другим – нет развития идей и их практического воплощения. В том, что касается внешнего знания, – все достаточно просто. Существуют описания разного рода законов, формулы и определения, которые сейчас преподают в школах и вузах. Это знание относится к миру и потому его можно усваивать только на уровне ума, читая и запоминая. Ну и учась решать задачки, конечно. С мистическим знанием дело обстоит несколько иначе. А можно сказать – с точностью до наоборот.

Передача мистического знания на уровне ума ограничена тем, что адекватно выразить словами мистический опыт бывает довольно сложно, а адекватно воспринять даже это «приземленное» выражение – почти невозможно. Существует сходство между передачей сведений о внешнем мире и о скрытой стороне Бытия, и оно заключается в том, что в обоих случаях человек получает набор представлений о том, чего не знает. Но в первом случае это сведения, имеющие отношение к

реальности, которая легко поверяется опытом, во втором – это уже опыт мистика, вполне уникальный и описывающий законы и проявления *иной реальности*. Причем язык выражения мистического опыта чаще всего столь непросто, что понять его порой сложнее, чем теорию относительности Эйнштейна. К тому же многие мистики выводят собственные «формулы», по которым люди должны идти к Богу и обретению опыта, а они порой содержат радикально разные рекомендации.

Передача мистического опыта, из которого, собственно, и возникает мистическое знание, в принципе является трудным делом. Тем более что и сам опыт может иметь разные, что называется, причины. Есть некие «теоретические» откровения свыше, наподобие, например, мекканских откровений Ибн Араби. А есть практический опыт достижения высших состояний бытия, в котором можно отметить этапы и описать целый Путь к ним, вместе с ключами, позволяющими человеку преодолеть механистичность своих реакций и пробудиться к восприятию мистической стороны Реальности. Кроме того, существует опыт пребывания в этих высших состояниях – на иных уровнях возможного для человека бытия – и для его передачи нужны свои методы и свой язык. Таким образом, от того, каким образом получен опыт, – будет напрямую зависеть способ и возможности его передачи. Откровения могут быть переданы только через изложение того, что вообще можно сформулировать словами, и хотя в них встречаются какие-то конкретные рекомендации по тому, например, как следует молиться и вообще жить – так бывает редко. Чаще всего они содержат в себе некие общие описания Реальности и разных уровней Творения, в частности – уровня существования Бога. Или, как Его называют в более современных писаниях, уровня Абсолюта, а может быть даже – Источника всего. Язык откровений обычно сложен, содержание – туманно, и они, в основном, дают богатую пищу для интерпретаторов, которые

переводят возвышенные неоднозначные смыслы в нечто более понятное и приземленное. Другой формы для передачи откровений нет – только их изложение, приправленное соусом из описания своих переживаний, вызванных ими, вот и все. При этом нет никаких сомнений в том, что устная или письменная передача откровений производит весьма вдохновляющее действие на искателей, принося им определенную пользу.

Практический опыт, связанный с достижением высших состояний бытия, передается по принципу «делай, как я». Здесь, как правило, наличие живого учителя необходимо, причем в наше время прямое обучение чаще всего заменяется организацией семинаров и того, что называют сатсангами. При передаче подобного опыта живой контакт между учителем и искателем просто необходим, хотя, теоретически, можно пытаться получить некое практическое знание из книг, в которых он описывается, но обычно это менее эффективно. При живом обучении всегда существует практическая часть, направленная на то, чтобы помочь искателю повторить путь учителя и, в результате, обрести то же самое состояние бытия. Однако далеко не всегда сам Мастер или учитель может точно описать причины своего достижения. Когда причины и следствия духовной трансформации не совсем ясны или же экстраординарны, то принцип «делай, как я» перестает давать желаемый эффект. Порфирий Иванов учил обливанию холодной водой, потому что истинная причина изменения его бытия была неизвестна ему самому. С Ошо и многими другими случилась подобная история.

Разрыв между прежним и новым состоянием, возникающим после трансформации – после схождения импульса Милости Бога – бывает порой настолько большим, что внятная передача опыта достижения становится почти невозможной, потому что он перестает интересовать достигшего. Обретение высшей Истины выглядит безусловленным прежними усилиями, и

они кажутся чем-то бессмысленным и бесполезным. Тогда остается только описывать состояние, в котором находишься сейчас, чтобы хоть как-то помочь тем, кто ищет у тебя ответов на свои вопросы. Чаще всего в подобной ситуации находятся разного рода гуру-одиночки вроде Джидду Кришнамурти, и то, что они рассказывают, может вдохновлять к поиску, но мало помогает в практическом плане. Их знание на какое-то время становится неким маяком, на который ориентируются искатели, но трудности словесной передачи и превращение слов в неверные представления в умах людей, сводят на нет всю возможную пользу от него. Ну, или почти всю.

Сохранение мистического знания возможно только тогда, когда существует цепь преемственности – и в первую очередь, это должна быть преемственность опыта. Знание, облеченное в слова, значит мало, главным является собственное переживание, без которого понимание истинного смысла выученных вами слов просто невозможно. Опыт откровений доступен лишь избранным, опыт достижения высших состояний сознания и бытия доступен каждому настоящему искателю.

Прямая передача опыта – вот что обеспечивает сохранение мистического знания. Такое возможно, если существует некая *система* обучения людей, которая до определенной степени гарантирует получение собственного мистического опыта всем обучающимся. Тут не отделаешься семинарами и тренингами, потому что природа человека такова, что однократное воздействие на него не дает стойких результатов. За редким, может быть, исключением. Чтобы преодолеть свою привычку отождествляться с эмоциями и умом, чтобы развить восприятие в той степени, когда мистический опыт станет доступным для него, человеку требуется проделать над собой опреде-

ленную работу, которую трудно осуществить без надлежащего руководства. Поэтому во все эпохи создавались мистические школы, которые описывали свой Путь – соответственно времени, месту и людям. То есть на уровне знаний, который существовал в то время, с учетом культурных и религиозных традиций, принятых там, где работали мистики, и наконец, беря во внимание состояние людей, искавших обучения. От века к веку все эти факторы меняются, и в зависимости от них мистическая Работа принимает те или иные формы.

Мистики существовали во все времена. Многие из них видели своей задачей передачу и сохранение мистического знания, полученного ими в разной форме и почти никогда – без предварительных усилий. Но знание не сохраняется в книгах – они могут послужить толчком и основой для внутреннего поиска, и не более того. Поиск должен быть осуществлен человеком, и только тот, кто достиг духовной трансформации, может быть новым носителем и хранителем того, что суфии называют Знанием. Оно не может быть полноценным, если не подтверждено опытом, если оно не является результатом собственного переживания. Знание о Боге не имеет значения, если вы не чувствуете Его Присутствия, если вы не ощущаете связи с Ним, и если не получаете ответа на свои молитвы. Можно собрать все, что есть, сведения о следовании Воле Бога и о служении Ему, но пока вы сами не ощутите импульс Воли и не выполните то, что от вас требуется, – ваше знание будет равно пустому умствованиею. Так что хранить, накапливать и передавать Знание может только тот, кто продвигается по Пути, работая над собой.

Поэтому проблема прямой передачи мистического знания всегда была актуальным вопросом для мистиков. Можно сказать, для многих из них эта проблема была одной из самых важных. Они создавали упражнения и практики, которые должны были привести их учеников к получению собственного

опыта, а значит, и к определенному знанию – как минимум о себе самих. Но пробиться через завесы, которыми закрыты умы людей, трудно даже с самыми лучшими практиками. Всегда существуют определенные ограничения – и у ученика, и у упражнения, которое он выполняет. Например, есть ограничение во времени, когда возможность внутреннего прорыва или трансформации возникает и исчезает, будучи неиспользованной. Есть индивидуальные для каждого ученика ограничения, связанные с его внешней жизнью – с работой или местом и условиями проживания, из-за которых и выполнение практик, и живой контакт с Мастером становится затруднительным. Но главные ограничения в обучении скрыты в самом ученике. Это – обусловленность и предвзятость его ума, привычные психоэмоциональные реакции и масса подавленных энергий в эфирном теле. Привычка отождествлять внимание со всеми реакциями и идеями ума тоже является серьезным препятствием в работе над собой, и на ее преодоление – на возвращение осознанности – тоже уходит очень много времени.

Прямое обучение позволяет делать словесную передачу знания более эффективной за счет постоянного общения, когда на заблуждения ученика можно указывать снова и снова, постепенно разбивая его ложные представления о Пути, самом себе и прочих вещах. Но этого все равно мало. Поэтому большинство Мастеров делятся с учениками своим бытием. Отчасти это происходит естественным образом – пребывание в поле присутствия, в поле Сознания Мастера, уже производит воздействие на ученика, повышая его *собственное присутствие* в себе. За счет этого осознанность ученика растет быстрее и легче, и вообще его усилия во внутренней работе начинают приносить больше плодов. Однако человек привыкает ко всему – и присутствие Мастера не является исключением из данного правила. Если ученик не прикладывает постоянных серьезных усилий к тому, чтобы возвращать свое осознание, то по дости-

жении определенного «потолка» поле Мастера уже никак его не продвигает. В этом факте кроется объяснение того, почему многие люди находились бок о бок с великими Мастерами в течение многих лет, но сами так и не достигли высот осознанности. Они расслабились – ведь поле Мастера несет в себе ощущение комфорта, которое превращалось в ловушку для многих учеников, решавших для себя, что и так уже все хорошо.

Из необходимости передачи опыта и знания рождаются методы, позволяющие осуществить ее в обход ума ученика. Можно, например, создать ситуацию, в которой ученик сможет сам ощутить Божественное Присутствие. Можно поделиться с учеником еще какими-то аспектами высших уровней бытия, что станет для него одновременно и толчком к продвижению, и новым переживанием. При этом нельзя сказать, что создание подобных ситуаций как-то кардинально влияет на бытие ученика или сильно его меняет. В основном подобного рода демонстрации призваны дать человеку вкус того, что пока ему недоступно, но к чему он сможет прийти. К тому же без определенной готовности и *подготовленности* ученика, выражающейся в уже достаточно развитом восприятии – такую демонстрацию провести почти невозможно.

Мастер может производить некоторые воздействия на ученика из уровня своего бытия, но чаще он просто становится проводником импульсов, приходящих свыше. Как правило, это развивающие импульсы, хотя иногда Мастер может стать проводником Милости Бога, и тогда ученик получает шанс на то, чтобы пройти через этап трансформации. Конечно, она будет далеко не полной, но принесет реальные изменения в бытие ученика. Опять же – в той степени, в какой ученик будет *готов* к принятию Милости. Среди импульсов, приходящих через Мастера, существует даже импульс Знания, который представляет собой чистый Свет. При этом не происходит

передачи знания в прямом смысле этого слова. Мастер не передает ничего конкретного, и сам импульс Знания тоже не несет в себе ясно обозначенного послания. Знание обретается учеником за счет воздействия энергии Света, который – пробивая завесы ума и чувств – позволяет человеку увидеть истину либо о самом себе, либо о каком-то вопросе, разрешение которого является для него крайне важным. Готовность ученика к получению импульса Знания и здесь имеет большое значение, потому что никакой Свет не может пробиться к тому, кто закрыл для него все двери и окна. Нежелание взаимодействовать или внутреннее сопротивление, возникающее по самым разным причинам, делают ученика *неготовым* к подобным передачам, хотя сам он может при этом считать, что вполне готов, но Мастер плохо старается. Но, ни благодать, ни самые высокие импульсы не могут быть переданы тому, кто закрывает себя, пусть даже бессознательно.

Практики и приходящие с ними изменения дают ученику собственный опыт прохождения стадий Пути. Однако, что делать, если никто из учеников – по тем или иным причинам – оказался не в состоянии пройти Путь до конца? Тогда он *знает* только часть Пути, и хорошо, если сам ученик это понимает и признает. А если Мастер уходит из жизни, не успев осуществить полную передачу Знания, как быть тогда? И что такое вообще – эта полная передача?

Истина бесконечна, и Путь длится для каждого, кто идет по нему, ровно столько, сколько тот живет в теле. Так, по крайней мере, считается. Вся полнота Знания отдельного Мастера или Учителя будет равна тому, какая часть Истины была открыта им на Пути, и какой опыт он на нем получил. Истина познается только при взаимодействии с Богом – в следовании Его Воле или на более поздних стадиях Пути. На ранних стадиях ученик получает Истину в виде слов, в виде информации, ноне в качестве переживания. Он еще не способен видеть Истину прямо, он может только учиться различать истину и ложь в себе самом и в других людях. Иллюзии наполняют его ум, и лишь когда они будут рассеяны, Истина начнет предстать перед ним.

Это происходит по мере продвижения по Пути, параллельно с развитием высших способностей восприятия.

Переживание Истины становится частью опыта мистика, но приходится отделять ее от того опыта, который был получен им в практической работе. И хотя Истина является неотъемлемой частью Знания мистика, но в передачу «по наследству» она войти не может. Так что можно передать только то знание, которое получено именно в практике, в усилиях, а то, что открывается позже, как бы само собой, увы, никак не передается. Даже слова, которые и так не очень помогают, в том, что касается высшей Истины – включающей в себя все противоположности и многое другое – становятся совсем бесполезными.

Мистическое знание относится к способам взаимодействия с Высшим, к законам, по которым оно происходит, и скрытой от обычного восприятия стороне реальности. Истина – вершина этого знания, которая познается человеком и меняет его, но он не может стать ее обладателем – только проводником. Познавший Истину – меняется тем сильнее, чем в большей степени она открылась ему, но он не обладает ею, скорее, он с нею связан. Так как Истина есть один из атрибутов Бога, то иначе и быть не может, потому что Бог владеет человеком, а не наоборот. Так и Истина владеет тем, кто обратился к ней, а мистик может только проводить и транслировать ее в мир, насколько он может. Будут ли это стихи, мистические трактаты или особые виды практик – зависит от ситуации самого мистика; так он выразит свое переживание и так через него часть Истины будет явлена миру. А устроить прямую передачу Истины даже для самых готовых учеников – невозможно.

В суфийской традиции различают несколько видов передачи духовного (мистического) знания. Есть передачи по наследству – от отца к сыну или от отца к приемному (духовно

усыновленному) сыну. Сейчас, к сожалению, эти передачи стали основой для вырождения многих суфийских орденов, когда духовная власть передается по наследству без серьезных на то оснований – в смысле уровня продвинутости сына или племянника на Пути. Теоретически сын суфийского Мастера или шейха может пройти весь Путь под руководством отца и занять его место вполне заслуженно. Но теперь мы видим несколько иную картину, где происходит не передача знания, а передача власти.

Есть также передача знания от Мастера к ученику, которая происходит в процессе обучения, за достаточно длительный отрезок времени. Что может быть передано за пределами слов? Как опыт Мастера может быть передан ученику наиболее полным образом? Насколько от них обоих зависит возможность осуществления подобной передачи? И вот странный ответ – если путь продолжается до самой смерти мистика, то при жизни всю возможную полноту опыта передать вообще невозможно, поскольку что-то происходит и открывается почти постоянно. Новые аспекты Истины, допустим, и так передаче не подлежат, но новый опыт все равно приходит, так или иначе. Поэтому я бы сказал так – на каждом этапе Пути существует возможность передачи опыта, соответствующего этому этапу, или, если ученик приходит тогда, когда Мастер уже исчез в Боге, то остается одна из самых, наверное, эффективных практик передачи опыта в прямом контакте – исчезновение в Мастере. В суфизме эта практика имеет название «фана-фи-шейх», и она позволяет ученику попытаться объединить свое бытие с бытием Мастера, а через эту связь получить передачу знания и ускорить процесс своего продвижения на Пути.

Каждому этапу Пути соответствует свой опыт и свое знание. Всю их сумму вместить сразу невозможно. Точнее – невозможно обычным образом. А мистическая возможность

передачи *всего опыта сразу* – возникает только тогда, когда в этом есть насущная, неотложная необходимость. Как правило, при прямом обучении и постоянной возможности контакта с Мастером она не возникает в принципе. Обучение идет своим чередом, какие-то передачи все время происходят, и ученику хватает этого с лихвой, особенно если он и так прикладывает к работе над собой максимум усилий. Поэтому происходит постепенная передача знания, которую каждый получает и усваивает ровно по мере готовности и необходимости в ней. В таком случае тех, кто получает передачу знания, может быть достаточно много, и она осуществляется порой почти незаметно для них.

Индивидуальный опыт Мастера не может не накладывать отпечатка на всю его Работу. В том числе, это касается и его работы с учениками. Навязывать свой опыт нельзя, потому что при этом будет подавляться индивидуальность ученика и его уникальность в том, что касается Пути к Богу. Тем не менее, существуют ключи, которыми открываются *внутренние двери*, и они для всех одинаковые. Например, открытие Сердца не происходит без акта принятия – когда человек проходит через внутренние или внешние ситуации, которые раньше были бы для него неприемлемыми – принимая их, отпуская и расслабляясь. Этот момент и служит ключом, приводящим к чуду открытия Сердца. Принятие – один из главных ключей на Пути, и чем легче ученик может принимать то, что ему дается жизнью, Мастером и Богом, тем быстрее он продвигается, меняется и растет.

Если Мастер учит только из собственного опыта – его учение подойдет очень небольшому числу людей, близких ему по строению сущности. Если он может отстраниться от своего опыта, выбрав главное – те самые ключи к прохождению Пути и обретению духовной трансформации, ключи к взаимодей-

ствию с Богом – тогда его Работа может быть полезной для самых разных типов людей. Если он совсем отстранится от себя, став чистым проводником Высшего, тогда он сможет работать со всеми, но разрыв между ним и людьми станет слишком большим, и они, вместо того, чтобы учиться у него, станут делать из него идола. Для эффективной работы с людьми Мастер должен иметь в себе нечто, что позволяло бы людям видеть в нем человеческое: это позволит ему избежать обожествления с одной стороны, а также даст надежду на прорыв тем, кто пока еще озабочен своим несовершенством и мучается из-за комплекса неполноценности. Если Мастер слишком *далек от человеческого*, то у тех, кто с ним общается, возникает еще более острое ощущение собственной неполноценности и «уродства». Они теряют всякую надежду на перемены своего бытия и быстро впадают в соблазн поклонения и восхваления Мастера, надеясь уже только на чудо или его «всесильную» помощь. Поэтому, конечно, лжемастера всегда стремятся к тому, чтобы проявлять как можно больше нечеловеческого в своем поведении, и требовать от своих последователей соблюдения почти нечеловеческой аскезы и жертв. Так искусственно создается разрыв, благодаря которому лжеучителя добиваются почитания и авторитета.

Следование Воле Бога позволяет превзойти прежний индивидуальный мистический опыт, но постепенно из следования возникает новый опыт, который тоже должен быть превзойден. Нужно оставить только ключи, благодаря которым этап отказа от собственной воли в пользу Воли Бога, может быть пройден другими максимально эффективно. Им и следует учить.

Когда индивидуальный опыт Мастера получен в рамках следования определенному Пути, то Путь становится контекстом, в котором осуществляется передача. Тогда и возникает то, что называется *линией Передачи*, то есть возникает цепь преемственности Знания и Работы. В суфизме линия Передачи

от живого Мастера называется силсилой и прослеживается обычно от пророка Мухаммада и праведных халифов до наших дней. Принадлежность к линии Передачи силсилы подразумевает получение разрешения на обучение людей и автоматически подтверждает легитимность действий шейха или Мастера. Это, что называется, видимая и задокументированная линия Передачи, которая позволяет защитить Работу от вторжения самозванцев и сохранить мистическое знание. А также передать духовную власть тому, кто этого по-настоящему заслуживает.

Силсила – в идеале – должна быть мистической передачей и опыта, и знания. Несмотря на некоторый бюрократизм, который выражен в получении *иджазы* новоиспеченным наставником, суть силсилы должна оставаться мистической. Иджаза – официальное разрешение на обучение людей – оформляется письменно, и фактически является официальным суфийским документом, который должен предъявляться по требованию и необходимости. А хранителем и проводником Знания, как я уже отмечал выше, становится новый шейх или Мастер.

Мистический Путь полон загадок и тайн, как, собственно, и вся наша жизнь. Порой он сохраняет сам себя, и тогда, когда нет возможности осуществить прямую передачу знания при жизни Мастера, это происходит после его смерти, без длительного обучения ученика. Мистик, получивший передачу подобным образом – от духа умершего человека – в суфизме называется увайси, по имени того, кто первым получил ее от самого Пророка. Им был Увайс ал-Карани, который никогда не встречался с Мухаммадом, однако получил от него знание. Изменения, последовавшие вслед за этой передачей, произвели столь сильное впечатление на современников Увайса, что его имя стало нарицательным, дав название всем мистикам, получившим знание подобным же образом.

Есть примеры того, что феномен передачи опыта от духа умершего человека к духу человека живого (образно говоря) – существовал задолго до появления суфизма. Однако именно в суфизме сохранилось больше всего свидетельств этой передачи, и даже возник образ Хидра (или Хызра), который явля-

ется суфиям когда во сне, когда наяву и наставляет их, то есть учит. Передает знание.

Считалось, что Господь избирает человека, который должен получить знание мистическим образом, и отправляет для осуществления этой передачи кого-нибудь из своих святых. Понятное дело, что к искателю на суфийском Пути для передачи приходит суфий, по-другому и быть не может. Мистики увайси считались богоизбранными, но при этом, если увайси не поступал в официальное обучение к какому-нибудь шейху и не получал иджазу на общих основаниях, своим суфийское сообщество его не признавало. Действительно, существует большой соблазн объявить о том, что ты получил передачу, например, от самого Бахауддина Накшбанди, и начать вещать разного рода сомнительные истины, обосновывая их своим статусом увайси. Поэтому строгое отношение к подобным мистикам со стороны суфиев вполне понятно.

Поскольку я сам являюсь мистиком увайси, мне хорошо знакомы разные стороны данного вопроса – и отношение суфиев, и желание всякого рода экзальтированных личностей выдать себя за очередного мистика увайси. Но знаю я и то, что неизвестно тем, кто не принадлежит к той линии Передачи, к которой посчастливилось принадлежать мне. Я уже много писал об условиях, без которых стать мистиком увайси невозможно, и поэтому здесь об этом скажу коротко. Чтобы стать готовым к передаче опыта от «духа» умершего человека, нужно обладать неплохими медиумическими способностями, но главное – нужно иметь в себе очень сильную необходимость в руководстве, необходимость в Мастере. Именно на эту необходимость откликаются те Мастера, чья передача знания осталась незавершенной.

Творение велико и бесконечно, поэтому, конечно же, существовали мистики увайси, связанные только с тем Мастером, от которого они получили передачу. К тому же, если сами они не

нашли того, кто мог бы получить ее от них, то здесь цепь обрывается и никакой линии преемственности не образуется. Такое тоже бывает, потому что возможность осуществления *такой* передачи знания тоже существует ограниченное время. Если же она все-таки случается, то начинает образовываться то, что называют линией Передачи, только она уже не может быть зафиксирована на физическом плане бытия.

Эфирное тело живет несколько дольше физического, тело ума – дольше эфирного. Ментальное тело, будучи полностью развитым при жизни человека, сохраняется еще дольше, я бы сказал – на порядок дольше. За счет него и появляется возможность передачи знания после того, как физическое тело мистика прекратило свое существование. Там, на ментальном плане, и находится линия Передачи мистиков увайси, причем не одна.

Между силсилой и линией Передачи увайси есть немало различий. Например, ты не можешь знать всех Мастеров, которые ее создавали. Нет никаких списков и документов с именами и званиями, потому что каждый, получивший подобную передачу, может знать лишь того, от кого ее получил, и не более. Такова суть данного действия – ты получаешь опыт конкретного мистика, прошедшего определенный путь и трансформацию, и в нем не содержится никаких дополнительных исторических подробностей. Только знание, только духовная и мистическая составляющая опыта. Передача, конечно же, очень сильно влияет на человека в самом начале, но потом тот обретает свой духовный опыт, и именно он и передается следующему искателю.

Есть ряд закономерностей в том, что касается передачи увайси от Мастера искателю. Во-первых, она может быть осуществлена только один раз. Один человек может стать учеником ушедшего мистика, и опыт может быть передан только однажды. Во-вторых, эта передача может быть сделана

в течение ограниченного времени, то есть тогда, когда после ухода мистика прошло всего несколько десятилетий. Через тысячу лет осуществить ее будет невозможно, потому что и ментальное тело тоже не вечно. Промежуток, в котором передача все еще возможна, не превышает, как я полагаю, ста наших земных лет. У каждого мистика увайси он разный, и если в течение этого промежутка не нашелся человек, готовый принять импульс знания, тогда оно исчезает навсегда и цепь передачи прерывается.

В суфийских текстах описаны случаи явления искателям одного и того же мистика по имени Хидр (или Хызр), который был тайным помощником суфиев и тоже был увайси. Идрис Шах называл его тайным помощником суфиев, и, судя по историям и притчам, связанным с Хидром, он тоже порой осуществлял передачу увайси, причем неоднократно. Учитывая, что передачу можно получить и от неизвестного вам мистика, тем более что в средневековье с распространением информации дело обстояло куда хуже, чем сейчас, то надо признать, что Хидр стал собирательным персонажем, которому приписывались передачи других мистиков и их же явления людям. Так родился еще один миф, в котором правда перемешана с вымыслом, но правда все-таки есть. Искатель получал передачу энергетического импульса, который менял его бытие, от некоего неизвестного ему человека, и сказать о нем мог только то, что тот явно был суфий. Имени его он знать не знал, хотя опыт постепенно усваивал и осознавал, насколько этот опыт его меняет. Хидр стал олицетворять собой всех мистиков, передававших знание с того света, а если к нему стало обращаться за помощью много людей, то, благодаря какому-нибудь суфийскому эгрегору, он мог обрести собственную форму – например, мерцающее зеленое облачение. И в этой форме на самом деле приносить некие послания от Господа тем, кто в них нуждается, причем чаще всего

являясь им в снах. Так что история с Хидром имеет несколько слоев, как впрочем, большинство настоящих мистических историй.

Только передача увайси обеспечивает получение искателем всей возможной полноты опыта того мистика, который ее осуществил. Она происходит либо единовременно, либо за два-три раза – через некоторые промежутки времени. Искатель получает импульс энергии, несущий в себе некий «слепок» опыта Мастера, от которого приходит передача. В импульсе, как в голограмме, содержится нечто вроде отпечатка эфирного тела Мастера и тела его ума, плюс он несет в себе информацию о его опыте, а точнее – его понимание, выросшее из опыта прохождения Пути и осуществления Работы. Таинственным образом импульс приносит с собой возможность овладения некоторыми навыками, которые были у Мастера. И более того – через передачу увайси могут передаваться даже привычки, которые были у мистика, ее сделавшего. При получении импульса передачи никакой трансформации не случается, но начинается процесс усваивания чужого опыта, более высокого по отношению к твоему собственному. Описать данный процесс довольно сложно, потому что протекает он подспудно и не очень-то заметно для человека. Вроде бы сначала ничего особенного не происходит – и довольно долго, а потом «вдруг» твое понимание вырастает, и тебе становятся очевидными те вещи, в которых ты совсем недавно мало что понимал. Не твой опыт неявным образом становится твоим, и позволяет *знать* тебе то, чего ты сам даже пока не прожил. Импульс опыта-знания отличается от передачи Мастером импульса знания, о которой я писал выше и которая состоит из чистого Света. Здесь происходит передача конкретного и до некоторой степени персонифицированного знания, основанного на опыте. Чем сильнее восприимчивость искателя, тем более полно и быстро происходит его усваивание, и чем она

слабее – тем дольше длится этот процесс. При живой работе с Мастером идут те же самые процессы, но там импульсы опыта-знания передаются небольшими порциями, тогда как в традиции увайси почти все отдается сразу. В живой работе ученик получает передачу опыта тоже импульсами, по мере готовности – и иногда на то, чтобы его к этому подготовить, уходят годы разговоров и выполнения практик. Гурджиев утверждал, что знание материально, ровно на опыте получения передачи увайси, ведь и сам он был именно таким мистиком. Да, передача опыта происходит через импульс энергии, который можно считать вполне материальным. Однако Гурджиев распространил материальность знания на весь мир, говоря, что его можно и нужно собирать повсюду, но тут он уже немного, что называется, переборщил. Если бы он говорил об опыте, который действительно можно получать отовсюду, а опыт уже материализуется внутри нас в знание, тогда к его высказыванию было бы уже не придаться.

Британские – если мне не изменяет память – ученые не так давно сделали открытие, касающееся наследственности человека. По их данным, с возрастом приобретенный человеком опыт отражается в ДНК-структурах накоплением специфических белков-маркеров, содержащих этот опыт в закодированном виде. Давно было замечено, что «поздние» дети, родителям которых перевалило за сорок в момент зачатия, бывают способнее и талантливее своих сверстников, рожденных теми, кому за двадцать. Возможно, именно опыт, накопленный более пожилыми родителями, передается в генах и делает ребенка более одаренным. Поэтому – теоретически – и прямое наследование духовной власти от отца к сыну имеет под собой реальное основание, хотя на практике чаще всего не очень часто себя оправдывает.

Так или иначе, Мастер передает ученикам свой опыт не только на словесном уровне. Примеры из его жизни дают

ученикам алгоритм возможного действия – некие иллюстрации того, как следует (или не следует) вести себя в разных ситуациях. Истинная духовная передача состоит в том, что Мастер передает ученикам часть себя – в виде энергетического «слепок», который встраивается в их внутренние структуры, изменяя их. В традиции увайси это происходит в силу острой необходимости искателя в руководстве, когда он ищет его всем сердцем. Тогда и возникает возможность получить помощь от того, от кого ее вообще не ждешь. В живых занятиях подобная возможность возникает реже – по причинам, о которых я писал выше. В суфизме возможность передачи опыта-знания лучше всего подготавливается практикой растворения или исчезновения в шейхе (Мастере) – фана-фи-шейх. Работая с образом Мастера, ученик готовит себя к возможному получению передачи, которая все равно осуществляется самим Мастером. И если ученик становится готовым к ней, то она происходит.

Мистики увайси бывают разными. Кто-то получает передачу, но не идет по Пути, довольствуясь тем знанием, которое в нем начинает проявляться и теми возможностями, которые возникают у искателя в результате получения опыта более высокого порядка. Учитывая условия, сопутствующие возможности передачи, так бывает редко. Чаще всего благодаря ей искатель обретает ощущение направления, в котором нужно двигаться, и продолжает прилагать усилия к работе над собой, раскрывая попутно то знание, которое было получено «свыше». Импульс знания-опыта при этом раскрывается поэтапно – когда искатель доходит до очередного изменения уровня своей осознанности, то происходит и очередное «открытие» и взлет понимания, а Путь становится все более ясным и конкретным.

Когда опыт мистика получен в контексте определенного Пути, то и передача несет в себе часть этого контекста. Только поэтому становится возможным появление линии Передачи и

цепи преемственности. И хотя мы не знаем всех мистиков, принимавших участие в ее создании, но тому, кто развил в себе восприятие ментального плана, можно ее увидеть – как отдельную линию, стоящую вне общего Узора (а может быть, даже *над* ним), и обеспечивающую сохранение той его части, с которой связана данная область суфийской Работы. Импульс чужого опыта поневоле толкает человека к поиску условий, сходных с теми, в которых он был получен, и так даже тот, кто был далек от суфизма, постепенно к нему обращается.

Внутреннее пространство человека, в создании которого участвуют эфирное тело и тело ума, – поистине огромно. Оно может вмещать в себя огромное количество энергии, и любой, кто работал со своими подавленными эмоциями, желаниями или чувствами, знает это на собственном опыте. Импульс передачи увайси попадает в это же пространство, и постепенно «рассасывается» в нем, влияя и на структуры ума, и на состояние эфирного тела. Нечто подобное, кстати, происходит и при обретении так называемых *атрибутов Бога*, которое случается на стадии суфийского Пути, носящей название стадии *внутренней бака* – пребывания в Боге. Атрибут тоже приходит как импульс энергии, который потом усваивается достаточно длительное время, и изменения, приносимые им, проявляются далеко не сразу.

Если искатель, получивший передачу увайси, не останавливается на достигнутом, то он в какой-то момент превосходит подаренный ему опыт, обретая собственную реализацию на Пути. Тогда эффект передачи заканчивается, и новоиспеченный мистик следует Богу, развивая в этом взаимодействии свою уникальность. Знание, полученное им с передачей, перестает быть очень важным и даже может быть подвергнуто критике, а также в чем-то уточнено и дополнено. В конце концов, мистик начинает опираться только на свой опыт, который тоже подвергается переоценке на каждой новой

стадии Пути. А уже позже – после ухода мистика с физического плана нашей реальности – появляется возможность передать всю сумму этого опыта (или хотя бы его главную часть) тому, кто в нем нуждается. Так происходит сохранение знания и линии Передачи, и так обновляется и поддерживается мистическая Работа. Необходимость движет нашим миром, и раз существует такая – фантастическая с точки зрения не мистиков – линия Передачи, значит необходимость в поддержании мистической Работы столь высока, что даже смерть Мастера не является препятствием для ее возобновления и продолжения. Видимо, ценность этой Работы, ведущейся незримо для людей, столь высока, что Господь – Милостью Своей – создал возможности для ее продолжения в тех условиях, в которых, казалось бы, она должна исчезнуть. Поэтому линия Передачи увайси будет существовать столько, сколько будет существовать человечество, и новые мистики будут появляться словно из ниоткуда, возрождая и обновляя угасшую было Работу.

В заключение скажу, что в суфизме существовало несколько линий Передач увайси и та, к которой принадлежу я, имеет отношение к ордену Накшбанди. И хотя нельзя точно знать имена предшественников, поддерживавших и продолжавших эту линию Передачи – коих было немало! – мне известно, что и сам Бахауддин является одним из тех, кто тоже в ней состоял. При этом она была начата задолго до него, и мне не удастся увидеть ее начало. Подобные линии Передач увайси были и в других суфийских орденах, и передача опыта в них несла отпечаток особенностей практик каждого из них. Были ли прерваны эти линии Передачи, или они все еще активны – мне неизвестно. Однако было бы вполне логично предположить, что в мире снова и снова возникают как бы из ниоткуда новые мистики увайси – ведь Бог велик, а Милость его бесконечна.

Я И ГУРДЖИЕВ

Каждая человеческая жизнь – это драма. Иногда в ней преобладают элементы трагедии, комедии или даже фарса, но в основе своей человеческая жизнь всегда остается драмой.

«Не судите, и пусть вас не судят», – сказал когда-то Иисус, но люди либо не помнят этих слов, либо пренебрегают ими, когда берутся делать выводы и умозаключения о Работе тех или иных мистиков. Судить других – значит оправдывать самих себя, и рассуждать о том, кто чего добился и к чему пришел, – это лучший способ не помнить о том, где находишься ты сам. Полностью забыть себя можно только переключившись на разбор ситуаций окружающих и на то, чтобы знать все обо всех, ничего не зная о себе самом. Или стараясь забыть то, что ты о себе знаешь, и то, чего тебе о себе знать совсем не хочется.

Не зная ничего о себе, люди, тем не менее, берутся судить жизнь и дела мистиков. Судят они, как и положено, по делам; и если кто-то из мистиков покинул наш мир, не оставив после себя ничего, кроме учения, если нет теперь у кого этим самым

людям учиться, то обычно такой результат расценивается как однозначно неудовлетворительный и неудачный. Им невдомек, что работа мистиков не обязана быть доступной всеобщему обозрению и что совсем необязательно они должны создавать комфортные условия для «новых» ищущих. Цепь преемственности совсем необязательно должна быть видимой для всех желающих; учитывая, как люди подпадают под воздействие авторитетов и громких имен, она должна быть скрытой, чтобы преемник не задохнулся под наплывом всех видов идиотов.

Тем не менее почему-то считается, что только преемник учения, равный своему предшественнику, а лучше всего – превосходящий его во всем, будет показателем успешности Работы того или иного мистика. Никому при этом не приходит в голову, что преемник далеко не всегда должен будет продолжать дело своего учителя, поскольку и его задача в следовании Воле может быть иной, а сам он – получит свой уникальный опыт, из которого и станет действовать. Заурядным умам нравятся копии и предсказуемый путь, но на мистическом Пути нет ни того, ни другого. Современные приверженцы суфизма жаждут обнаружить у каждого, кто претендует на обладание Знанием, так называемую иджазу (разрешение на обучение людей, выданное таким же патентованным наставником) или подтверждение принадлежности к цепочке передачи силсилы – то есть перечень учителей, которые предшествовали твоему Мастеру, и через которых ты и он его получили. Вся эта духовная бюрократия появилась ровно из того, что теперь нет мистиков высокого уровня, которым не нужны были бумажки, чтобы понять, с кем они имеют дело; и она же поспособствовала тому, чтобы заурядные личности могли объявлять себя истинными суфиями. Закрытому сердцу нужен ум, чтобы «понять» духовный уровень человека, а уму нужны правила,

ритуалы и некие подтверждения права мистика на обладание Истиной. Бог – как Источник Истины и права на ее передачу – забыт, теперь всем правят династии и имена тех, кто имеет право передавать право. Именно так и вырождаются мистические течения и школы.

Когда-то я сам был склонен судить людей, о которых ничего толком не знал, по тому, что они оставили после себя. Мне казалось, что я способен понять, что оставил после себя тот или иной мистик. И если его Работа как бы повисала в воздухе, и непонятно было, как стать таким же, как он, то это значило, что она не очень-то удалась. Нет сомнений, что этому способствовали книги Ошо, в которых он критиковал всех и вся; для неокрепших и закомплексованных умов свержение авторитетов всегда кажется очень привлекательной затеей. Впрочем, и Работу самого Ошо я не считал очень-то удавшейся, потому что всех его «достигших» учеников, с которыми мне довелось пообщаться, я бы не отнес к примерам того, каким должно быть достижение Истины или Любви. Все они не имели *индивидуальности*, а именно того, что и обретает человек, достигший духовной реализации. Все они паразитировали на наследии Ошо – на его практиках, словах (благо их он оставил более чем достаточно) и его подходе к жизни, добавляя к нему свое, как правило, довольно примитивное «понимание».

Благодаря речам Ошо, под впечатлением которых я нахо-

дился довольно долго, Работа Гурджиева мне тоже казалась неудавшейся, хотя я не знал даже приблизительной ее цели. Всем искателям кажется, что главная задача любого Мастера – прокладывать путь для тех, кто пойдет за ним, и всем невдомек, что Путь для себя придется прокладывать тебе самому и максимум, что может сделать Мастер, – это подготовить тебя к прохождению своего собственного Пути. Да, Мастер – это дверь, да, Мастер олицетворяет собой Путь, но вступив на него, ты начинаешь свое собственное путешествие. Помощь Мастера неоценима, но пройти предлагаемый Путь можешь только ты, и опыт твой все равно станет только твоим и вполне уникальным. Никто не сможет сделать за тебя того, что ты должен сделать сам.

Мир устроен так, что почти все в нем противостоит Работе мистика, а потому она практически никогда не может быть успешной с точки зрения обычного человеческого представления об успехе. Тем не менее они работают, и сейчас я понимаю, что для многих из них не является главной целью оставить после себя удобоваримое учение или же целую школу последователей, возглавляемую «законным» наследником этого учения.

Как и многие другие искатели, о Гурджиеве я узнал из книги Успенского «В поисках чудесного». Прочитал я ее в начале 1993 года, и она произвела на меня весьма сильное впечатление. В первую очередь, конечно, впечатлял сам образ Гурджиева, нарисованный Успенским, – образ человека Знания, имеющего совершенно неординарные взгляды на *все вещи*; человека, владеющего невероятными способностями и силами, и вообще того, кто находится на совершенно ином уровне бытия по отношению к остальным. Если не брать во внимание содержание учения, излагаемого Успенским в своей книге, то одного образа Мастера уже хватало для того, чтобы захотеть стать таким же сильным и мудрым, как он. Причем

большинство тех, кто идет в современные гурджиевские группы или кто заинтересовывается его учением, в первую очередь тянутся к образу Гурджиева, созданному и Успенским, и другими авторами мемуаров с названиями вроде «Непостижимый Гурджиев». К Гурджиеву, как правило, притягиваются те, кто ищет силу, и в меньшей степени – те, кому хочется создать в своих умах красивую, мистически обоснованную и притом непротиворечивую картину мира. Его идеи до сих пор остаются вполне оригинальными, хотя (да простят меня его последователи!) в массе своей не очень полезными с практической точки зрения. Точнее, попытки их применения на практике заводят людей в тупик размышлений и вообще в бесконечное умствование. Как, в конце концов, это произошло с самим Успенским.

Мне, конечно же, захотелось силы. Знание, которое излагал Успенский, в целом было интересным, но значительная его часть на тот момент для меня не имела почти никакого значения. Я искал того, чего ищет каждый настоящий искатель, – не описания законов мира, которые хоть и давили на меня, но сделать с ними все равно нельзя было ничего, – мне нужны были конкретные рецепты продвижения к тому состоянию бытия, которым обладал Гурджиев. Их нигде не было, но, как я понимаю сейчас, и быть не могло.

Существует множество ситуаций и состояний, которых нельзя понять умом; их можно только пережить, а ум потом подберет некие слова для описания пережитого. Вера в силу ума или, если угодно, разума очень распространена среди современных атеистически обусловленных людей. Им кажется, что можно понять все, что хорошо разъяснено, и поэтому интеллектуалы обычно живут иллюзией понимания в том, что касается внутренней работы и мистического опыта. И судьба, и опыт Гурджиева были слишком уникальными, чтобы пытаться передавать их словами, к тому же его Работа требо-

вала привлечения к себе внимания, и таинственность Учителя и источника учения были частью замысла по ее воплощению. Описывать упражнения, которыми занимался Гурджиев в разных местах под руководством разных людей, было бессмысленным в силу того, что они должны были выполняться под руководством; к тому же тогда еще была сильна тенденция скрывать практики и знания от непосвященных. Мистический Путь был уделом избранных, и это подчеркивалось внешней секретностью деятельности суфийских орденов и секретностью их практик. Теперь многие знания стали открытыми, и в силу этого их немедленно извратили, а мистический Путь как был уделом избранных, так и остался.

При этом Гурджиев не был Учителем мистического Пути, хотя, несомненно, являлся Мастером, но цель его работы с западными людьми была иной. Он сам об этом писал, но люди обычно не склонны воспринимать всерьез то, что им не нравится, поэтому мало кто поверил тому, что его целью было продолжение исследования психологии человека. Западного человека, добавлю я от себя. При этом нельзя сказать, что к моменту начала своей Работы в России и потом на Западе Гурджиев не знал психологии человека. Он понимал ее прекрасно, что абсолютно ясно следует из его опубликованных бесед с учениками и даже из той же книги «В поисках чудесного». Значит, его задачей было не столько исследование психологии, сколько изучение особенностей обусловленности западных людей, их типичных психоэмоциональных реакций и возможности проведения Работы с ними.

Первое, что поразило меня в книге Успенского, – утверждение Гурджиева о том, что все люди являются машинами. Вся моя обусловленность восстала против этого, и до сих пор помню, в каком сильном возмущении я пребывал несколько часов кряду. Когда же я успокоился, мне вдруг открылась истинность слов Гурджиева, и я как бы увидел себя со стороны – молодого человека, живущего во власти привычек и невротических реакций, склонного обижаться по всякому поводу и зависящего от самых разных внешних влияний. Я понял, что Гурджиев весьма точно описал мою ситуацию, в которой я был пленником своих механических реакций, и потому меня вполне можно было назвать машиной. Это открытие очень меня отрезвило, и дальше я стал читать с удвоенным интересом и прилежанием. Безусловно, книга Успенского содержала в себе множество откровений, но вторым сильным впечатлением (и крайне полезной информацией) стало для меня то место, где описывалась практика осознания себя. Образ обоюдоострой стрелы, направленной вовне и внутрь себя одновременно, помог понять мне *как по-настоящему* начать осознавать себя. До этого я читал об осознанности

у Ошо, но из прочитанного никак не мог понять, *как* ее практиковать. Книга Успенского очень мне в этом помогла, и с того момента осознание себя (или самовспоминание) стало моей главной практикой.

Затруднение большинства искателей, пытающихся практиковать осознанность, сродни тому, что когда-то испытывал я – непонимание. Для человека, привыкшего жить в уме, для кого внимание никогда не являлось отдельной силой, отдельной энергией, и всегда было слито с внешними вещами или внутренними состояниями, понять, как отделить и разделить его – бывает довольно сложно. Мало получить точные указания, нужно еще понять, как их осуществить на деле. С этим обычно и возникают проблемы. Разделение и удержание внимания – это практический навык, овладев которым один раз человек всегда может пользоваться им. Выйти из привычного отождествления с умом бывает непросто, но регулярные, правильно выполняемые усилия всегда дают результат. В понимании того, как правильно действовать, мне помогли слова Гурджиева, изложенные Успенским. Начало практики по осознанию себя стало для меня первым шагом к тому, чтобы встать на Путь, и к тому, чтобы вообще обнаружить его.

Что тогда, что позже – уровень бытия Гурджиев казался мне недостижимой вершиной. Со временем, однако, я понял, что уровень бытия мистика может быть разным в разные моменты – то есть может меняться. Существует базовый уровень бытия – например, степень полноты осознанности, связи с Богом и возможности взаимодействия с Ним и ряд других «параметров», причем неодинаковых для каждого мистика. И есть возможности и сверхсилы, возникающие на время, когда мистик, например, становится проводником определенной Воли Бога, обретая высочайший уровень бытия, недоступный для него в обычном состоянии. В такие моменты он может творить истинные чудеса, но позже вновь возвращается к своему привычному уровню бытия, и продемонстрированные им способности могут больше никогда не проявиться в силу отсутствия условий и необходимости для их проявления. Так, например, базовый уровень бытия Порфирия Иванова позволял ему переносить любой холод, оставаясь раздетым, а возможность исцеления неизлечимых болезней возникала далеко не всегда. Подобные «взлеты» происходят с каждым мистиком высокого уровня, и на основании их люди порой

приписывают им совершенно невероятный и запредельный уровень личного бытия, но так не бывает. Проблески запредельного случаются, возможности для того, чтобы явить присутствие Бога, происходят тоже, но это не то, с чем мистик живет постоянно, хотя каждый, конечно, имеет в своем базовом уровне бытия ряд качеств и способностей, которых нет у окружающих.

То же самое было и с Гурджиевым. Взаимодействие с учениками открывало порой перед ним возможности проявления сверхспособностей, и так, в общем, происходит с большинством Мастеров. Весь мир стоит на взаимодействиях, и благодаря им иногда возникают сиюминутные возможности для воздействия высочайшего уровня – при условии, что человек может проводить Волю и открыт для проведения Милости Бога и Его благодати. Не берусь утверждать с полной определенностью, но полагаю, что передача увайси – посмертная передача духовного Знания – тоже относится к числу тех сверхвозможностей, которые открываются перед мистиком тогда, когда для них есть подходящие условия.

Даже сейчас я не могу сказать, почему Гурджиев осуществил передачу Знания именно мне. У меня, вне всякого сомнения, имелась высокая необходимость в духовном руководстве без всякой возможности ее получения в условиях моего тогдашнего существования. Я очень остро ощущал потребность в Учителе, но найти его не мог, и практиковал по книгам, выбирая практики наобум и применяя их хаотически – используя то православные молитвы, то йогические упражнения. Такой подход не мог принести ощутимых плодов, поскольку нет никакой пользы от применения практик, относящихся к разным традициям и Путям, ведь у каждого Пути есть свой эгрегор и свои условия работы на нем, но узнать об этом тогда мне тоже было не от кого. Наиболее ощутимые результаты приносила практика осознанности, но все они лежали в

плоскости освобождения от подавленностей – практически в плоскости психотерапии, что тоже, конечно, важно, но не очень-то помогает найти путь к Богу. Видимо, сила моей необходимости и создала возможность для получения передачи, которая привела к тому, что я стал мистиком увайси.

В разных мистических традициях имеются свои способы передачи духовного Знания. Передача, существующая в суфизме под названием «увайси», это не только передача Знания, но и передача личного опыта и даже некоторых качеств базового уровня бытия того мистика, который ее выполнил. Сама по себе передача – это чистой воды мистический акт, связанный с получением энергетического импульса большой силы и замедленного действия. Человек, получивший подобную передачу, не в состоянии усвоить ее сразу, потому что сила полученного импульса, будучи высвобожденной сразу, попросту его убьет. Поэтому импульс опыта и Знания «всасывается» медленно, давая возможность тому, кто его получил, делать открытия, инициированные им, постепенно. Освоение полученного Знания происходит так, что человек начинает воспринимать его как собственное, а не как чужое, ведь рост понимания, приходящий вместе с ним, уже на самом деле – его собственный. Примерно то же самое, кстати говоря, происходит при получении мистиком Божественных атрибутов на стадии суфийского Пути, называемой внутренней бака – стадии пребывания в Боге.

Как и многие другие мистики увайси, я получил передачу во сне. Сон является видом измененного состояния, в котором человек становится открытым для получения самых разных импульсов с различных уровней Реальности, и для получения передачи увайси подобное состояние подходит как нельзя лучше. При этом само содержание сна было очень простым. Гурджиев стоял передо мной, одетый в черное пальто, темные брюки и черные же ботинки, а я склонялся, точнее, припадал к

его ступням, как это принято на Востоке. Лица Гурджиева в этом сне я не видел, но точно знал, что это был он. Во сне мне казалось, что я получаю некое посвящение или благословение; сон был коротким, и, собственно говоря, после того, как я совершил простирание перед Гурджиевым, он и закончился. Проснувшись, я не почувствовал ничего особенного и не придал этому сну какого-то серьезного значения. Более того, когда на следующую ночь мне не захотелось спать, и я занимался разными творческими делами до утра, пойдя после этого на работу, как ни в чем не бывало, я тоже не связал это со сном, приснившимся мне накануне. Я не спал тридцать шесть часов, и при этом не чувствовал особой усталости, но мне и в голову не пришло, что подобный прилив энергии, совсем мне не свойственный, мог быть инициирован сновидением с присутствием Гурджиева. Который, кстати, до этого мне никогда не снился.

Надо сказать, что еще несколько лет я не понимал, что произошло в июне 1994 года, когда мне приснился сон, повлиявший на всю мою жизнь. Первые изменения начались спустя две недели – я внезапно осознал, прямо-таки ясно увидел, что все мои практики никуда меня не ведут. К тому же не менее ясно мне открылось мое духовное эго, которое я развил в себе, став вегетарианцем и отказавшись от курения и алкоголя. Открытие это было шокирующим, а потому я мгновенно изменил весь образ жизни, оставив основной практикой работу над осознанием себя и забросив все остальное. Это было первое, но далеко не последнее проявление воздействия, которое на меня оказывал импульс передачи увайси, и потом, как-то почти незаметно для себя, я стал смещаться в сторону суфийского понимания Пути и Работы, ощущая их как нечто вполне естественно ко мне относящееся.

Позднее я не раз думал о том, что со мной стало бы, если бы я не получил передачи от Гурджиева. Однозначного ответа

на этот вопрос нет, но, скорее всего, мой поиск мог бы закончиться ничем, и вполне возможно, что мистическая часть Пути так никогда и не открылась бы для меня. Я продолжал бы возвращать духовное эго, тыкаться то в одни практики, то в другие и блуждать в потемках собственного ума. И уж совсем маловероятно, что я пришел бы к суфизму, хотя сказать точно об этом совершенно невозможно.

Я продолжал читать все, что можно было достать, – касающееся духовного развития, практик осознания и вообще разных Путей. В начале и середине девяностых ассортимент духовных и мистических книг был куда беднее, чем сейчас, и купить полную версию «Все и вся», например, мне удалось только в 1997 году. Читая книги разных направлений, я постепенно осознал, что ближе всего к моему – не совсем понятно, откуда взявшемуся пониманию Пути и Работы – книги Идриса Шаха, в частности, суфийские притчи, изданные и адаптированные им. У меня возникало неожиданное понимание их уровней смыслов; я бы сказал, что их прочтение открывало во мне некое знание, об источнике которого я сам не имел ни малейшего понятия. Тогда я по-прежнему ничего не знал о существовании мистиков увайси, и знать не знал о том, что подобная передача Знания вообще возможна. Тем не менее мой интерес неуклонно склонялся в сторону суфизма, и более того – в сторону ислама, хотя сделаться правоверным мусульманином мне не приходило в голову – ни тогда, ни позже.

Суфизм и суфийский Путь возникли и сформировались под

сенью ислама, тут не о чем спорить. Но как бы ни хотелось ортодоксам оставить все так, как было тысячу лет назад, этого сделать не удастся. То, что не развивается, то деградирует. Жить опытом, полученным другими, совсем другими людьми, жившими в иных условиях – просто не получится. Пока развивался ислам, пока он был на подъеме – развивался суфизм. Теперь ситуация стала другой, и всем очевидна деградация, наметившаяся в большинстве суфийских орденов. Чтобы придать суфизму новый импульс развития, его надо было вывести из-под ислама, и эту Работу проделал Идрис Шах. Путь остается прежним, но формы работы на нем обновляются, обновляется учение – соответственно времени и возможностям понимания современных людей. Без этого обновления останется набор догматов, который уже не действует, и мистическая часть суфийского Пути окончательно будет утрачена. Люди будут говорить правильные, освященные столетиями слова, но не будут иметь соответствующего им опыта.

Весь Путь до сдачи Воле Бога я прошел, в основном, практикуя осознанность. Мистическое Знание разной степени значимости стало открываться мне примерно с 1996 года, но какого-то решающего значения в моей практике оно не играло. У меня рос уровень понимания многих моментов, связанных с мистической стороной жизни, но радикальных перемен не происходило. При этом я не знал этапов классического суфийского Пути, а может, и читал о них, но не придавал им значения. Открытие Сердца было для меня полным сюрпризом, да и возможность сдать Воле – тоже. Сейчас уже точно не помню, когда мне открылась суть сна с Гурджиевым, и когда я осознал, что получил от него передачу, направившую в новое русло весь мой поиск. Кажется, это произошло уже после сдачи, но может, и раньше. Одновременно с этим открытием я осознал, что Гурджиев и сам был мистиком увайси, причем принадлежал он к Линии Передачи увайси в Традиции Накшбанди, хотя сам

Бахауддин Накшбанд вовсе не стоял у ее истоков. Тогда же я стал ощущать связь с этой Линией Передачи, а через нее – с Традицией, хотя мог иметь дело только с самим Гурджиевым, и ни с кем больше.

Примерно в 2008 году мне снова приснился Гурджиев, причем снился он мне три ночи подряд. В первую ночь сон был какой-то незначительный, и сейчас я его совсем не помню. Во вторую ночь сон был странный. В нем мы с Гурджиевым ехали в лимузине – таком, какой обычно нанимают для свадеб, и он что-то у меня спрашивал, а я ему отвечал. Гурджиев был раздражен и не скрывал этого. Мы ехали вместе примерно 20 минут, а потом он велел водителю остановиться и открыл дверцу машины. На обочине стоял цыганский ансамбль, который был приглашен в салон лимузина, где сразу стало тесно. После этого Гурджиев без лишних слов выпихнул меня из машины, и лимузин уехал. Был зимний вечер, и я сидел на снегу и смотрел вслед уезжавшей машине. Гурджиеву в этом сне было около пятидесяти лет.

Третий сон, приснившийся мне на следующую ночь, имел совсем другое содержание. Гурджиев предстал передо мной стариком, каким он стал в последние годы жизни. Было не очень холодно, на улице только-только начиналась осень, но он был одет в черное пальто и каракулеву шапку. Мы сидели на скамейке возле какой-то детской площадки и разговаривали. Гурджиев излучал доброту, мягкость и, я бы сказал, любовь. Говорил в основном он, а я слушал. Во сне наш разговор продолжался около двух часов. Он учил меня каким-то вещам, и я понимал, что получаю некую дополнительную передачу. Проснувшись, я не помнил ни слова из сказанного, но ощущение того, что мне было что-то передано, у меня осталось.

Я утверждаю, что передача увайси несет с собой не только Знание, но и опыт того, кто ее осуществил, не просто так – мне

в полной мере довелось познать это на себе. Сначала, еще до вышеописанных снов, мне стали открываться методы гурджиевской работы с людьми. Знаменитые ужины, для которых Гурджиев сам готовил пищу, и во время которых он проводил работу с отдельными людьми и общее воздействие на всех присутствующих, не имели у нас столь строгой ритуальной формы, да и порой бывали не ужинами, а завтраками, но суть моего взаимодействия с учениками, на них присутствовавшими, была той же самой. Я совершенно не умел готовить, и вдруг, в начале 2007 года, у меня появился интерес к готовке, и я очень быстро освоил основные ее принципы. Причем приготовление пищи стало для меня видом творчества, а в чем-то и проявлением наличия неких сверхсил. Я чувствовал энергию блюда, которое готовил, и научился насыщать ее баракой, потому что ряд приправ и продуктов могут особенно хорошо впитывать энергию того, кто их использует, и могут также становиться прекрасными «проводниками» благодати. Это знание пришло ко мне внезапно, как внезапно же я вдруг стал хорошим поваром. Я готовил много восточных блюд, и мне было абсолютно ясно, что все мои таинственным образом открывшиеся способности есть плод гурджиевской передачи. Более года я готовил каждый день самые разные блюда, делая к праздникам особую «священную» пищу, насыщенную баракой. В это время наши застольные встречи с учениками стали еще более похожими на гурджиевские ужины. Надо сказать, что все это кончилось так же внезапно, как началось. В 2008 году я начал писать книги, и тема творчества, связанного с едой, стала сходить на нет, а потом исчезла способность чувствовать ее энергию. Хотя знание свойств разных приправ и продуктов, а также умение готовить их с примесью бараки, конечно же, остались.

Я никогда не пытался подражать Гурджиеву или вести себя так же, как он. То, что приходило, так или иначе осваивалось

мной по-своему, сообразно моей индивидуальности и ситуации, в которой я работал. Работать с людьми я начал через полтора года после того, как принял Волю Бога, и принципы построения обучения диктовались ею, а не передачей Гурджиева. То, что я получил от него благодаря новым снам, относилось только к моим личным способностям, которые, по сути, мало влияли на общую Работу. После сна с беседой на детской площадке, например, у меня появилась возможность наводить *морок* на людей – то есть заставлять их видеть во мне то, что я захочу. О такой способности Гурджиева писал Успенский, и я на какое-то время тоже получил ее. Я пользовался полученной мной новой силой два или три раза, причем первый раз все произошло спонтанно, а еще пару раз – ради эксперимента. Сейчас я не чувствую в себе этой силы, но все равно я ею практически не пользовался, даже когда она у меня была. Были и еще проявления *именно опыта* Гурджиева, можно даже сказать, некий перенос на меня его привычек, но писать обо всем этом в подробностях я не вижу смысла.

Позже я получил возможность обращаться к Гурджиеву напрямую. Может быть, в классическом варианте правильнее было бы сказать – обращаться к духу Гурджиева, но я ощущал это так, как если бы обращался к живому человеку, пусть и не существующему на физическом плане нашей реальности. Пару раз я обращался к нему за помощью в ситуациях, когда заходил в тупик в своей индивидуальной работе, и, насколько я помню, всегда получал помощь в той или иной форме. Несколько раз мне приходилось обращаться к нему с вопросами по содержанию его учения и Работы, и тоже ответы всегда приходили. Сейчас уже нет необходимости ни в том, ни в другом, и я давно уже не выходил с ним на контакт.

В последние годы у меня было еще два сна с участием Гурджиева. Первый приснился в 2011 году летом, и в нем я оказался в старом деревянном двухэтажном доме. Я поднимался по лестнице с первого этажа на второй, и между этажами оказалась большая площадка, на которой были расставлены стулья. На них сидели люди, мужчины и женщины, одетые по моде начала прошлого века, человек двадцать. Я понял, что это ученики Гурджиева, ждущие начала занятий. Тут на площадке появился Гурджиев, поднявшийся по лестнице вслед за мной. На вид ему было лет сорок пять. «У меня болит голова», – сказал он, обращаясь ко мне. После этого он лег животом прямо на пол, и я, присев на корточки, стал массировать ему голову. Через некоторое время мне удалось снять ему боль, он поднялся и сказал: «Ну, теперь они твои, занимайся с ними», – имея в виду ожидавших его учеников. Сказав это, он ушел, а я остался с его учениками, сел на стул и начал что-то говорить. На этом сон закончился. Через пару месяцев я начал работать в Москве, и ко мне на встречи стали приходить люди, состоявшие в одной из московских гурджиевских групп. В целом общение было совсем неплодотворным,

но несколько человек из тех, что участвовали в этих встречах, стали моими учениками.

Последний на сегодняшний день сон, в котором присутствовал Гурджиев, приснился мне года полтора назад. Он был несколько необычным. Во сне я лежал на кровати, и как бы только что проснулся. Помещение, в котором я находился, было небольшим, в нем отсутствовали окна, а в углу напротив кровати стояло кресло, и в нем сидел Гурджиев. Внешне я его не узнавал, но точно знал, что это был он. Ему было двадцать восемь лет (это я откуда-то тоже точно знал), голова не была обрита, и ее украшала густая черная шевелюра. Он, молча, смотрел на меня, а я – на него. Это длилось какое-то время, а потом сон закончился. Что значил данный сон? Возможно, то, что больше Гурджиеву дать мне нечего и что я перерос ту стадию, на которой он мог меня учить. Так или иначе, больше он мне не снился, и в контакт с ним я не вступал.

Знание, полученное мной от Гурджиева, а также его личный опыт, изменили всю мою жизнь, это факт. Тем не менее я иду собственной дорогой, и у меня своя Работа. Я не являюсь наследником или продолжателем его дела, и то, что я живу и работаю в России, никак не связано с тем, что он начинал свою Работу здесь же. Таков, как я понимаю, замысел Творца, и судить о нем я не берусь. По всей видимости, та Работа, которую я сейчас выполняю, нужна именно здесь и именно сейчас, а что из этого получится – покажет время.

Четвертый Путь, возможность познакомиться с которым Гурджиев предоставлял почти всем желающим, на самом деле есть Путь осознанности, и ничего более. К сожалению, говоря на языке своего времени, Гурджиев представил человека как машину, а потом, развивая этот образ, начал говорить о разных центрах, имеющихся в ней. Двигательный, инстинктивный, сексуальный и прочие центры должны были быть осознаны, а их взаимодействия отслежены и исправлены там, где есть сбой работы. Машина должна быть починена и налажена, чтобы иметь возможность пробудиться и развиваться. И все было бы хорошо, кабы все описанные им центры на самом деле существовали. То есть, они, конечно, существуют. Например, то, что можно назвать двигательным центром, расположено в пирамидных путях головного мозга; инстинктивный центр – это продолговатый мозг, а сексуальный разбросан по железам, ответственным за выработку половых гормонов. Но вот в чем загвоздка – осознать прямо их работу нельзя, никак не получится. Вы можете осознать очень многие процессы, происходящие в уме, физическом и эфирном телах, но осознать работу так называемых центров у вас не получится,

потому что она никак не выделяется отдельно из общего потока энергий, более того, ее и не нужно выделять. Но когда вы ставите перед собой цель отделить импульсы и энергии каждого из центров, то вы будете не осознавать, а думать о них, потому что нигде их проявления найти не сможете, или должны будете эти проявления вообразить и внушить себе сами. В результате вместо осознания начинается умствование, которое нам прекрасно продемонстрировал Успенский в книге «Четвертый Путь» – совершенно бессмысленной и бесполезной с практической точки зрения.

Работая с интеллектуалами и давая им пищу для ума, Гурджиев выдвинул немало новых идей, которые тоже мало пригодны к практическому использованию. Закон трех, закон семи, эннеаграмма и прочие *общие сведения* бесполезны для практической Работы, но зато дают всем желающим основание для разного рода фантазий и спекуляций. За идеями и думаньем о них самовспоминание отошло на второй план. Иногда мне кажется, что в современных гурджиевских группах работают не над пробуждением от сна механистичности, а над его углублением, сопровождаемым чувством особой избранности.

Тем не менее Гурджиев знал, что такое настоящая Работа, и его высказывания о ней, как и о психологии человека, нисколько не устарели и по сей день.

Гурджиев предвосхитил приход Шаха, подготовив почву для начала его Работы. Шах создал возможность развивать суфизм вне ислама, в странах, где он не играет роли главной, доминирующей над всем религии. Я работаю в русле той возможности, которая была создана ими обоими.

Жизнь каждого человеческого существа – это драма. Жизнь мистика – драма вдвойне, ведь он живет на стыке энергий и обстоятельств, о которых большинство людей и знать не знают. Мистик всегда проигрывает в нашем мире, потому что так уж все здесь устроено – любые идеи искажаются и упрощаются, а

принесенные людям способы пробуждения со временем перестают работать, потому что меняется ситуация и меняются люди. К тому же нельзя сказать, что каждый мистик имеет только одну цель в своей Работе. Следуя Пути, следуя Богу, каждому мистiku приходится сталкиваться с тем, что его Работа принимает новые формы или же обретает новые, пусть и краткосрочные цели. Таков поток жизни, таков поток Бытия. Жизнь Гурджиева в этом смысле не была исключением из правил. Он делал то, что должен, и то, что мог сделать в той ситуации, в которой находился. Все мистики делают то же самое, а уж что у них получается, а что нет, знает только один Господь, которому они служат и ради которого живут.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ В БОГЕ

Суфийский Путь прописан достаточно ясно, хотя найти информацию о поздних его стадиях довольно трудно. Причин тому несколько: во-первых, не все до этих стадий доходили; во-вторых, если человек не начал передачу своего опыта еще раньше, то на финальных стадиях Пути начать говорить или писать о нем совсем трудно. Тем более трудно описывать то, что лежит за гранью повседневного опыта, и тут без некоторой системы координат, в которую можно было бы поместить описываемое, просто не обойтись.

Описание Пути возникает по мере прохождения его стадий. В книге аль-Худжвири «Раскрытие скрытого», написанной в одиннадцатом веке, есть главы, посвященные тогдашним спорам, возникавшим в среде суфиев. Это было время, когда суфизм развивался, и происходило оформление и понимание Пути, который им открывался. Сейчас читать это довольно забавно, потому что совершенно ясно, что споры о предельных состояниях суфия, упомянутые в книге аль-Худжвири, и все разногласия, из-за которых они, собственно, возникли – есть не что иное, как споры людей, пребывающих на разных стадиях Пути. Книга, однако, и ценна именно тем,

что в ней можно почувствовать живую атмосферу раннего суфизма, которая после окончательного оформления Пути стала постепенно исчезать и к нашему времени исчезла окончательно. Все стало прописано, как по нотам, и хотя Путь от этого легче не стал, но знание основных его этапов все-таки готовит искателя к тому, что его ждет. Но знать что-то на уровне ума – это одно, а пережить на опыте – совсем другое. Как говорится, знать Путь и пройти его – совсем не одно и то же.

Суфийский Путь включает в себя стадию очищения и развития – работы с нафсом, если выражаться общепринятыми терминами – и последующие стадии взаимодействия с Богом. Первая часть – духовная, вторая – мистическая. Деление это, конечно, условное, потому что очищение, например, происходит и на стадии следования Воле Бога. Суфийский Путь предполагает несколько видов *совершенно разного* взаимодействия с Богом на разных своих этапах; и в этом проявляются одновременно его красота, и его сложность. И может быть, лучше называть происходящие на Пути события и процессы не взаимодействием, а *сближением* с Богом, ведь суть их, в конечном итоге, именно такова. Поздние этапы суфийского Пути включают в себя две стадии *фана* и две стадии *бака*. Фана означает исчезновение, и она бывает внешней и внутренней. Внешняя относится к исчезновению у человека собственной воли (читай – желаний), и с ней напрямую связана стадия внешней бака, которая характеризуется принятием и исполнением Воли Бога. Об этой стадии я написал уже довольно много, и подробнее здесь останавливаться не буду. Стадия внутренней фана означает переход суфия к исчезновению в Боге, и о ней написано очень мало, если не сказать – почти ничего.

Современные суфии крепко держатся за терминологию, выработанную много столетий назад. Их можно понять, ведь на ней стоит все учение, включая те его части, которые далеко не всем удастся пережить на собственном опыте. Время сделало священными практически все суфийские термины, и любой, кто не хочет выпадать из общего контекста, должен ими пользоваться. В результате получается вот что: некоторые термины имели в прошлом не совсем однозначное или размытое толкование, и потому рассуждать о них приходится до некоторой степени приблизительно. Например, нафс. Общепризнанно, что он означает животную природу человека, но есть и другие толкования. У суфиев говорится о том, что нафс – тонкая субстанция, воплощающая в себе волю, чувства и жизненные силы. И если в первой трактовке животная природа просто должна быть укрощена и подчинена духу или душе (хотя иногда душу тоже относят к нафсу), то во второй трактовке нафс становится тем, что может быть изменено. Тогда появляются стадии – повелевающего, осуждающего и остальных видов нафса (всего их, конечно же, семь), в которых прослеживаются изменения этих самых чувств и желаний

(читай – воли). От трактования того или иного термина и обозначения его смысла зависит выбор метода и горизонт возможностей в работе с тем же нафсом. Чем более широко можно трактовать то или иное понятие, тем менее определенными становятся методы работы на Пути. Можно, конечно, молиться и все отдать на Волю Божью, но как показывает опыт, для того, чтобы реально продвинуться на Пути, большинству искателей этого недостаточно. Современный уровень общего знания позволяет нам уточнить и даже развить некоторые привычные понятия, а после этого выявить методы, позволяющие сделать работу по искоренению эго и развитию сущности человека наиболее эффективными. Консерватизм, присущий большинству нынешних суфийских орденов и школ, поддерживает неопределенность и оттого суфийские методы начинают быть похожими на магические ритуалы. Вот, например, работа с энергетическими центрами – латифами. Есть разные формы упражнения, направленного на их активацию, но вменяемого объяснения того, что происходит при этой работе, найти практически невозможно. Точки открываются, в них появляется свет, и это крайне благотворно сказывается на духовном состоянии ученика. Такое чувство, что никто уже давно не добивался успеха в этой практике, потому что нечем больше объяснить того, что так и не появилось более современного описания ее эффектов и задач. И если переживание Истины, случившееся в средневековье, достаточно адекватно отражало имевшийся тогда уровень общего знания, в контексте которого выражалось, то сейчас оно совершенно очевидно устарело. В этом, отчасти заключается еще одна причина вырождения суфизма – слишком общие и размытые описания, и методы, которые перестали быть понятными, превратившись в представлениях людей в упражнения, действующие каким-то волшебным образом. Когда утрачивается понимание – даже действительно работающие практики

поневоле превращаются в ритуал. Современные книги, вроде бы написанные суфиями, либо пересказывают труды суфиев прошлого, либо предлагают какие-то странные и порой загадочные практики, либо наполнены пространными и туманными рассуждениями на общие темы вроде Сердца, Любви и прочих, популярных в среде суфиев, понятий. Тем, кто крепко держится за Коран, и двигаться никуда не нужно, потому что его послание не подлежит ни критике, ни пересмотру, ни обновлению. Более того, цитаты из Корана всегда подтверждают истинность утверждений говорящего и коранический суфизм не должен обновляться и меняться по определению. Не исключено, что именно поэтому суфизм и должен был переместиться туда, где современное выражение Истины пока еще возможно.

На стадии внешней бака – следования Воле Бога – все происходит довольно просто. Суфий получает импульс Воли и действует, следуя ему. Причем энергия, необходимая для совершения действия, приносится тем же импульсом Воли, и если не считать того, что требования бывают порой трудно-выполнимыми, других проблем здесь нет. Суфий осуществляет свое служение, получая при этом новый опыт и Милость Бога. Все это может продолжаться достаточно длительное время – в моем случае стадия следования Воле длилась почти десять лет. Потом все изменилось – внезапно, без какого-либо предзнаменования или предупреждения, и начался совершенно новый этап Пути.

Принять Волю Бога человек должен сам – здесь существует выбор. Стадия внутренней фана – исчезновения – начинается как необратимый процесс, которым он не может управлять, хотя может ему сопротивляться. Конечно, только до определенной степени. Но разница между следованием Воле Бога и исчезновением в Нем столь разительна, что первое время суфию, вступившему на этот этап Пути, приходится очень непросто.

Первым исчезает ощущение открытого Сердца, а вместе с ним – и ощущение постоянной связи с Источником, с Творцом. Поначалу это переживается как падение, как возвращение в давно забытое состояние отделенности от Бога. На месте того безмерного пространства, которое было в открытом Сердце, приходит обычное ощущение внутреннего пространства, вот, собственно, и все. Это исчезновение несет с собой настоящий шок, но следующим шоком становится исчезновение импульсов Воли, которыми ты привык жить в течение всех последних лет. Ты как будто оказываешься в невесомости, потому что энергия, питавшая и поддерживавшая тебя, вдруг перестает поступать. Это изменение требует радикальной перемены в образе жизни, и становится понятным, почему суфии говорят, что на стадии внутренней фана нужно уходить и отдаляться от людей. Продолжать жить так, как если бы все еще следуешь Воле, – очень серьезная ошибка. Это приводит к чрезмерному напряжению сил, и замедляет процесс *растворения* и новой трансформации. Первым испытанием на стадии исчезновения в Боге становится способность принять первые изменения своего состояния и суметь выстроить свою жизнь соответственно им. Силы, которую давала Воля, больше нет, старый опыт не пригождается, а прежние возможности взаимодействия с Высшим и работы с энергиями как будто бы тоже пропадают или становятся очень слабыми. Действовать и жить вроде бы *не из чего*, а старые мотивации, обеспечивавшиеся энергией Воли, тоже перестают работать.

Весь предыдущий Путь дает искателю и выдержку, и терпение. На стадии исчезновения в Боге два этих качества становятся крайне необходимыми. В какой-то момент начинает утрачиваться интерес ко всему, и продолжать жить на силе воли нельзя, потому что ее тоже уже нет. Остается только терпеть свое бессильное состояние, и оставаться наблюдателем того, что происходит вокруг тебя, ну и в тебе, конечно,

тоже. Подобные состояния случаются с искателями и на ранних этапах Пути, но проходят они, что называется, «в мягкой форме». В какой-то момент пропадает мотивация, теряется интерес к выполнению практик и вообще к достижению прежних целей. Депрессии не наступает, но то, чем человек жил все предыдущее время, вдруг становится для него бессмысленным. Как правило, такое состояние длится не очень долго, и оно наступает накануне трансформации, как следствие полученного перед этим импульса Милости Бога. Потом все постепенно возвращается на круги своя, снова возвращается мотивация и осознание необходимости в поиске, но человек становится несколько иным, прошедшим пусть через неглубокую, но все-таки трансформацию. Исчезновение в Боге сопровождается глубочайшей трансформацией, и потому здесь все куда ярче и труднее.

Воля Бога напрямую связана с действием и разными видами деятельности. Исчезновение в Боге – особенно поначалу – требует бездействия. Поэтому тем, кто вступает на эту стадию Пути, лучше бы ограничить внешнюю деятельность до возможного минимума. Именно она делает болезненным процесс *внутреннего растворения*, который запускается на стадии внутренней фана. Как только проходит шок, вызванный внезапными внутренними переменами, пребывание в состоянии исчезновения становится весьма комфортным. Необходимость превозмогать себя и заниматься внешними делами – вот что приносит наибольший дискомфорт в этот момент. Причем дела, связанные с удовлетворением повседневных нужд, тоже не являются обременительными. Главной трудностью становятся дела, связанные с другими людьми и обязанностями, не имеющими прямого отношения к тебе самому. Трудно заставить энергию двигаться наружу, для того, чтобы делать то, что не входит в сферу твоих жизненных потребностей и нужд. Все время приходится делать сверхусилие, вычерпывая себя

самого, и замедляя процесс исчезновения. Вне этих усилий ты спокоен, удовлетворен и отрешен от всего, и нет ничего – ни внутри, ни снаружи – что могло бы тебя серьезно беспокоить. Ты постепенно перестаешь существовать для внешнего мира, да и внутри не чувствуешь никакой особой тяжести присутствия себя. Ты становишься пустым сосудом, но действовать из этой пустоты по-прежнему не можешь.

Нельзя сказать, что с момента начала внутренней фана у суфия совсем не остается связи с Всевышним. Прямые указания продолжают время от времени приходить, и даже на этом этапе суфий может участвовать в серьезной Работе, для которой, как правило, Господь дает ему особую мотивацию. Указания эти очень отличаются от импульсов Воли, поступавших ранее. Теперь суфий просто знает, что нужно делать, причем знание это как бы возникает само, без предварительных раздумий или созерцания. Это не видение, не проявление духовного зрения, и не особое трансцендентное переживание. Это просто знание того, что нужно сделать здесь и сейчас. Приходит оно не очень часто, но в случае участия суфия в некой мистической Работе, появление подобного знания становится регулярным. Во всяком случае, до тех пор, пока Работа не будет завершена. Кроме того, остаются сновидения, в которых суфий тоже может получать указания и предупреждения, а также никуда не девается видение – прямое восприятие, которое развивается по мере роста осознанности. То есть вовсе нельзя сказать, что человек, дошедший до этапа внутренней фана, сразу же теряет все, ранее приобретенное на Пути. Просто меняется его ситуация – и в первую очередь, в мистическом плане, а что касается духовной стороны его развития, то она тоже меняется, хотя и не столь явно.

Длительность прохождения каждого из этапов Пути очень индивидуальна, и зависит от многих факторов. Здесь и готовность к переменам, которой обладает человек, и то, какую

Работу он должен выполнить, и, наконец, судьба, ему предназначенная. Все факторы могут меняться по мере прохождения Пути, но Путь, так или иначе, все равно привязан к фактору времени. Некоторые процессы нельзя ускорить, как не пытайся, и какие-то внешние события все равно должны быть прожиты. Так что у каждого человека все этапы Пути длятся соответственно его индивидуальности и всем вышеуказанным факторам, которые формируются им самим или персонально для него.

Утрата ощущения связи с Богом, происходящая в самом начале стадии исчезновения, несколько позже компенсируется тем, что суфий начинает терять границы своего внутреннего пространства, обретая единение с Бесконечностью. Индивидуального Бога нет, но начинает исчезать и индивидуальное пространство человека, которое вдруг ощущается как одно целое со всем бесконечным пространством Бытия, да и Небытия тоже. Суфий становится единым с тем, что почти не поддается описанию – с бесконечной энергией, в ощущении соединения с которой его физическая оболочка перестает быть препятствием. Бог, ранее утраченный как Источник, проявляет Себя по-новому, но нет никакого объекта, о котором можно было бы сказать: вот Он, Бог! Если в связи, находившей начало в Сердце суфия, такой объект существовал, и Источник Творения воспринимался вполне ясно, то теперь нет ничего подобного. Есть ощущение растворения, утраты отличия между внутренним пространством и внешним – хотя оно, конечно, не относится к физической реальности – и есть Бесконечность, в которой нет времени, да и о пространстве говорить как-то не приходится.

Процесс исчезновения в Боге отражается на всех телах, кроме, пожалуй, физического. Хотя и в нем происходит некоторая перестройка, но она все-таки минимальная. Энергии эфирного тела меняются, но описать более подробно этот

процесс я не берусь. Происходят разные трансформационные процессы, и они порой воспринимаются неоднозначно. У меня, например, как-то раз в течение нескольких недель было ощущение, что мое эфирное тело наполняется темной прохладной водой – точнее, энергией, которая создавала подобное ощущение. Появившись в области ступней, «вода» постепенно прибывала, пока, наконец, не затопила меня с головой. Практически сразу после этого ощущение инородности заполнявшей меня энергии исчезло, но каких-то радикальных изменений я тогда не заметил. Трансформационные процессы текут подспудно, и далеко не всегда можно увидеть конкретный результат той или иной трансформации.

Изменения ума являются наиболее очевидными для человека, находящегося на стадии внутренней фана. Стирается часть «живой» памяти – то есть многие бывшие раньше актуальными воспоминания теряют свою яркость, становится трудным помнить о разного рода делах и обязательствах. Пребывание в «здесь и сейчас» отражается на уме – он не может держать в своей памяти списки разных дел. Даже жизненно важные вещи могут забываться, в силу того, что общее состояние соединения с Бесконечностью влияет на ум таким образом, что ему проще остановиться, чем целенаправленно и усиленно думать. Если в нем нет какой-нибудь доминанты, касающейся Работы и исходящей от Бога (пусть теперь Он и ощущается иначе), то все остальное имеет весьма небольшую ценность и плохо помнится. Не только нехватка энергии Воли затрудняет выполнение внешних дел, но и новое состояние ума, который с точки зрения внешней эффективности начинает работать хуже. Остальные его функции, насколько я вижу, никак не страдают.

Существуют упражнения, в которых дервиши упражняются в растворении – например, фана фиш-шейх, когда ученик стремится к исчезновению в своем шейхе. Как правило, исчезновение касается только личной воли дервиша, который стремится к избавлению от своих желаний, и принятию желаний шейха. По логике, если шейх является проводником Воли Бога, тогда и дервиш стремится к исполнению желаний Бога, что, конечно же, может стать сильнейшей практикой, продвигающей человека по Пути. Существует опасность того, что в своем рвении ученик может прийти к обожествлению учителя, но ни один истинный шейх этого никогда не допустит. Все служат только Богу, все равны перед Ним, вот и все. Для дервиша фана такого рода является хорошей подготовкой к тому, чтобы позже прийти к принятию Воли Бога, то есть вступить в стадию внешней бака. Никакого особого участия шейха в этой практике не предусматривается, потому что она сводится к тому, чтобы дервиш по возможности беспрекословно и точно выполнял его указания, вот, собственно, и все. Скажем прямо, в любом серьезном обучении без выполнения этой практики далеко не продвинешься.

Если шейх сам находится на стадии внутренней фана или уже прошел ее, то он сам может привлекать дервишей к выполнению другой версии практики фана фиш-шейх. В данном случае без активного участия шейха не обойтись, потому что здесь он делится с учениками своим *состоянием бытия*, становясь для них одновременно и проводником высших энергий, и вратами к ускоренному изменению бытия. Дервиши выполняют специальные практики, направленные на укрепление энергетической связи с шейхом и *растворении* в нем, и тот, со своей стороны, помогает им в этом. Такая форма практики фана фиш-шейх куда сложнее для выполнения и не может осуществляться без прямого участия в ней самого шейха. Только учитель может отобрать тех, кто готов к ее выполнению, потому что сам ученик не всегда трезво оценивает свое состояние. А выполнение этой практики тем, кто к ней не готов, может вытолкнуть его с Пути и оттолкнуть от шейха, причинив много вреда и мало пользы. Готовность – как и во всем на Пути – здесь тоже играет решающую роль.

Выполнение практики фана фиш-шейх имеет ограничение во времени, как впрочем, и выполнение любой другой практики. Следование воле шейха завершается в момент начала следования Воле Господа. Исчезновение в шейхе завершается тем, что дервиш получает передачу опыта шейха. Фактически при этом совершается передача, подобная той, которой заканчивается для суфия стадия внутренней фана и начинается стадия пребывания в Боге. Как известно, стадия внутренней бака характеризуется тем, что суфий мистическим образом получает некие атрибуты Бога и вступает на завершающие этапы возможной для себя трансформации. Так и дервиш получает передачу опыта от шейха, и можно сказать, что это момент получения атрибутов, которые, в конечном итоге, изменяют все его бытие.

Практиковать исчезновение в Боге нельзя – оно может случиться с тобой, но вызвать его какими-то усилиями или особыми ухищрениями не получится. Можно стремиться к Богу, искать Его Истину, молиться Ему, но – пока нет определенной готовности – ничего особенного с тобой не произойдет. Даже высокая степень необходимости не всегда означает готовности человека к изменениям. Но когда она есть – все происходит даже без твоих просьб. И еще: нужно помнить о том, что желать что-то получить – это одно, а быть готовым к этому – совсем другое.

Некоторые источники описывают состояние внутренней фана как небытие, объясняя, что мистик одновременно может присутствовать и отсутствовать в себе. То есть бытие его становится многоуровневым, и я об этом тоже писал довольно много. Это описание, в общем, приемлемое, но оно наступает раньше, чем начинается стадия внутренней фана. Я бы сказал, что фана заканчивает то исчезновение, которое начинается гораздо раньше. То присутствие пополам с отсутствием, в котором суфий жил раньше, начинает сменяться неким промежуточным состоянием. Это и не присутствие, и не отсутствие в

чистом виде. Это состояние. В котором вроде бы все есть, но нет в человеке той части или центра, который бы всем распоряжался. К тому же вместе с утратой внутренней отделенности, и после слияния с бесконечностью описывать это состояние становится еще труднее. Он и не свидетель действия, но и не источник его. Он и не в действии, но и не в надеянии. Он ничего не свидетельствует, потому что все что делается и случается, сразу воспринимается Сознанием суфия, и процесса осознания нет. И в поле его Сознания нет центра, из которого могло бы что-то осознаться. Он может осуществлять действия как бы от себя, но при этом большая часть из них прямо или косвенно вдохновляется Присутствием Бога, и тогда суфий и делатель и не делатель одновременно. Описать это состояние более подробно, не исказив его сути, мне не под силу.

Стадия внутренней бака начинается еще до окончания стадии внутренней фана. То же самое происходит и с внешней фана и бака, так что удивляться здесь особенно нечему. Исчезновение собственной воли идет до некоторой степени параллельно с принятием и следованием Воле Бога, и это, в общем, логично. Получение атрибутов Бога может происходить и тогда, когда сама стадия исчезновения в Нем еще не подошла к завершению. Потом человек начинает жить в присутствии Бога, что описать еще сложнее – если вообще возможно. Но это, как говорится, – уже совсем другая история.

ЛЮБОВЬ МИСТИКОВ

Человеку всегда надо чем-то жить. Жить для чего-то, иметь цель, заветное желание или прекрасную мечту. И именно этим и живет большинство людей – желаниями, мечтами и надеждами на лучшее. Надежда – главный наркотик ума, позволяющий воспринимать свою ситуацию не совсем адекватно или даже совсем неадекватно, и верить в то, что все таинственным образом когда-нибудь станет лучше. В общем, люди живут разными по форме, но общими по сути вещами. Кто-то стремится к тому, чтобы не испытывать страха, кто-то стремится к обладанию всем на свете, но суть дела от этого не меняется. И страхи, и желания связаны с миром, и в нем же они и реализуются.

Искатель вначале тоже движется из желания, и именно оно становится источником энергии для того, чтобы выполнять практики и что-то менять в своей жизни. Конечно, в это время присутствует давление прочих желаний, и оттого, насколько желание Бога, Истины, освобождения или просветления становится сильнее всех остальных стремлений, настолько сильно человек может вложиться в духовный поиск. Любой человек начинает свой поиск из тьмы желаний, и в том, чтобы обрести

свет – ясность, понимание, спокойствие и внутреннюю свободу – и заключается, по сути, цель всех без исключения искателей.

Даже «духовные» желания могут противоречить и противостоять друг другу, если они, например, имеют своими источниками идеи, почерпнутые из разных учений. И конечно, осуществление мирских желаний нередко входит в серьезное противоречие с целями, которых человек хочет добиться на духовном поприще. И бедному искателю поневоле приходится делить свои желания на «хорошие» и «плохие», борясь с одними, и пытаясь добиться реализации других. Главная проблема, связанная с «духовными» желаниями, заключается в том, что их реализация требует очень долгого времени, тогда как многие мирские желания могут быть реализованы прямо здесь и сейчас. Отказаться от мирского в пользу духовного, конечно, можно, и на многих путях предлагается именно такое решение. При этом искатель должен запереть у себя внутри довольно много энергии, которая была бы потрачена, если бы он пошел по пути удовлетворения желаний. Эта энергия не может взять и рассосаться без следа, она будет лежать во внутреннем пространстве человека, создавая в нем преграды и блоки. Если не поработать с подавленными желаниями, то прийти к состоянию полностью очищенного внутреннего пространства будет невозможно, а значит, не получится стать полностью осознанным и некуда будет впустить мало-мальски серьезный импульс Милости Бога. Другими словами, отказ от работы с подавленными желаниями (да и страхами тоже, чего уж там) *закрывает* человеку дорогу к серьезным достижениям на духовном Пути. Можно, правда, надеяться на чудо – дескать, Господь Своей Волей наградит меня импульсом Милости и тогда я враз достигну всех духовных и мистических высот. Надежда, как я уже говорил, является величайшим дурманом, поддерживающим бессознательное состояние человека.

Вот почему там, где предлагается подавлять свои желания,

люди практически никогда не достигают Бога. Они не прожили то, что должны были прожить, они оставили внутри себя семя желания, пусть даже настолько сильно подавленное, что сами забыли о его существовании. Они оставили внутри себя скрытое стремление к миру; желание, которое удерживает их на земле подобно самому тяжелому якорю. И поэтому же в некоторых традициях человеку предлагают сначала получить жизненный опыт, реализовать свои мирские необходимости, и только потом, после относительного их насыщения, обращаться к духовному поиску. Обычный человек живет желаниями, и надеяться на то, что ты почему-то устроен иначе – очень глупо. Поэтому начинать приходится с желаний, и главной задачей искателя на данном этапе является работа с ними. А итогом этой работы должно стать внутреннее единение, ситуация, в которой остается одно главное желание, а все остальные либо подчинены ему, либо исчерпаны. Тогда ситуация становится ровной, и работать с желаниями можно не в ущерб достижению своей главной цели.

По мере отработки желаний и роста осознанности искатель приходит к видению того, что им движет на самом деле – к осознанию своих потребностей. Путаница в уме, которая присутствует у всех, кто целенаправленно не работает с ним, не позволяет отделить необходимость от прихоти и привычки, поэтому вопросы необходимости многими вообще не осознаются. Нередко люди не могут отличить жизненно важные вещи от второстепенных, потому что им кажется, что необходимость во второстепенном даже выше, чем в главном. Здесь и следствие подавления желаний, которые, будучи постоянно сдерживаемыми, набирают особую силу и ослепляют человека, здесь и нарушение системы оценок в современном обществе, где потребление культивируется как высочайшая ценность и достижение.

Искатель – по мере работы с желаниями – начинает отли-

чать истинные необходимости от мнимых. Если он работает правильно, то часть желаний, сформированных еще до начала поиска, уже исчезли, а новых он не плодит, направляя всю вновь приходящую жизненную энергию в канал главного желания, связанного с духовной трансформацией. Так, шаг за шагом, он смещается от желания к необходимости, которой постепенно и начинает жить. Его видение очищается, он и сам очищается от разного рода подавленных энергий и может различать тонкие нюансы своих реакций. Он начинает понимать, что на истинную необходимость откликается Господь, и постепенно именно необходимость становится тем, что поддерживает его в жизни, и жизнь в нем.

Внутренняя необходимость тоже может быть разной у разных людей. Все люди в той или иной форме ищут объединения с чем-то большим, чем они сами, и все испытывают потребность в служении. Так мы устроены, и даже если вам кажется, что эгоисты никому не служат, то не сомневайтесь, что в качестве объекта служения они просто выбрали самих себя. Потребность объединения, слияния с чем-то большим, чем ты сам, есть искаженная потребность в возвращении к Богу, к исчезновению в Нем. К возвращению в потерянный рай, если использовать библейскую символику. Быть членом семьи, команды, ордена, политической партии, группы «В Контакте» – все это проявления той тяги снова стать частью целого, потеряв свое чувство отделенности и тяжесть собственного «я». Объединиться, перестать быть отделенным – вот в чем по-настоящему нуждаются все, без исключения, люди. Они ищут внешнего объединения, но только мистики приходят к тому, чего нельзя найти вовне – они объединяются с Богом, избавляясь от проклятой отделенности.

Служение является способом поддержать связь с *целым*, и потому кто-то должен служить семье, а кто-то любимой рок-

группе или террористическому подполью. Потребность в служении объясняет то, почему люди готовы умирать ради идей. Объяснение простое – каждый из них выбрал для себя *объект служения*, с существованием которого полностью отождествил и свое собственное существование. Если для того, чтобы жила идея, я должен умереть – значит, так тому и быть. Все это отголоски истинной потребности в служении, в самопожертвовании и слиянии с Целым. Проблема в том, что прийти к истинному служению можно только работая над собой и освобождаясь от желаний и связанных с ними идей. Пока вы служите идеям – вы слепы, но чтобы обрести видение, которое может привести вас к реальному служению, вам нужно серьезно поработать над собой.

Истинное служение начинается тогда, когда вы можете следовать Воле Бога, явленной персонально и конкретно вам. Понятно, что здесь можно заговорить о психическом расстройстве, но как я уже писал, мистики отличаются от сумасшедших куда более высокой степенью адекватности. Впрочем, более высокой степенью адекватности они отличаются и от обывателей тоже. Но даже до того, как появится возможность принять Волю Бога, жизнь из необходимости может открыть вам те ваши потребности, роль которых для вашей жизни была почти полностью скрыта. Работая над собой, продвигаясь по Пути, кто-то обнаруживает в себе потребности, никак не объясняющиеся ни идеями, ни желаниями. Так, кого-то тянет проповедовать, кого-то делиться бытием, а кого-то – противостоять Тьме. Все это обнаруживается только при осознании уровня своих истинных потребностей, и все это относится к тому, что называется *предназначением* человека в Работе. Оно должно раскрыться, и раскрывается оно в служении Богу, в следовании Его Воле. Вы можете видеть и ощущать свое предназначение, но пока не придет время для его реализации, пока

не созрете вы и все необходимые обстоятельства, оно не сможет быть воплощено в реальности.

Итак, осознавая необходимость в служении и избавлении от себя самого, вы можете прийти к отказу от собственной воли (читай: желаний), и принять Волю Бога, как свою. С этого момента вы живете желаниями Бога, и участие в их исполнении является двигателем вашей жизни. Это поздний этап Пути, но на нем продолжается работа с желаниями, только теперь вы ведомы Волей, и отчасти вы служите Господу, а отчасти – Он служит вам, проводя вас через ситуации, в которых вы можете окончательно очиститься и избавиться от оставшихся желаний.

Человек устроен так, что он должен чем-то жить, и все настоящие мистики это прекрасно понимают. Буддисты говорят об одном желании, которое надо оставить в своем уме, чтобы продолжать жить в теле. Тот, кто отрывается от всего земного, прекращает жить, и тут нельзя сказать, что это плохо, или это, наоборот, хорошо. Кому-то возможно и надо уйти сразу, а кому-то следует побыть среди людей, поддерживая себя, например, чувством сострадания к ним. Страдая вместе с ними и даже, отчасти, за и вместо них. Проблема данного подхода в том, что зацепившись за людей, за желание облегчить их страдания, ты останавливаешься и остаешься вместе с ними, не достигая высот переживания единения с Богом. В этом смысле страсть к постижению Истины куда полезнее с точки зрения дальнейшего продвижения по Пути к Богу. Сохранить в себе интерес к тому, как все устроено, интерес если не к миру, то к высшим уровням Реальности – весьма полезно. Жить Истиной, ростом знания и понимания вполне возможно, и большинство мистиков, прошедших Путь до конца, жили именно Истиной. Однако и страсть к Истине однажды исчерпывается.

В какой-то момент у большинства мистиков совсем не остается, чем жить на этом свете. Те, у кого есть миссия – нести новое учение, распространять знание, проводить Волю Бога – держатся за нее, и живут ею. Но когда за стадией следования Воле наступает стадия исчезновения в Боге, то жить выполнением миссии уже тоже не получается. Тут и наступает провал, преодолеть который дано не каждому, потому что есть великий соблазн исчезнуть в Боге окончательно и бесповоротно. И тут открывается последний повод и последняя движущая сила, помогающая продолжать жить, и имя ей – любовь.

К любви, так или иначе, приходят все мистики, достигшие высокого уровня. Некоторые с нее начинают, но любовь к Богу в самом начале Пути есть любовь к идее, к некоему чувству великого, и не более того. Не может быть иначе, и не бывает иначе. Мы не можем любить того, чего не знаем, а величие Бога в начале Пути мы можем лишь ощущать, но любить эти свои ощущения было бы как-то странно. Поэтому любовь к Богу, с которой раньше начинали все суфии, была всего лишь любовью к идее Бога, вдохновением, которое на них оказывали священные тексты и собственные мистические переживания. Но жить любовью к Богу – тоже вариант, и вариант не самый худший. Однако любовь, к которой приходят мистики в конце Пути, имеет совсем иные свойства.

Мистик проходит через многие трансформации, суть которых совершенно непонятна тем, кто находится в начале Пути. Например, у него отсутствует процесс осознания, который знаком всем, кто работает с вниманием, стараясь взрастить осознанность. Мистик обладает Сознанием, которое полностью проявлено в его бытии, и нет никакого разделения внимания, нет видящего и осознаваемого. Сознание присутствует во всем, что с ним происходит, но никакого процесса осознания здесь нет. Все что делается, и что происходит, сразу

присутствует в Сознании, и все. Но Сознание пассивно, и жить только Сознанием все равно нельзя. Нужна некая активная сила, которая могла бы стать тем, что удерживает человека в физическом теле. Ею и становится любовь, когда ничего уже – включая «Я» мистика – не остается. Можно сказать, что это тот атрибут Бога, который получают все, дошедшие до финальных стадий Пути. Когда не остается почти ничего, жить можно только любовью – не обусловленной ничем, не имеющей конкретного объекта приложения и не требующей, по сути, никаких действий. Она полна сама по себе, и не требует какого-то специального выражения. Единственное, что требует выражения в этом состоянии, – это благодарность Богу, но и для нее нет подходящих слов, потому что она – как и любовь – практически невыразима словами. Нет слов для того, чтобы выразить бесконечное, да и не требует оно выражения словами.

Я шел по Пути Истины – и пришел к любви. Все мистики приходят к ней рано или поздно, потому что она оказывается той силой, которая обнаруживается в самой основе бытия. Хотя к этому, конечно, надо еще прийти. Но какой Путь вы бы не избрали, подозреваю, что в конце его будет любовь. И это хорошо.

ИЗБРАННЫЕ БОГОМ

Жизнь требует движения, а Творение – постоянного обновления. Движение присутствует в процессах развития и распада, движением частиц поддерживается существование материи, и любая энергия проявляет себя через движение, через взаимодействие. Взаимодействие – что с Богом, что с людьми – это тоже процесс, в котором обязательно имеется движение и обмен энергиями. Даже если нет каких-то конкретных физических действий – энергии все равно движутся, состояние и баланс их меняется, а вместе с ними меняется и состояние человека. У человека, полного страха, – один круг возможностей, а у того, кто ничего не боится, – другой. Состояние ума людей тоже определяется доминирующими в них энергиями, и одна и та же информация будет одним внушать надежду, а другим ужас. Опираясь на свои реакции, на свое восприятие, они станут решать, что им делать, а этот выбор предопределил результат – развитие, стагнацию или деградацию.

Подобный выбор есть и у сообществ – государств, народов, да и у всего человечества в целом. Только взаимодействия энергий тут происходят на несколько ином уровне, но суть

происходящего от этого не меняется. И можно находить исторические закономерности развития и упадка человеческих сообществ, которые, безусловно, тоже существуют, но нельзя упускать из вида фактор *необходимости Бога* в том, чтобы это развитие имело определенный вектор и направление. Для атеистов не существует никаких неясностей в данном вопросе, потому что они начисто игнорируют мистическую составляющую человеческого бытия. Религии для них – всего лишь следствие незрелости человеческого ума, плод фантазий и заблуждений. То, что большинство атеистических сообществ создают внутри себя новые виды религий, в которых объектами поклонения становятся национальные лидеры или образ идеального человека, обычно расценивается как очередное проявление несовершенства природы людей. То, что неотъемлемой частью человеческой природы является потребность в служении и в слиянии с чем-то высшим, избавлении от ограниченности самого себя – видимо тоже следует считать таким несовершенством. Все попытки улучшить человеческую природу провалились ровно потому, что она не может быть улучшена, а тем более – не может быть изменена за счет одних только ограничений морали. Человек не может сам изменить свою природу, ему доступно только изменение собственных привычек, вот, по сути, и все. Только трансформация меняет ее, но она невозможна без внешнего вмешательства, каковым является импульс Милости Бога. И это тот фактор, который по обыкновению упускается всеми мыслителями, которые мечтают о благе человечества.

Человек живет желаниями, а сообщество – идеями, на основе которых тоже оформляются конкретные желания. Идеи возникают как бы из ниоткуда – но так ли это? Я утверждаю, что любое развитие человеческих сообществ инициируется свыше, и идеи приносятся в мир людьми, которые становятся сознательными или бессознательными их проводниками. Человеческий ум действует от известного, оперируя представлениями, полученными извне и приправленными собственным опытом. Когда он находит решение внешней задачи – например того, как лучше построить мост или амбар, то для этого вмешательство свыше не нужно. Но когда человеку приходит озарение, открывающее совсем новую идею, касающуюся сообществ или устройства жизни людей в целом, – то практически всегда ее появление в уме данного конкретного человека инициировано свыше. Это известно писателям, философам и ученым, которые открыли хоть что-то новое. Многие из них говорили о вдохновении, но оно не всегда соответствует тому, о чем пишу я. Вдохновение возникает из импульса энергии, импульса, толкающего человека к творчеству, требующего как-то выразить себя. Зачастую

он никак не связан с получением нового видения и нового понимания вещей. Вдохновение нередко посещает графоманов и разного рода ремесленников от искусства. Озарение посещает далеко не всех, даже талантливых, творцов. Но именно через него и приходят к людям новые идеи, которые приводят к переменам в жизни больших человеческих сообществ.

Ярким примером подобного озарения служит история Альберта Эйнштейна, который к двадцати пяти годам совершил пять открытий, изменивших физику и наши представления о мире. Он сам описывал процесс открывания новых истин как акт созерцания, в котором ему открывалось их видение. Этот процесс известен каждому приличному мистика, но Эйнштейн пришел к нему как бы спонтанно. И вот что произошло потом – став мировой знаменитостью после создания теории относительности, Эйнштейн отправился в мировое турне, где его всячески чествовали, как великого ученого. Оно длилось три года, и к моменту возвращения Эйнштейна в Европу нашлись ученые, которые развили его идеи, основав квантовую физику. И вот что забавно – Эйнштейн не смог понять их выводов, да и самой квантовой физики вообще. Он так и остался иконой мировой физики, но за всю последующую жизнь не сумел сделать ничего особенно серьезного. Он пытался создать общую теорию поля, но так в этом и не преуспел. Другими словами – его гений проявился ровно в том, что он сумел стать проводником новых идей, а потом то ли утратил эту способность к восприятию, то ли уже сделал то, что должен был сделать. Жизненная драма человека, ставшего проводником на короткое время, и выражается в том, что больше ему сказать обычно нечего. Либо развивать пришедшие к нему идеи, либо остаться в стороне, наблюдая за тем, как их развивают другие.

Наглядную историю развития идей можно проследить на примере теории происхождения видов, открытую Чарльзом

Дарвином. Он, конечно же, тоже был проводником, но и очень постарался, чтобы эту «свою» идею обосновать. И так происходит со всеми, потому что озарение – озарением, но любая идея требует работы по ее обоснованию. Так вот идея эволюции, предложенная Дарвином, не только опровергла представления о мире, в котором все было создано Богом за семь дней, но и дала весьма впечатляющие по результатам другие, прямо вытекающие из нее, идеи. Из дарвинизма, например, возникла идея эволюции человеческих рас, преподнесенная тибетскими Учителями через Блаватскую. А может быть, придуманную ею самой. Теория эволюции человеческих рас, к очередному этапу которой нужно готовиться, поддерживалась Рерихами и до сих пор продолжает бродить в умах людей, готовых верить посланиям от высших существ, через кого бы они ни приходили. Идея происхождения видов позволила ввести понятие высших и низших рас (в смысле национальностей) и обосновать притязания нацистов на мировое господство, что вылилось в новую мировую войну и холокост. Будучи приложенной к истории развития человечества в экономическом смысле, идея эволюции породила марксизм, с его понятием классов и теорией развития общества от плохого к лучшему. Она тоже до сих пор жива, хотя поставленный на ее основе социальный эксперимент с треском провалился. И произошло это по той же самой причине – люди могут изменить себя только до определенного предела, только в рамках привычек и иногда реакций. Но это только в случаях целенаправленной работы над собой, что встречается не так уж часто, а потому построить рай на земле никогда не удастся.

Самый главный вопрос, мучающий людей относительно реальности Бога, – это вопрос существования зла. Действительно, почему Он, Всемогущий и Всеблагий, допускает, чтобы в мире творилось столько зла, чтобы было столько мучений и страданий? Почему, например, некоторые озарения, продвигающие науку и развитие человечества, чуть позже оборачиваются для него появлением идей, приводящих к новому злу? Все религии находят свои объяснения того, почему мир так суров, и почему люди столь жестоки друг к другу. И почему, наконец, умирают дети и те, кого мы любим?

Ответы придумываются самые разные, но истина в том, что нельзя сотворить мир, в котором будет отсутствовать движение, который будет абсолютно статичным. А именно так и произойдет, если сделать, например, людей бессмертными и лишить их силы желаний. Такой мир будет мертв изначально. Смерть является главным злом нашего мира, но она придает жизни людей ту ценность, которую большинство из них не осознает. И без движущей силы желаний тоже не было бы никакого развития, хотя именно они приносят людям большую часть всех страданий. Чем более человек отождествляется со

своими страданиями, тем более несправедливой и неправильной выглядит для него жизнь. Страдание – просто реакция ума на происходящее, а потому избавиться от него вполне возможно. Можно испытывать боль, но не страдать, и можно страдать по любому поводу – из-за любой мелочи, которая становится препятствием к тому, чего вам хочется.

С точки зрения мистиков мир выглядит вполне совершенным. Но они видят и осознают те уровни Творения, которые скрыты от обычных людей. И потому их видение более полное, а понимание – более глубокое. К тому же мистики выходят за пределы человеческой ограниченности, обретая связь с целым – с Всевышним. Они знают, что такое жизнь, но знают и что значит – выйти за ее пределы. Они знают цену страданиям, потому что сами страдали, но став мистиками, они превзошли и страдания тоже. Механика устройства мира совершенна. Люди имеют все, чего на самом деле хотят. Возможность взаимодействия с Богом и переживания Его Истины открыта каждому. Для кого-то мир – страдание, для кого-то – игра, а для кого-то – Работа, но тут каждый выбирает сам для себя. Величие Господа явлено во всем, и каждый, кто перестанет отождествляться со своими желаниями, способен его увидеть.

История, которую обычно довольно трудно понять, связана с всемогуществом Бога. Представьте себе бескрайнюю Силу, которая покоится сама в себе, никак не проявляясь и не действуя. В этот момент ее потенциал будет абсолютным, а выбор возможности действия и проявления – практически бесконечным. Однако стоит только начать ей действовать, начать творить, как каждое проявленное действие начнет плодить следствия, реально ограничивающие ее возможности в данном месте и времени. Пока нет Творения – нет и правил, но как только оно начинается, всемогущество Бога становится ограниченным правилами существования мира, который Он Сам же и создал. Я бы сказал так: любое всемогущество закан-

чивается, как только вводятся правила игры, которые должны соблюдаться всеми. Наш мир конечен, в нем присутствует пространство и время, а потому бесконечная Сила может проявлять себя в нем только в определенных пределах. Любое творение подчиняется определенным законам, которые, в конце концов, ограничивают творца, и даже заставляют его действовать согласно им против его собственной воли. Так, например, герои литературных произведений вдруг начинают жить своей жизнью, и автор может только идти вместе с ними, порой отклоняясь от первоначально задуманного им сюжета. Что-то похожее происходит и в Божьем Творении.

Если бы на то не было высшей необходимости, то никаких мистиков бы и не появлялось. Само движение, присущее Творению, игра сил, которые в нем представлены, требуют того, чтобы кто-то мог активно влиять на происходящее. Господь не может прямо вмешиваться в текущие процессы, поскольку тогда Он нарушит установленные Им же законы, а потому нужны проводники, которые могли бы выполнять Его Волю, поддерживая равновесие сил в мире. Существуют силы Нисходящего и Восходящего Потоков Творения, которые обеспечивают весь его динамизм. И жизнь, и смерть каждого человека напрямую связаны с энергиями этих Потоков. Тьма и Свет, о которых говорят мистики, являются энергиями Нисходящего и Восходящего Потоков соответственно. Тьма и Свет пребывают в динамическом равновесии, и преобладание энергий одного из Потоков прямо сказывается на условиях жизни людей и на их состоянии.

Большинство людей живет во тьме, ведь над ними довлеют энергии Нисходящего Потока, питающие и поддерживающие все их желания. А желания у людей, как мы знаем, бывают всякими, но суть даже не в этом. Не только мистики становятся

проводниками энергий, но и каждый человек на Земле трансформирует и «качает» через себя энергии самого разного качества. И внешние влияния порой оказывают самое неожиданное и не всегда предсказуемое действие на состояние энергий, людей, и Потоков в целом. Та же идея эволюции привела к тому, что массовые убийства стали чуть ли не нормой – и в России, и в Европе. Динамическое равновесие Потоков поддерживается через людей, но иногда колебания сил бывают столь быстрыми и неожиданными, что цена равновесия становится слишком большой. Узор Творения – в котором всегда существуют варианты развития событий – может быть нарушен, и тогда нашей ветви Творения придет быстрый и необратимый конец. Эти слова могут показаться чересчур пафосными и серьезными, но такие ситуации уже случались, причем некоторые – совсем недавно.

Если большинство людей качает энергии и подвергается внешним воздействиям, никак того не осознавая, то мистики участвуют в этих процессах совершенно сознательно. И тут нужно понять энергетическую ситуацию, в которой живут мистики. В процессе работы над собой, в процессе взаимодействия с Богом мистики избавляются от желаний, выходя при этом из под влияния энергий Нисходящего Потока. Они возвращают осознанность и волны, которые заставляют массы людей следовать тем или иным новым идеям, мистиков не затрагивают. Они выходят из общего сна жизни, полного проекций и галлюцинаций ума, страстей, разжигающихся из-за ерунды, и всех видов отрицательных чувств и эмоций. Пережив трансформацию, мистики меняются так, что теперь они сами становятся проводниками Света, проводниками энергий Восходящего Потока Творения. Поэтому одно только их *присутствие* уже влияет на равновесие здесь энергий Потоков, на равновесие Тьмы и Света в нашем мире. Массовые психозы, увлечения очередной идеей и прочие реакции толп влияют на

это равновесие не меньше (хоть и в сторону увеличения Тьмы), но энергия, которую излучает сам мистик, прошедший трансформацию, – другая по качеству. Она – *выше*, и потому для поддержания равновесия ее требуется меньше. И нужен живой мистик – чтобы прямо вносить в мир высшие энергии, которые не могут быть явлены здесь без проводника.

Чем выше уровень мистика – тем выше уровень его влияния на равновесие Света и Тьмы. Я уже достаточно много писал об этих Силах, но повторяю, что для любого серьезного мистика они являются тем, с чем ему постоянно приходится иметь дело. Бывают периоды – уже не зависящие от общего состояния людей – когда на планете доминирует либо Тьма, либо Свет. Такие периоды вполне ощутимо отражаются на состоянии всего человечества, и при доминировании Тьмы мистическая Работа становится куда более трудновыполнимой, а в изобилии Света она расцветает. Но равновесие всегда возвращается, и оно не может нарушаться надолго. Более того, существуют механизмы, которые направлены на поддержание этого равновесия, и потому великие мистики вынуждены преодолевать великие препятствия. Законы мира все равно со временем сводят на нет эффект от Работы каждого мистика, но даже ее выполнение всегда сопряжено с преодолением инерции людей и мира, и прямым сопротивлением энергий Нисходящего Потока, одной из составляющих которого и является мистическая Тьма.

Если в мире одновременно появится несколько десятков великих мистиков, то равновесие Сил может серьезно пострадать. Поэтому их никогда не бывает много, но и без их присутствия ни один век не обходится. Но одного присутствия бывает недостаточно, иначе не было бы речи ни о какой Работе мистиков. Присутствие мистика в мире увеличивает в нем количество Света, то есть усиливает проявление энергий Восходящего Потока. Это уже благотворным образом влияет

на положение людей – общий уровень бессознательности уменьшается, уменьшается количество вынужденных страданий (когда люди попадают в разного рода внешние беды, чтобы выделять энергию страдания), и даже количество насильственных смертей уменьшается тоже. Это простой закон равновесия энергий, и все мистики сталкиваются с его действием – каждый в своей мере. Но поддержание не подразумевает *развития*. Будучи сознательными проводниками Воли, мистики могут участвовать в развитии Творения. В таком случае они становятся помощниками Творения, и тогда у них появляется то, что суфии называют Работой. Все великие суфии были людьми миссии, то есть осознавали некую задачу, которая была поставлена перед ними Волей Господа, и выполнению которой они служили. Именно выполнение высшей миссии и приводит к возникновению Работы. Задачи, которые ставятся перед мистиками разных уровней, могут быть разными, и они, как правило, никогда не оглашаются для непосвященных. У великих мистиков одни задачи, у мистиков среднего уровня – другие. И при этом все они – разные. Работа каждого мистика строго соответствует текущим нуждам Творения, хотя видеть и знать ее отдаленные результаты им, как правило, не дано. Узор Творения переменчив, и предсказать отдаленные последствия воздействия мистика невозможно – по крайней мере, на человеческом уровне понимания. Можно, конечно, сказать, что плоды любой Работы через какое-то время исчезнут, а новые всходы могут привести к результатам, которые Работа и должна была предотвратить, но все это мистикам и так известно. «Неправильные» последствия действий одних мистиков устраняют другие, пришедшие им на смену, и выполняющие свою Работу, необходимую здесь и сейчас. Так мистики участвуют в развитии и поддержании Творения, и так они служат Богу.

Мистики приносят людям новые идеи и новые смыслы, которые потом превращаются в установки обусловленности и обрастают ритуалами. Действие каждого мистика подчинено требованиям момента и той линии развития Творения, которая сейчас угодна Богу. Великие мистики оставляют след на века, если из их Работы вырастает мировая религия, или некое устойчивое сообщество последователей в виде мистической или духовной школы. Мистическая Работа иногда рождает цепочку преемственности, а иногда нет. Нередко бывает так, что мистик должен положить начало новой традиции, причем в самом банальном смысле этого слова. В ней люди будут обсуждать его идеи, питать ими свои умы, и выполнять некие действия, способствующие вырабатыванию определенного вида энергии, которая требуется Творению. Это, впрочем, не исключает того, что люди, следующие этому мистику, будут получать определенное развитие и вполне ощутимое удовлетворение, но истинными мистиками они, скорее всего, не станут. Ограниченность задачи той Работы, которую выполнял мистик, в большинстве случаев предопределяет возможные результаты работы его последователей. И тут

впору прислушаться к Кришнамурти с его призывом не следовать никому, отыскивая свою дорогу к Истине. Проблема, однако в том, что без проводника, без вовремя оказанной помощи, найти эту дорогу бывает очень трудно или же – практически невозможно.

Выйти за пределы самого себя без посторонней помощи нельзя. Все, кто думают, что им это удалось самостоятельно, – либо живут в иллюзиях, либо не понимают, что с ними произошло. Так бывает, и в историях о судьбах и учении мистиков мы можем вполне ясно это видеть. Вам должен помочь либо Господь – и так тоже бывает нередко, либо Мастер, и тут нет других вариантов. Но, ни того, ни другого не случится, если вы сами не желаете этого выхода, если мир все еще манит вас и нереализованные мирские желания по-прежнему кажутся вам жизненно важными. В этом одновременно и вопрос и ответ на него: если вы еще не пресытились миром и не потеряли надежду на обретение в нем покоя и счастья, выйти за пределы и потерять себя вам не удастся. Ни один Мастер в мире не сможет открыть для вас дверь к Запредельному, потому что вы сами держитесь за *предельное*. Господь, конечно, может сделать вас своими избранныками, наградив импульсом Милости просто так, но это происходит крайне редко.

Цель каждого мистика – вступить в прямое взаимодействие с Богом. Люди, пропагандирующие просветление, в котором это взаимодействие отсутствует по определению, – мистиками не являются, и о них мы сейчас не говорим. Чем они занимаются, и что качают – их дело; мистик же ищет прямого общения и служения, без которого это общение тоже не имеет большого смысла. Все обучение в мистических традициях и школах направлено именно на то, чтобы привести ученика к возможности осознанного взаимодействия с Богом – не только с Его Присутствием, но и с Волей, которая дальше уже направит человека туда, куда нужно Всевышнему. В этом

состоит смысл любого мистического обучения, но для того, чтобы оно было успешным, необходима и духовная составляющая, которая, в основной своей части, заключается в развитии человеком осознанности.

Есть люди, считающие, что они и так ощущают присутствие Бога в своей жизни, а потому в другом обучении и ведении не нуждаются. Что же – так тоже бывает. Избранность проявляет себя по-разному, но иногда она бывает ложной и питает эго человека, а иногда она настоящая, и тогда эго его стирается в служении. Быть избранным Богом – совсем не значит легкой судьбы, ведь участие в Творении это всегда участие в обновлении, в привнесении нового. Вспомним историю Иисуса, принесшего новый Завет, вспомним историю Мухаммада, которого побивали камнями за проповеди единобожия у Каабы, да и вообще – вспомним историю любого великого мистика. Им всегда приходится идти *против*, потому что никакого обновления иначе не произойдет. Это труднейшая Работа, которую без помощи свыше осуществить в принципе невозможно. Но и без их участия Работы тоже не будет – поэтому какое-то количество тех, кто ее осуществляет, в мире будет всегда. Невозможно вмешаться прямо, но и невозможно все сделать через бессознательных проводников, поэтому Господь всегда будет избирать кого-то для сознательной помощи Своему Творению. И надо сказать, что оно регулярно нуждается в подобной помощи.

В наш век суррогатов и переизбытка информации – причем зачастую информации ложной – и мистики и Бог могут показаться чем-то ненужным, таким пережитком «дремучего прошлого» человечества. Тем более что многие мистические школы выродились и сейчас больше дискредитируют Путь, чем помогают вступить на него. А многие и изначально не были мистическими, и потому толку от них тоже немного. Но это отнюдь не означает того, что расстановка сил в Творении хоть сколько-нибудь изменилась.

Работа мистиков всегда имела скрытую и явную части. Но даже о видимой ее части у большинства людей складывается неверное представление, потому что их уровень понимания определяется их уровнем бытия, и увидеть целостной картины они не могут. Обычно людям видна та часть Работы, которая обращена именно к ним – к их пробуждению и обучению, но и она понимается чаще всего превратно. Про скрытую часть Работы большинство людей вообще не знает, потому что она не обращена к ним прямо, хотя обычно и связана с продолжением их существования. Избранные для ее выполнения знают о

ней, а для остальных ее либо нет, либо она превращается в мифы, наподобие тех, что создал вокруг нее Идрис Шах.

Какие бы на Земле не наступили времена, но пока живо человечество, внутри него всегда будут люди, несущие в себе зерно чистого стремления к Богу. Те, для кого пробуждение есть единственный способ реализовать себя, а мир – не более чем одно из средств на пути к цели. Они становятся искателями, и они приходят к Богу. Они, в конце концов, становятся мистиками самого разного уровня и делают в мире то, что необходимо. Они превращаются в связующее звено между Богом и миром, и их Работа нужна и земному, и запредельному. Фактически, их присутствие и Работа есть одно из условий продолжения Творения, а значит – одним из условий существования нашего мира, так что мистики будут жить в нем ровно столько, сколько будет жить он. А может быть – даже немного дольше.

ФЕНОМЕН АДВАЙТЫ

Есть опыт и переживание, и есть их выражение в словах. Оформление опыта словами создает возможность передачи *знания*, полученного конкретным человеком, и делает его опыт доступным для применения другими людьми. Знание такого рода относится к чисто практическим вопросам и обычно сводится к советам, как и что делать, чтобы получить нужный результат. Оно пользуется в наше время огромной популярностью — книги с практическими советами хорошо продаются, да и в интернете полно видеороликов с советами на все случаи жизни.

Существует знание, в котором обобщается опыт многих людей и выводятся некие закономерности того, как все устроено. Это уже знание несколько более общее и не совсем практическое. Оно помогает понять что-то не столько о предмете опыта, сколько о том, как он вообще получается, и о людях, которые к нему приходят. В рамках духовного Пути практическое знание, например, это описание усилий в осознании себя тем, кто прикладывал их достаточно долго и может рассказать о препятствиях и ловушках, с которыми столкнулся. Это живой опыт одного человека, который чего-то достиг и делится этим

с другими. Более общим знанием в данном примере станет обобщение опыта десятков или сотен искателей, выполнявших ту же самую практику, и обнаружение закономерностей того, что в ней вообще происходит с человеком, выявление ее этапов — ну и так далее.

Опыт может излагаться с использованием разных форм — либо в виде прямых инструкций, либо в виде рассуждений на тему или даже диалогов между автором и слушателями. Кстати, именно эту форму передачи опыта предпочитают все современные адвайтисты. Но есть и еще одна форма осмысления чужого, как правило, опыта — создание разного рода теорий. Или, говоря проще — создание философии. Опыт развития осознанности может дать кому-то повод задуматься о природе сознания и об его источнике. Тут опыт становится отправной точкой для начала философствования — то есть для построения системы утверждений, которая должна быть непротиворечивой с точки зрения логики, но не только — она, по идее, должна приводить к открытию нового знания.

В далеком прошлом философия заменяла почти все виды ныне существующих наук, поскольку человек был технически ограничен в возможностях исследования себя и окружающего мира. Основой его познания был разум с его рассуждениями и логикой, и из него родилось множество систем, описывающих мир, и не только. Бог тоже становился предметом исследования, которое редко опиралось на собственный опыт и часто — на священные писания. На Западе — при христианстве — так развивалась теология, а на Востоке так возникали новые формы религий.

Адвайта-веданта, с которой начинается история современной адвайты, возникла как чистая философия. Адвайта — значит отсутствие двойственности, утверждение о том, что индивидуальная душа (джива) и Бог (Брахман) имеют одну природу, а проще говоря — практически одно и то же. Кроме

того, в изначальной философии адвайта-веданты утверждалось, что мир иллюзорен и только Бог реален, и все это выводилось из Упанишад, которые входят в священные Веды. По сути, адвайта родилась как трактование отдельных мест из Упанишад, и трактование достаточно революционное. Упанишады, в свою очередь, есть сборник мистических текстов, которые, по всей вероятности, отражали мистический опыт их создателей.

Священные тексты всегда подвергаются осмыслению и переосмыслению, потому что они становятся основой для духовного творчества множества людей. Любой священный текст должен содержать в себе мистическую часть, иначе в нем не будет необходимой глубины. Упанишады и стали такой мистической частью Вед, и потому на основе расшифровки и развития идей, в них заложенных, появилось немало философских школ. Адвайта была одной из них, и основоположником ее стал мудрец Гаудапада, выдвинувший ряд весьма категоричных утверждений. Любой заядлый спорщик знает, что категоричность утверждений как бы доказывает их истинность, и не будем забывать о том, что дебаты мудрецов были в древности обычным делом. Да что там в древности — Ошо не раз совершал долгие поездки по Индии, чтобы принять участие в таких дебатах. Но это, как говорится, небольшое замечание, возможно, и не имеющее прямого отношения к сути дела.

Итак, отталкиваясь от фразы «тат твам аси» — «ты есть то», Гаудапада вывел тезис о тождественности Бога и индивидуальной души человека. На этом, собственно, до сих пор стоит вся адвайта, и в этом смысле ничего в ней не изменилось с самого

начала. Мы не можем знать, пережил ли сам Гаудапада то, о чем говорил, и ощутил ли он общность природы души и Бога, их нераздельность, воспринимаемую на некоем высшем уровне осознания. Все утверждения прямо или косвенно обосновываются ссылками на Упанишады и дальнейшими рассуждениями самого Гаудапады. Но его же суждения о Боге и мире позволяют предположить, что никакого переживания мудрец не имел и занимался чистой философией, не подтвержденной мистическим опытом. Утверждения о Боге и мире только подчеркивают чисто философский характер всех построений Гаудапады. Отталкиваясь от текстов Упанишад, где говорится, что Бог не имеет каких-либо характеристик и качеств и что истинная реальность, которой Он является, тоже не может их иметь, мудрец делает вывод, что видимый нами мир с его обилием качеств и характеристик есть иллюзия. К этому прилагаются разные забавные обоснования вроде того, что спящий человек воспринимает свой сон как настоящую реальность, хотя никакой реальности в сновидении нет и в помине. Ни один мистик не станет отрицать реальность нашего мира, на это способен только философ, для которого его умственные построения и есть вообще-то единственное, что по-настоящему реально.

Построения Гаудапады выглядели впечатляюще, но не очень убедительно в отношении иллюзорности мира. Эта идея, впрочем, до сих пор привлекает многих людей, кому нравятся игры ума с сильными, утверждающими некие предельные вещи идеями. Исправить положение дел взялся другой мудрец, которого звали Шанкара. Он усложнил концепцию реальности вещей, введя понятие истинной реальности, которая принадлежит только Брахману — главному Богу, а также выделил категории условной реальности и призрачной реальности. Условная реальность — это весь наш мир, вместе с его творцом — Ишварой, который является вспомогательным богом, а

также всякого рода знания и установления, нормирующие человеческую жизнь. Так Шанкара пытался преодолеть одно из утверждений Гаудапады, в котором говорилось, что вечное не может порождать не вечное. Что вечный и не имеющий причины Бог не может порождать причины для существования множественных объектов мира, иначе Он и сам в них исчезнет и потеряет Свою вечность. То есть Бог не может быть причиной возникновения мира, потому что тогда Он и сам должен иметь причину. У Гаудапады на эту тему можно найти массу бессмысленных, но впечатляющих рассуждений. Шанкара — введя промежуточного бога — как бы снимает вопрос вечной, истинной и ничем не затронутой реальности Брахмана. Но это, конечно, просто очередная философская уловка, потому что и у промежуточного бога должна быть своя причина, по которой он возник. Иначе чем же он отличается от главного всемогущего беспричинно существующего Бога? У философов всегда были проблемы с Богом, которых никогда не возникало у мистиков.

Призрачная реальность, по Шанкаре, относится к чисто философской категории очевидно ложных утверждений, тогда как утверждения истинные относятся к относительной реальности. К ней же, кстати, относятся и сны, которые у Шанкары имеют относительную, но все-таки реальность.

Сама же относительная реальность есть порождение майи — особой субстанции, не имеющей сознания и исходящей от бога Ишвары. Майя создает проекции и иллюзии, из-за которых индивидуальная душа чувствует себя отделенной от главного Бога и не осознает, что она с Ним — одно целое. Сама майя принципиально непознаваема и неопишуема. Ученые считают подобное описание наиболее близким к смыслу того, что излагается в Упанишадах, но все равно все это остается чистой философией, с которой нечего делать, хотя сам Шанкара предлагает выход из ситуации, в которой нахо-

дятся люди. Выход находится через освобождение (мокшу), которое достигается в осознании того, что ты и Брахман — одно. Ну, или — одно и то же.

Тем, кто хочет прийти к освобождению, Шанкара рекомендовал сначала как следует изучить Веды, а уже после этого приступать к выполнению джняна-йоги. Другие виды йоги им особенно не поощрялись, и вряд ли могло быть иначе — ведь йога знания (как переводится джняна) и есть, до некоторой степени, йога философов.

Умные люди таковы, что концепция личностного Бога им не всегда подходит. Личностный Бог, на их взгляд, ограничен, и истории, которые о Нем сложены, со временем выглядят очень наивными или даже дикими. Умным людям принять такое не под силу, и поэтому чем выше становится общий уровень знания и образованность населения, тем меньшей популярностью пользуются боги, имеющие длинную историю и оттого воспринимаемые как некие личности. Тогда начинаются истории про Мировой Разум, Существование, Вселенское Сознание и давно известный Абсолют. Умным людям проще иметь дело с некой абстракцией, потому что она лучше вписывается в их сложное мироощущение и не требует выполнения ритуальных действий в свою честь. А поскольку умные люди были во все времена, то и идея безличного Высшего Существа, которое все равно приходилось как-то называть, появлялась то здесь, то там. Можно с полной уверенностью сказать, что апогеем отказа от личностного Бога стал атеизм, тоже придуманный не дураками, но это было уже полным финалом развития философской мысли, после которого ей некуда стало идти. Атеизм закрыл философию,

поскольку все остальные вопросы человеческого бытия автоматически стали решаться разными разделами науки — от биологии и химии до социологии и психологии — хотя последняя так и не сумела стать наукой.

Идея безличностного Бога, не имеющего никаких выражимых человеческим языком качеств, хороша как идея, но не очень-то помогает на практике. О таком Боге можно как-то думать и все равно как-то себе это представлять, но взаимодействовать с Ним принципиально невозможно. Идея, от которой начинается любое учение, предопределяет возможные методы. В адвайте отрицание всех видов реальности, кроме реальности Брахмана, привело к тому, что само по себе отрицание и стало чуть ли не главным методом, позволяющим прийти к освобождению от иллюзий. По крайней мере, именно отрицание лежит в основе посланий и проповедей всех современных учителей адвайты.

Джняна-йога тоже использует отрицание как один из основных методов достижения. Помимо стандартных требований очищения ума, внутреннего отречения от мира и благочестивого образа жизни предлагается, например, известная многим практика *нети-нети*. Или, в переводе на русский — «не то, не то». Практика заключается в разотождествлении со всем, что не является твоей истинной природой (высшим «Я», дживой и так далее) путем задавания себе вопросов вроде: «Я — это тело?», «Я — это мысли?», и ответ на них, как вы понимаете, всегда отрицательный. Теоретически эта практика должна привести йогина к тому, чтобы, отделив себя от всего, что им не является, обрести переживание божественной части своего существа, прийти к озарению и осознать, что он и Бог — одно. Практически прийти к этому довольно сложно, потому что в работу вовлечен ум, которому к тому же заранее дан правильный ответ. Более того, заранее описано состояние, к которому должен прийти искатель, а потому симитировать его дости-

жение — не очень сложная задача для человеческого ума. И чтобы там ни говорили учителя адвайты о том, что состояние недвойственности как бы неопишимо, но все они с утра до вечера занимаются тем, что его описывают, создавая все больший соблазн для умов своих последователей впасть в опасный самообман.

Допустим, вы задаете себе вопрос: «Я — это тело?». Ответ самоочевиден — конечно, вы больше, чем тело. В этот момент ваше внимание вроде бы должно быть направлено на это самое «Я», но сама постановка задачи — в виде вопрошания — оставляет ваше внимание в поле ума. Хорошо, вы постоянно держите внутри себя эти вопросы, превращая вопрошание в нечто вроде дзенского коана с заранее известным ответом. Вы все больше и дольше вникаете в то, что вы — не тело, не ум и не чувства. Это становится новой программой в уме, вы как бы смотрите на себя как не на себя, но это отнюдь не гарантирует вам прорыва к переживанию чего-то большего, чем эти мысли. Вы даже можете начать говорить о себе в третьем лице, как это нередко делал Джидду Кришнамурти, но приведет ли вас это к искомому переживанию? Опыт показывает, что ум быстро привыкает к любой подобной практике, и она превращается в механическое повторение, не имеющее в себе энергии для какого-нибудь прорыва внутрь, к подлинному переживанию. Возможно, в прошлом умы людей не были столь натренированы к обретению привычек и к превращению в стереотипные реакции всего, с чем он работает. Но сейчас годы обучения в средней школе натренировывают человеческий ум именно таким образом.

Существует почти такая же практика, но выраженная позитивно. Это тоже довольно известная техника самовопрошания, которую давал всем желающим Рамана Махарши. В ней человек должен спрашивать себя: «Кто я?», отбрасывая все ответы как предсказуемо неверные. Результатом тоже должен

быть прорыв и озарение, но проблемы все те же — тренированный современный ум и заранее известное состояние, к которому нужно прийти. Любой Мастер скажет вам, что если заранее сообщать ученикам, что они должны получить от практики, то многие придумают себе нужный результат и загипнотизируют себя до той степени, чтобы явно его ощущать. Более того, я видел немало «просветленных», которые достигли «освобождения» именно этим способом. Среди современных учителей адвайты, прямо скажем, таких «достигших» тоже хватает.

Практика «Кто я?» может сработать только тогда, когда человек ей по-хорошему одержим. Когда этот вопрос не привнесен извне, а есть его насущный, жизненно важный вопрос, и никакие внешние ответы не помогают в утолении жажды ответа. Но человек с такой жадой уже благословен, и он, конечно, получит ответ в виде переживания, хотя это тоже случится не очень быстро. Духовная жажда приведет искателя туда, где она будет удовлетворена — к тем переживаниям и озарениям, которых он ищет. Однако не факт, что они будут такими, какими их предсказывают, предвещают и описывают адвайтисты. Потому что философия хороша для дебатов и книг, но жизнь, Бог и Путь (который адвайтисты, как им и положено, отрицают) шире и глубже любых философских построений.

Есть еще один метод, применяемый в джняна-йоге, и он связан с наблюдением. Это практика осознания, которая тоже подается и объясняется в своей конечной форме. Здесь йогин должен наблюдать за всеми своими проявлениями и действиями как отстраненный свидетель. Наблюдение должно происходить изнутри, а не со стороны, потому что смотреть на себя со стороны можно и с помощью ума, без всякого глубокого осознания. При этом ум занимает позицию стороннего наблюдателя, воображая себя им, и оценивая все действия человека. Оценка не относится к осознанию, она всегда идет от ума с его представлениями о правильном и неправильном. Поэтому пояснение, что наблюдатель должен находиться внутри, указывает именно на осознание происходящего, а не на игру ума в смотрение на происходящее со стороны.

Если человек способен осознавать все происходящее внутри него, а также и собственные действия, отстраненно — значит, он уже достиг весьма высокой степени осознанности. Но к этому искатель приходит только через усилия в разотождествлении, в разделении внимания, и ни у кого не получается сделать это быстро и легко. Так уж мы устроены, и сколько ни

говори себе, что ум со своими мыслями и привязанностями есть не более чем иллюзия, сам процесс возвращивания осознанности от этого не ускоряется и не облегчается.

Логика этой практики заключается в том, что, разотождествившись со всем, что им на самом деле не является, человек может наконец-то увидеть и осознать свою истинную природу, тождественную природе Бога, и осознать, наконец, то заветное, что их природа — одно. То есть осознание здесь используется для достижения все той же цели — осознания единства истинной реальности человека и Бога. Мир в данной концепции никак не рассматривается, потому что он по определению реален весьма относительно, и состояние недвойственности к нему вообще не имеет отношения. Истинная адвайта существует только между дживой и Брахманом, а все остальное — сущий бред и бессмыслица. Но с течением времени меняется все, а потому изменилась и трактовка недвойственности.

Трудно с полной уверенностью сказать, как сейчас обстоят дела с адвайтой в Индии, но, судя по поступающей оттуда информации, горе там точно такое же, как и во всем остальном мире. А в нем сейчас распространена так называемая неoadвайта, которая существенно отличается от исходной адвайта-веданты. Большинство современных учителей неoadвайты прямо или косвенно ведут свое происхождение от Раманы Махарши и пытаются имитировать его методы взаимодействия с людьми. Проблема лишь в том, что Рамана никогда не был истинным адвайтистом, хотя чаще всего и говорил с людьми на языке адвайты. Рамана достиг без изучения писаний и без целенаправленных занятий джняна-йогой — просто Милостью Божьей. Он не собирался становиться учителем, скорее его к этому вынудили, и мне очень нравится читать, как более поздние учителя новой адвайты рассказывают на каждом углу, что они не хотели бы никого учить, но люди приходят, и поэтому учить как бы надо. Махарши стал объектом тонкого подражания, порой даже не осознаваемого теми, кто ему подражает. Большинство из них хотело бы повторять чудо осознания человеком своего

высшего «Я», которое, судя по воспоминаниям, порой случилось с последователями Махарши в его присутствии. Поэтому на своих встречах они стремятся направить внимание человека на него самого, на то, что есть здесь и сейчас, и всем бы хотелось, чтобы тот начал безумно смеяться и объявил о том, что наконец-то все понял. Почему-то именно смех считается у неoadвайтистов главным доказательством постижения человеком своей истинной природы. Поэтому самые способные из них смеются часто и помногу, а те, у кого актерские способности развиты несколько хуже, просто улыбаются по мере сил. Смех во время просветления или озарения — обычный штамп, этакий стереотипный образ, не очень-то верный, зато понятный и наглядный. Пападжи распространял видео с безумным смехом, нападавшим на людей, которых он как бы привел к осознанию «Я», но реальность всего это стоит недорого.

В любом случае все новые учителя оглядываются на Раману, пытаясь действовать в том же ключе. Но проблема в том, что Махарши-то как раз и не действовал, а плыл по течению, которое и принесло его к адвайте.

Махарши ничего не отрицал, как это принято в адваите, наоборот, он давал позитивный образ высшего «Я». Джива, или индивидуальная душа, уже несколько устарела для описания внутренней природы человека, вот и пришлось несколько обновить образ. Опыт Раманы был куда шире того, что ему пришлось говорить, но требования последователей и необходимость говорить с ними на одном языке привела к необходимости найти его. Махарши нашел нужные слова в индуистских текстах, которые начал читать уже после того, как покинул пещеру и вокруг него стали собираться люди. До этого он ни в каких писаниях не нуждался. Но чтобы найти возможность более-менее адекватного выражения своего опыта, ему пришлось прибегнуть к тому, что было написано до него, и к тому языку, который уже был известен его слушателям. Так

родилось его «адвайтистское» послание, которое постоянно перемежается совсем неадвайтистскими понятиями. Чего стоит, например, его упоминание Сердца, в котором и обнаруживается пресловутое «Я» человека. Но все это сейчас игнорируется как не относящееся к делу. Как известно, мертвый святой куда удобнее живого — потому что с ним можно делать все, что заблагорассудится.

Проблем с посланием Махарши больше, чем кажется на первый взгляд — особенно на взгляд человека, совсем не имеющего духовного опыта. Это, по правде говоря, относится не только к книгам с текстами Махарши, но и ко всем книгам подобного рода вообще. Вы начинаете читать текст, в котором используется масса непонятных вам поначалу терминов, говорится о том, чего вы еще не чувствуете и не знаете, и вам остается либо всему этому поверить и все принять за чистую монету, либо отринуть написанное как не соответствующее вашим ожиданиям и обусловленности. А если вы еще читаете текст, созданный в иной культуре, в другом времени и для людей, которые находились в ситуации, очень отличающейся от вашей, то здесь разобраться в сути его будет практически невозможно. Но не вполне понятный текст все равно будет оказывать влияние на ваш ум и, с одной стороны, станет мотивировать вас к действию, с другой — вживлять в ваш ум новые, доселе невиданные представления.

Этим пользуются лжеучителя — они начинают говорить с людьми, используя бесконечные иноязычные термины, и слушателям видится в этом проявление великой компетентности. Читая тексты любой конфессии или традиции, вы должны выучить сначала их язык, но и это никогда не гарантирует вам полного понимания их послания.

И хорошо, если текст попадает такой, в котором Истина отражена хотя бы частично, и плохо — если в нем ее нет совсем или же она дается в сильном искажении. Истина,

конечно, никогда не может быть отражена словами во всей своей полноте, и она чаще всего подвергается упрощению, но есть и еще один фактор, сводящий пользу духовных текстов на нет. Он возникает из *ограничений* каждого конкретного мистика, который в силу особенностей своего достижения духовной трансформации знает только определенную ее часть, а остальное додумывает на потребу публике.

Есть вопросы, не имеющие ответов, и есть ученики, влияющие на Учителя. Я уже писал, что качество учеников прямо влияет на то, о чем говорит Мастер, и на ту форму, которую он выбирает для выражения Истины. Что бы там ни говорилась в индуистских мифах о всезнании просветленных — его попросту не существует. Каждый мистик ограничен уровнем знания своего времени и той Работой, которую ему необходимо выполнить. Всезнание есть только у Бога, и слова любого мистика все равно не отражают всех аспектов Истины, и часто вольно или невольно они несут в себе неправду или неправильные определения. К этому следует относиться спокойно, но для начинающих подобные тексты мистиков несут в себе все новые ловушки, в которые попадает их ум, а вместе с ним — и они сами. По этой причине последователи большинства мистиков не попадают туда, куда стремятся, — ведь их путь сразу проложен неверно. И как бы печально это ни звучало, но запутанность путей практик и методов тоже создается самими мистиками, которые просто не умеют или не могут их более-менее толково разъяснить или не понимают сути своего достижения.

Рамана Махарши достиг преобразования по Милости Бога, для получения которой, насколько нам известно, он ничего не предпринимал. Этот выдающийся факт наложил отпечаток на всю его дальнейшую деятельность. И сколько ни говори о величии Махарши как мистика, сколько ни соглашайся с ним по вопросам выражения высшей Истины, но некоторые его

слова не очень-то помогают в достижении той цели, которую он сам и обозначает.

Самовопрошание, которое заключается не только в повторении вопроса «Кто я?», а сопровождается постоянным направлением внимания внутрь себя (как на это указывал Махарши), — дело, конечно, хорошее. Направление внимания внутрь себя — вообще основа любого духовного развития и одно из условий для обретения трансформации. И осознанность возвращается путем наблюдения тела, эмоций и мыслей — это факт. Но когда предлагается конкретная задача — осознание высшего «Я» или Самости (по Махарши), то направлять внимание нужно именно таким образом, чтобы эту Самость обнаружить. То есть и без того непростая задача по удержанию внимания в неотожествлении становится еще более сложной.

Обычно практика осознания основана на непривязанности — то есть отстранении от всего, что наблюдаешь, не внося в это дело ум, то есть не оценивая то, что видишь. Даже если некая оценка возникает, то она тоже наблюдается, как и все остальное. На этом принципе стоит вся внутренняя работа — смотреть без желания, осуждения и всего, что исходит от ума. Так, собственно, и достигается разотождествление с умом. Если человек хочет поработать с конкретным, например, желанием или лучше его осознать, то он смотрит внутрь с намерением «вытащить» данное желание на свет, и тогда он использует силу осознания для решения конкретной задачи. Попытка прямо осознать свою Самость — задача такого же рода, вот только желание обнаружить куда проще, потому что оно само хочет быть обнаруженным. Когда мы смотрим на желание — мы смотрим в ум, в котором оно лежит. Куда нам смотреть, если мы хотим увидеть Самость? Ответ «в никуда» не подходит, потому что практика осознания и есть смотрение на все, что происходит, но конкретно — в никуда, и никакой Самости при этом не обнаруживается.

Если просто осознавать все, что происходит внутри, то можно полностью осознать тело, в котором после этого постоянно будет присутствовать доля внимания — во всем теле сразу. Можно отследить и прочувствовать энергии эфирного тела — начиная с довольно грубых эмоциональных энергий и заканчивая более тонкими, которым и названия-то не придумано. Еще осознается ум с его движениями, мыслями, желаниями и реакциями. С его помрачениями, беспокойствами и слоями, на которых происходит разная активность. По мере осознания всего этого разотождествление внимания с наблюдаемыми объектами растет, и тогда появляется ощущение *свидетеля* — то есть некоего центра, из которого человек видит ум и все прочее. Но свидетеля нельзя назвать Самостью, потому что это всего лишь новая точка фиксации внимания человека, которая смещается из своего прежнего положения в новое, становясь как бы «над» умом, но при этом не покидая пределов эфирного тела или тела ума. Свидетель не самостоятелен, он существует некоторое время, и по мере роста осознанности он исчезает напрочь, а вся его функция — смотреть, то есть проводить свет индивидуального человеческого Сознания «вниз» — к уму и другим двум телам. Никакого другого центра, особого тела или субстанции, которую можно было бы назвать Самостью, обнаружить не удастся. А значит, ее можно только придумать.

Сам Махарши утверждал, что Самость (высшее «Я») обнаруживается в духовном Сердце, расположенном в правой половине грудной клетки. И тут снова нужно попытаться разобраться, что же имеется в виду. Известно, что все духовные учителя призывают человека идти внутрь, в себя самого. Но где это «внутри» и куда там идти, искателю сначала совсем непонятно. Там темно, и нет никакого пространства, в которое можно было реально войти. При условии, что искатель упорно осознает себя, пространство это открывается, но это, конечно,

не вхождение в пространство физического тела. Нашему вниманию становится доступным пространство эфирного тела и тела ума, которые по мере осознания себя очищаются от подавленных в них энергий. Это первый шаг внутрь, пространство может быть вначале очень небольшим, но по мере роста осознания человека, по мере осознания им своих подавленных эмоций, желаний и чувств оно продолжает увеличиваться. А потом открывается Сердце.

Я уже много писал о Сердце в других своих книгах и не вижу необходимости останавливаться на этом вопросе слишком подробно. Скажу только, что если внутреннее пространство открывается для нашего осознания вследствие приложенных нами усилий, то открытие Сердца происходит как Милость, как мистический акт, и мы не можем вызвать его только своими усилиями. Чаще всего оно происходит тогда, когда мы отказываемся от усилий, принимая то, что есть. И поскольку пространство Сердца уже не относится к внутреннему пространству, а служит дверью в иные измерения — и к Богу, и к переживанию такого локального ощущения бесконечности, — то его можно принять за высшее доступное человеку переживание.

Махарши говорил о духовном Сердце, расположенном справа, как бы напротив физического сердца. Некоторые суфии говорили об этом же, но Сердце может ощущаться и в центре груди, а пространство, открывающееся с ним, вообще ведет нас к утрате границ, хотя, чтобы в него войти, нужно направить внимание в Сердце. Локализация ощущения Сердца может несколько отличаться, но суть его — как двери в запретное, не меняется ни у кого, кто пришел к полному его открытию. Да, погружаясь в Сердце, человек испытывает ощущение покоя, безмятежности и, если угодно, безмолвия. Но можно ли называть эти состояния Самостью человека? Если нет, тогда и в Сердце никакой Самости мы не обнаружим,

потому что оно — просто канал, связывающий человека с высшими уровнями Бытия.

И вот что получается: пытаясь сформулировать свое переживание на языке священных текстов, Махарши столкнулся с необходимостью как-то описать дживу, индивидуальную душу, которая должна, будучи обнаруженной, быть тождественной Богу. Иначе от писаний следовало бы отойти, но многочисленные ортодоксальные последователи вряд ли сумели бы это принять. Да и необходимости в собственном выражении, судя по всему, у Махарши не было. Вот и появилось высшее «Я» — оно же Самость, которую, как ни ищи, сыскать невозможно.

Махарши ничего не отрицал, как это принято в адвайте, наоборот, он давал позитивный образ высшего «Я». Джива, или индивидуальная душа, уже несколько устарела для описания внутренней природы человека, вот и пришлось несколько обновить образ. Опыт Раманы был куда шире того, что ему пришлось говорить, но требования последователей и необходимость говорить с ними на одном языке привела к необходимости найти его. Махарши нашел нужные слова в индуистских текстах, которые начал читать уже после того, как покинул пещеру и вокруг него стали собираться люди. До этого он ни в каких писаниях не нуждался. Но чтобы найти возможность более-менее адекватного выражения своего опыта, ему пришлось прибегнуть к тому, что было написано до него, и к тому языку, который уже был известен его слушателям. Так родилось его «адвайтистское» послание, которое постоянно пережегается совсем неадвайтистскими понятиями. Чего стоит, например, его упоминание Сердца, в котором и обнаруживается пресловутое «Я» человека. Но все это сейчас игнорируется как не относящееся к делу. Как известно, мертвый святой

куда удобнее живого — потому что с ним можно делать все, что заблагорассудится.

Проблем с посланием Махарши больше, чем кажется на первый взгляд — особенно на взгляд человека, совсем не имеющего духовного опыта. Это, по правде говоря, относится не только к книгам с текстами Махарши, но и ко всем книгам подобного рода вообще. Вы начинаете читать текст, в котором используется масса непонятных вам поначалу терминов, говорится о том, чего вы еще не чувствуете и не знаете, и вам остается либо всему этому поверить и все принять за чистую монету, либо отринуть написанное как не соответствующее вашим ожиданиям и обусловленности. А если вы еще читаете текст, созданный в иной культуре, в другом времени и для людей, которые находились в ситуации, очень отличающейся от вашей, то здесь разобраться в сути его будет практически невозможно. Но не вполне понятный текст все равно будет оказывать влияние на ваш ум и, с одной стороны, станет мотивировать вас к действию, с другой — вживлять в ваш ум новые, доселе невиданные представления.

Этим пользуются лжеучителя — они начинают говорить с людьми, используя бесконечные иноязычные термины, и слушателям видится в этом проявление великой компетентности. Читая тексты любой конфессии или традиции, вы должны выучить сначала их язык, но и это никогда не гарантирует вам полного понимания их послания.

И хорошо, если текст попадаете такой, в котором Истина отражена хотя бы частично, и плохо — если в нем ее нет совсем или же она дается в сильном искажении. Истина, конечно, никогда не может быть отражена словами во всей своей полноте, и она чаще всего подвергается упрощению, но есть и еще один фактор, сводящий пользу духовных текстов на нет. Он возникает из *ограничений* каждого конкретного мистика, который в силу особенностей своего достижения

духовной трансформации знает только определенную ее часть, а остальное додумывает на потребу публике.

Есть вопросы, не имеющие ответов, и есть ученики, влияющие на Учителя. Я уже писал, что качество учеников прямо влияет на то, о чем говорит Мастер, и на ту форму, которую он выбирает для выражения Истины. Что бы там ни говорилось в индуистских мифах о всезнании просветленных — его попросту не существует. Каждый мистик ограничен уровнем знания своего времени и той Работой, которую ему необходимо выполнить. Всезнание есть только у Бога, и слова любого мистика все равно не отражают всех аспектов Истины, и часто вольно или невольно они несут в себе неправду или неправильные определения. К этому следует относиться спокойно, но для начинающих подобные тексты мистиков несут в себе все новые ловушки, в которые попадает их ум, а вместе с ним — и они сами. По этой причине последователи большинства мистиков не попадают туда, куда стремятся, — ведь их путь сразу проложен неверно. И как бы печально это ни звучало, но запутанность путей практик и методов тоже создается самими мистиками, которые просто не умеют или не могут их более-менее толково разъяснить или не понимают сути своего достижения.

Рамана Махарши достиг преобразования по Милости Бога, для получения которой, насколько нам известно, он ничего не предпринимал. Этот выдающийся факт наложил отпечаток на всю его дальнейшую деятельность. И сколько ни говори о величии Махарши как мистика, сколько ни соглашайся с ним по вопросам выражения высшей Истины, но некоторые его слова не очень-то помогают в достижении той цели, которую он сам и обозначает.

Самовопрошание, которое заключается не только в повторении вопроса «Кто я?», а сопровождается постоянным направлением внимания внутрь себя (как на это указывал Махарши),

— дело, конечно, хорошее. Направление внимания внутрь себя — вообще основа любого духовного развития и одно из условий для обретения трансформации. И осознанность возвращается путем наблюдения тела, эмоций и мыслей — это факт. Но когда предлагается конкретная задача — осознание высшего «Я» или Самости (по Махарши), то направлять внимание нужно именно таким образом, чтобы эту Самость обнаружить. То есть и без того непростая задача по удержанию внимания в неотождествлении становится еще более сложной.

Обычно практика осознания основана на непривязанности — то есть отстранении от всего, что наблюдаешь, не внося в это дело ум, то есть не оценивая то, что видишь. Даже если некая оценка возникает, то она тоже наблюдается, как и все остальное. На этом принципе стоит вся внутренняя работа — смотреть без желания, осуждения и всего, что исходит от ума. Так, собственно, и достигается разотождествление с умом. Если человек хочет поработать с конкретным, например, желанием или лучше его осознать, то он смотрит внутрь с намерением «вытащить» данное желание на свет, и тогда он использует силу осознания для решения конкретной задачи. Попытка прямо осознать свою Самость — задача такого же рода, вот только желание обнаружить куда проще, потому что оно само хочет быть обнаруженным. Когда мы смотрим на желание — мы смотрим в ум, в котором оно лежит. Куда нам смотреть, если мы хотим увидеть Самость? Ответ «в никуда» не подходит, потому что практика осознания и есть смотрение на все, что происходит, но конкретно — в никуда, и никакой Самости при этом не обнаруживается.

Если просто осознавать все, что происходит внутри, то можно полностью осознать тело, в котором после этого постоянно будет присутствовать доля внимания — во всем теле сразу. Можно отследить и прочувствовать энергии эфирного тела — начиная с довольно грубых эмоциональных энергий и

заканчивая более тонкими, которым и названия-то не придумано. Еще осознается ум с его движениями, мыслями, желаниями и реакциями. С его помрачениями, беспокойствами и слоями, на которых происходит разная активность. По мере осознания всего этого разотождествление внимания с наблюдаемыми объектами растет, и тогда появляется ощущение *свидетеля* — то есть некоего центра, из которого человек видит ум и все прочее. Но свидетеля нельзя назвать Самостью, потому что это всего лишь новая точка фиксации внимания человека, которая смещается из своего прежнего положения в новое, становясь как бы «над» умом, но при этом не покидая пределов эфирного тела или тела ума. Свидетель не самостоятелен, он существует некоторое время, и по мере роста осознанности он исчезает напрочь, а вся его функция — смотреть, то есть проводить свет индивидуального человеческого Сознания «вниз» — к уму и другим двум телам. Никакого другого центра, особого тела или субстанции, которую можно было бы назвать Самостью, обнаружить не удастся. А значит, ее можно только придумать.

Сам Махарши утверждал, что Самость (высшее «Я») обнаруживается в духовном Сердце, расположенном в правой половине грудной клетки. И тут снова нужно попытаться разобраться, что же имеется в виду. Известно, что все духовные учителя призывают человека идти внутрь, в себя самого. Но где это «внутри» и куда там идти, искателю сначала совсем непонятно. Там темно, и нет никакого пространства, в которое можно было реально войти. При условии, что искатель упорно осознает себя, пространство это открывается, но это, конечно, не вхождение в пространство физического тела. Нашему вниманию становится доступным пространство эфирного тела и тела ума, которые по мере осознания себя очищаются от подавленных в них энергий. Это первый шаг внутрь, пространство может быть вначале очень небольшим, но по мере роста

осознания человека, по мере осознания им своих подавленных эмоций, желаний и чувств оно продолжает увеличиваться. А потом открывается Сердце.

Я уже много писал о Сердце в других своих книгах и не вижу необходимости останавливаться на этом вопросе слишком подробно. Скажу только, что если внутреннее пространство открывается для нашего осознания вследствие приложенных нами усилий, то открытие Сердца происходит как Милость, как мистический акт, и мы не можем вызвать его только своими усилиями. Чаще всего оно происходит тогда, когда мы отказываемся от усилий, принимая то, что есть. И поскольку пространство Сердца уже не относится к внутреннему пространству, а служит дверью в иные измерения — и к Богу, и к переживанию такого локального ощущения бесконечности, — то его можно принять за высшее доступное человеку переживание.

Махарши говорил о духовном Сердце, расположенном справа, как бы напротив физического сердца. Некоторые суфии говорили об этом же, но Сердце может ощущаться и в центре груди, а пространство, открывающееся с ним, вообще ведет нас к утрате границ, хотя, чтобы в него войти, нужно направить внимание в Сердце. Локализация ощущения Сердца может несколько отличаться, но суть его — как двери в запредельное, не меняется ни у кого, кто пришел к полному его открытию. Да, погружаясь в Сердце, человек испытывает ощущение покоя, безмятежности и, если угодно, безмолвия. Но можно ли называть эти состояния Самостью человека? Если нет, тогда и в Сердце никакой Самости мы не обнаружим, потому что оно — просто канал, связывающий человека с высшими уровнями Бытия.

И вот что получается: пытаюсь сформулировать свое переживание на языке священных текстов, Махарши столкнулся с необходимостью как-то описать дживу, индивидуальную душу,

которая должна, будучи обнаруженной, быть тождественной Богу. Иначе от писаний следовало бы отойти, но многочисленные ортодоксальные последователи вряд ли сумели бы это принять. Да и необходимости в собственном выражении, судя по всему, у Махарши не было. Вот и появилось высшее «Я» — оно же Самость, которую, как ни ищи, сыскать невозможно.

Понятие высшего «Я» возникло как противопоставление «я» низшему, которое традиционно соотносится с человеческим эго, рождаемым в уме. Высшее «Я» должно было находиться вне ума и представлять собой нашу высшую неизменную индивидуальную природу. Индивидуальная душа — как нечто вечное и имеющееся у каждого — вполне подходила для этой роли. С одной стороны, ее наличие объясняло странное и необъяснимое ощущение того, что смерти нет, которое знакомо каждому, а с другой — полностью согласовывалось с древними версиями творения мира. Поэтому версия индивидуальной души, которая, с одной стороны, полностью соответствовала личности человека и несла на себе его грехи, а с другой — была бессмертной, то есть неизменной, — существовала очень долго, да и до сих пор широко распространена.

Если рассматривать вопрос души на уровне общепринятых представлений, то мы должны признать, что если вечная душа предопределяет все особенности личности человека, все его плохие и хорошие черты (ведь она вечная, а значит — неспособная к изменению, ведь то, что может измениться, вечным быть не может), то, значит, и то, что сейчас определяют как эго,

тоже есть часть души. И тогда она никак не может ни в чем быть одним с Богом, кроме разве что своего бессмертия. А если она реально неизменная, то все причуды тела для нее ничего не значат, и тогда она не имеет черт конкретного человека, с которым как бы соединена, а потому судить ее на Страшном Суде совершенно не за что. Это противоречие прекрасно осознавалось многими мистиками древности, и они искали выход через усложнение описания строения человека, вводя, например, понятие Духа, который был выше души и нес в себе эту самую неизменность и тождественность Богу. Но уровень общих знаний всегда предопределяет невозможность более ясных формулировок и вообще глубокого уточнения вопроса. Просто не существует подходящих терминов, нет соответствующих понятий, и потому мистикам приходится обходиться тем, что есть, а остальное называть невыразимым. Или придумывают какие-то свои термины, но поднять их выше уровня общего знания все равно особенно не получится, потому что все объяснения нужны не столько мистикам, сколько тем, кто их слушает.

В наше время для определения вечной и неизменной части человеческого существа почти все пользуются термином «сознание». Он, безусловно, отражает ситуацию куда лучше и души, и Самости. Но и тут у современных адвайтистов далеко не все гладко.

Следуя прежней адвайтистской логике противопоставления мира и дживы, или высшего «Я» и низшего, сейчас учителя недвойственности накинудись на ум. Идея низшего «я», о котором сейчас почти не говорят, но которое базируется в уме, приводит к тому, что одним из главных объектов адвайтистского отрицания становится ум, его мысли и вообще все, что с ним связано. Ум стал главной адвайтистской иллюзией нашего времени, и тут нельзя не отметить, что современный уровень знаний заставил их отказаться даже от классически «правильных» утверждений Шанкары. Довольно глупо сейчас называть мир иллюзией, а вот с иллюзиями, порождаемыми умом, сейчас в разной степени знакомы почти все. Тем более что современные учителя недвойственности совсем не заморачиваются объяснениями устройства мира, считая и их мыслями, которые надо отринуть. Отринуть нужно все, кроме Атмана, который теперь тоже как бы отождествляется с сознанием, хотя в Упанишадах означал все то же высшее «Я» и Абсолюта, осознающего самого себя. Нужно смотреть на своего маленького Атмана, и это приведет к осознанию Атмана большого, то есть к осознанию

того, что ты и Абсолют — одно и то же. Старая добрая мечта адвайтистов. Для ее воплощения сейчас — помимо вышеприведенных методов — предлагается осознать свидетеля, или осознать осознание. Но это из того, что вообще можно назвать хоть какой-то практикой. Потому что нередко просто предлагается понять здесь и сейчас, что ты не тело, не ум — и так далее, по списку. А само понимание и приведет тебя к искомому результату. Получается этакая джняна-йога-лайт.

С моей точки зрения, термин «сознание» наиболее точно описывает *то, что есть*, но употребление старинных терминов придает речам новых учителей пущей значимости. Но вернемся к рекомендациям осознать сознание или «обратить внимание на того, кто смотрит». По логике, надо обратить внимание внутрь или куда-то еще и направить его на его же источник. Подобные вещи нередко говорил Ошо, но проблема в том, что это в принципе невыполнимо.

Канализатором внимания, которое является функцией Сознания, является ум и ничего больше. Если он знает, на что смотреть и где расположен объект, требующий внимания, то особых затруднений нет. Если же объект находится непонятно где, то ум становится бесполезным, а само внимание не имеет собственной активной силы. Оно всегда смещается к самому сильному раздражителю — будь то громкий звук или непреодолимое желание. Что Сознание, что внимание — пассивны, и вы не можете заставить внимание перемещаться, если не используете ум. Если же вы перестаете использовать его, то внимание начинает блуждать само туда-сюда, наружу или внутрь — в зависимости от того, где возникают новые раздражители. Ничего тут больше не придумаешь и не изобретешь, и вся суть работы с осознанностью — сделать так, чтобы ваш канал внимания максимально расширился и пассивный свет Сознания стал постоянно присутствовать во всех ваших телах одновременно. Когда вы наполнены энергией Сознания, когда

оно проявилось в вас со всей возможной силой, тогда ум, как канализатор внимания, перестает быть сильно нужным, потому что все внутри, включая и его тоже, уже находится в его поле. Так это происходит, и нет никакой возможности изменить каким-нибудь сверхусилием эту ситуацию. Поэтому задача на осознание непонятого внутреннего объекта чаще всего приводит к тому, что объект этот создается внутри ума, и там же происходит процесс его «наблюдения».

Сознание нельзя наблюдать еще и потому, что внимание — это исходящий от него свет, который развернуть в обратную сторону тоже невозможно. В Сознании нет центра, потому что сила его одинакова в каждой точке его присутствия, но это познается в полной мере только тогда, когда оно в высокой степени явлено в твоём бытии. Свидетель — промежуточное звено, временная фиксация, но и на него посмотреть невозможно, потому что он возникает тогда, когда человек уже в достаточной степени разотождествился с умом, и как только ум начинает выполнять функцию канализатора внимания, свидетель благополучно исчезает. А потом, при возвращении к усилию по разотождествлению, снова начинает ощущаться. И называть его высшим «Я» по отношению к низшему «я» ума можно только весьма условно.

Если уж говорить о высшем «Я» серьезно, то надо признать, что понятие это изначально условное. Оно было введено, чтобы как-то обозначить то, что является вечным и неизменным в человеческом существе и принадлежит человеку только отчасти. И тут проблема в том, что Сознание не нуждается в самоидентификации, какая, например, нужна человеческой личности. «Я» возникает вследствие необходимости отделения себя от других — для адекватного общения с ними, для самоосознания и самоопределения. Это разделение появляется вследствие взросления человека, как один из важных его этапов. Можно отрицать все — дурное дело, как говорится,

нехитрое. Но выступать против ума вообще — как некоего источника двойственности и разделения вещей — совсем неразумно. Ум нужен для выживания в мире, и если вы не хотите им пользоваться, то уходите из мира — или в полное отшельничество, или на тот свет. Но и в отшельничестве вам придется пользоваться умом, или вас кто-то должен будет кормить, поить и содержать за свой счет.

Итак, низшее «я» необходимо для жизни в мире, а высшее придумано древними мудрецами как способ обозначения того, что в нас вечно. Если бы у некоего высшего «Я» имелся центр, то, наверное, его можно было бы осознать, увидеть или ощутить. Махарши (а за ним и другие) учил, что если суметь привести ум в спокойное состояние, в состояние безмолвия, тогда и можно ощутить Самость. Но если проверить данное утверждение, то выяснится, что помимо покоя, на который так любил указывать Бхагаван, появится ощущение *присутствия* в себе. Так ощущается Сознание, проявляющееся в нашем внутреннем пространстве, но это присутствие тоже не имеет центра, и тем более в нем нет никакого «Я». Но даже это присутствие поначалу ощутить сложно, потому что оно развивается по мере роста осознанности, по мере все более полного проявления Сознания в бытии человека. И сначала, действительно, кроме некоторого покоя на фоне ума, замедлившего свое движение, ничего больше ощутить и не удастся. Хотя, чтобы суметь успокоить ум, не подавив его активности, а просто выведя из него внимание, в силу чего он сам постепенно успокаивается, нужно уже иметь высокий уровень осознанности.

Но даже обретение всей полноты Сознания, с сопутствующим ей разотождествлением от ума и всего прочего, еще не гарантирует обретения недвойственности в ее изначальном смысле — переживания того, что твое Сознание и Бог — одно.

В историях адвайтистов о самих себе всегда присутствует элемент озарения, некоего прозрения, после которого они, собственно, и поняли все про недвойственность. Я бы сказал, что внезапная вспышка осознания или чего-то подобного есть часть их религии. Такое, как мы знаем, случилось с Махарши в шестнадцатилетнем возрасте, и такие же вещи — в разных вариациях — рассказывает о себе большинство современных учителей адвайты. Озарение или что-то вроде этого стало неотъемлемой частью мифологии адвайты, и без рассказа о нем учителем в ней стать не получится. Объяснить природу данного озарения они обычно не могут, и все сводится к тому, что оно наступило внезапно, принеся с собой ясное прозрение недвойственности. Ну, или что-то подобное.

На основе внезапности этих прозрений адвайтисты отрицают наличие духовного Пути и его необходимость. Им кажется, что разрыв восприятия и его изменение ничем не обусловлены и из их историй ровно это и следует. Какой уж тут, действительно, Путь. Не понимая природы своих озарений, они тем не менее понимают недвойственность и почему-то начинают ей учить, отрицая возможные пути достижения и

уповая на озарение без причины. Более того, главным фокусом, к осуществлению которого стремятся нынешние учителя на своих выступлениях, становится искусственное создание озарения в том, кто задает им вопрос. Это, говорят, получалось когда-то у Махарши. Нечто странное, но о том же, мы наблюдаем на видео с Пападжи. И, в общем, большинству современных учителей адвайты хотелось бы стать источником чуда прозрения человека, который к ним обратился. Ведь тогда все их учительство обрело бы хоть какой-нибудь смысл.

Когда учителю адвайты задают вопрос, весь ответ всегда сводится к тому, что сам вопрос не имеет смысла, потому что он — просто мысль в уме, а потому нужно идти к осознанию сути, к осознанию того, кто его задает. Отвечающий просто пытается вернуть человека в состояние пребывания в здесь и сейчас, повернув внимание вопрошающего к самому себе. Именно этот поворот, как считается, и может привести к озарению. Но с озарением есть одна проблема — источник его адвайтистам неизвестен, хотя они по наитию предполагают, что внутреннее преображение может произойти от «открытия» человеком своей внутренней природы. То есть если его правильно толкнуть, все время повторяя: «А кто это чувствует? А кто задается этим вопросом?» — и так далее, то может произойти такой поворот, который сразу изменит восприятие человека. Но если говорить серьезно, то вся эта игра в ответы вопросом на вопрос может, конечно, привести вопрошающего к осознанию некоторой глупости и бессмысленности его вопросов, но эффект данного «прозрения» продлится совсем недолго. Ум, даже застопорившийся от обращения внимания на себя самого, все равно снова разгонится, и вопросы вернуться. И даже если человеку удастся получить некий ключ к обращению себя внутрь, это все равно не то озарение, которого хотелось бы участникам подобных встреч.

Достигнуть сиюминутного пребывания в «здесь и сейчас»

может любой психически уравновешенный человек. Он выйдет из грез своих отождествлений ненадолго, но выйти все-таки может. Поэтому обратить человека к тому, чтобы он вернулся на пару минут в состояние присутствия в себе, не так уж и сложно. А вот привести его к озарению куда сложнее — если вообще возможно.

У большинства тех, кто пытался разбираться с вопросами просветления, никогда не было особой ясности с причинами, по которым оно происходило. И это понятно — ведь просветление пришло к нам из буддизма, а там нет Бога — только пустота и нирвана. Поэтому сам феномен просветления связывался с медитацией, очищением ума от желаний и ростом осознанности. И все это в результате приводило человека к столь прекрасному состоянию, как просветление. Существуют самые разные описания просветления, которые порой столь нелепы, что даже не знаешь, как к ним относиться. Как к фантазиям их авторов, разве что. Большинство же сходится на том, что в некий момент Сознание как бы взрывается внутри человека, и он становится просветленным. То ли энергия Сознания направляется на самое себя, что и приводит к взрыву, то ли происходит полное разотождествление человека со всеми его «низшими» телами, и оттого свет Сознания становится свободным и взрывается, меняя структуры его носителя, — сказать трудно, но примерно такие объяснения дают нам в течениях, где Господь и Его влияние никак не учитываются.

Тот, кто практикует осознание достаточно успешно, со временем понимает, что энергия Сознания влияет на все энергии человека, но никогда не приводит их к какой-либо трансформации. Осознание гнева не меняет гнев. Осознание желания не меняет его содержания и сути. Осознание приводит к очищению внутреннего пространства человека и утончению его восприятия, вот и все. Надеяться на то, что количество проявленной энергии Сознания может изменить

качество его действия, конечно, можно, но и это в итоге не подтверждается. У человека внутри нет необходимой энергии, которая могла бы вызвать его духовную трансформацию, и это известно всем мистикам — с самых древних времен. Мы не можем вызвать ее сами, потому что наши энергии — включая энергию Сознания — для этого не предназначены. Импульс, приводящий человека к *качественному изменению*, может быть получен только извне, и никак — изнутри. Это может нравиться или не нравиться, с этим можно спорить до хрипоты, но дела обстоят именно так.

Импульс высшей энергии, необратимо меняющей человека, суфии называют Милостью Бога. Это и есть милость, потому что заслужить ее нельзя, но можно приготовить себя к ее схождению. Те, кто служит Богу, кто взаимодействует с Ним, следуя Его Воле, со временем обретают возможность ясно ощущать вхождение того или иного импульса в свое внутреннее пространство. Есть импульсы Воли или Знания, и есть импульс Милости, который дает человеку настоящую, а не придуманную, трансформацию. Те, кто получает импульс Милости один или два раза в жизни, не могут толком понять, что с ними произошло. Поскольку мистики, служащие Богу, получают много подобных импульсов, для них трудности различения со временем перестают существовать, и они всегда точно знают, что с ними сейчас происходит. Кроме того, они могут отслеживать действие импульса Милости внутри себя и видеть его результаты, отчего их понимание становится еще более глубоким.

Когда опыт трактуется неверно, когда нет понимания того, что произошло, рассчитывать на адекватную передачу и изложение опыта уже не приходится. А когда нет должного понимания, то и надеяться на то, что из этого родится полезная для искателей практика, можно только от большого желания и детской наивности. Если ты не понимаешь причин того, что с

тобой случилось, то ты не понимаешь, в конце концов, и того, *что случилось*, и случилось ли вообще хоть что-то. В этом заключается проблема большинства нынешних так называемых просветленных, и учителей адвайты тоже. Они, конечно, себя просветленными не называют и даже выступают против понятия просветления, но сути проблемы это не меняет. Озарение в адвайте должно быть получением импульса Милости, и никак иначе, потому что, просто посмотрев в никуда (на Самость или высшее «Я»), к переживанию недвойственности не придешь.

Трансформация не приходит как счастье или приступ безудержного смеха. Трансформация — процесс довольно болезненный, и недаром мистики сравнивают его со смертью и вторым рождением. Описание трансформации мы находим в жизнеописании Махарши, и он, судя по всему, проходил ее как минимум дважды, но не факт, что нам все известно. В его присутствии было нечто большее, чем просто осознанность, но его слова тоже отражали недопонимание произошедшего, поскольку первая трансформация случилась с ним рано и без видимых причин. Потом он учился у Аруначалы, но не думаю, что священной горе — пусть даже она некое воплощение Шивы — можно служить так же, как мистики служат Богу и взаимодействуют с ним.

Описание трансформаций современных учителей адвайты в большинстве своем выглядит куда проще и больше напоминает некий поворот на уровне ума, который позже объявляется истинным достижением. В большинстве из них невозможно увидеть той энергии Запредельного, которая была явлена в Махарши, зато они теперь, все как один, пропагандируют заурядность, считая ее признаком достижения истинной недвойственности. Им невдомек, что простота бытия мистика и заурядность обывателя — совсем разные вещи.

Об импульсе Милости я довольно много писал в других

книгах, здесь же скажу, что теоретически он может быть получен кем угодно, и тут все решает Воля Бога и необходимость Творения. Есть и еще одна необходимость, действующая как закон. Даже если человек не ищет взаимодействия с Богом, а просто практикует осознанность, то сама эта практика приводит его к такому очищению внутреннего пространства, что импульс Милости не может в него не сойти. Когда ваше внутреннее пространство стало пустым, высшая энергия заполняет эту пустоту, запуская процесс духовной трансформации. Ровно так и появляются просветленные — те, кто по-настоящему просветлен. Ведь всегда существует соблазн выдать за просветление некое изменение в уме, который к тому же к нему стремится. А если озарение становится требованием для того, чтобы начать преподносить себя другим в роли человека, достигшего состояния недвойственности, то оно так или иначе произойдет — пусть даже на то не будет явлено никакой Милости.

Мистикам известно такое, что неизвестно всем остальным. Мистики, в частности, знают, что Милость вовсе не обязана приносить человеку переживание тождественности его Сознания с Сознанием Бога. Это познается и так, без того, что должно переживаться в адвайте. Я, например, не уверен, что фраза «Ты есть То» обязательно должна трактоваться в смысле недвойственности и тождественности. Если учесть, что учение адвайты было придумано философом, который пытался отделить истинное от иллюзорного, а существующее от несуществующего, то сомнения эти вполне обоснованы. Если не ввести тождественность индивидуальной души и Брахмана, тогда человек становится частью мира, который весь иллюзорен, и тогда нет смысла философствовать, нет смысла ни в каких действиях и нет смысла вообще. Все иллюзия, мы ее часть, и на этом закончили. В индийской философии были и такие утверждения, не сомневайтесь. Но создать новую философию — еще не значит познать Истину.

То, что индивидуальное Сознание имеет ту же природу, что и Сознание Творца, познается мистиками при достижении определенного уровня развития восприятия и осознанности.

Как только Сознание начинает достаточно сильно проявлять себя в бытии мистика, ему начинает открываться его природа. И то, что этот неизменный и вечный, никогда не исчезающий свет есть дар Господа каждому человеку, открывается довольно быстро.

Энергия Сознания никогда не тратится, не уменьшается и не исчезает. Другое дело, что при сильной усталости мы теряем возможность им управлять, и тогда не получается ни сконцентрировать внимание, ни разделять его, чтобы осознавать себя. Но это не проблемы Сознания, а проявление усталости наших тел, которые оно поддерживает. Свет Сознания всегда есть у нас внутри, но явлен он может быть в большей или меньшей степени — в зависимости от уровня нашей осознанности. Но, поскольку в индивидуальном Сознании все равно нет никакого центра, то его максимальное проявление ощущается как полнота *присутствия*, с вниманием, которое наполняет все тела одновременно — в равной степени, и все, что происходит внутри и снаружи человека, сразу оказывается в поле внимания, а фактически — в поле Сознания. Примерно то же самое можно сказать о Присутствии Бога в нашем мире. Оно разлито везде, везде представлено с одинаковой силой и не убывает от взаимодействия с ним. Только поэтому у мистиков — и вообще всех людей — есть возможность прямого взаимодействия с Богом, которое и осуществляется через контакт с Его Присутствием. Однако Присутствие Бога — еще не Сам Бог, как и индивидуальное Сознание — еще совсем не человек, хотя и важнейшая его составляющая. И вот еще что: энергия Божественного Присутствия отличается по своему качеству от энергии индивидуального Сознания человека, поэтому говорить об их тождественности, увы, не приходится. Сюда не приложить «ты есть то», даже если очень захочется. Или же надо солгать для простоты.

Более двадцати лет назад со мной случилось переживание,

в котором я увидел весь окружающий меня мир наполненным Сознанием. Это было завораживающее зрелище — видеть Сознание во всем, даже в самом маленьком камушке, даже в мельчайшей песчинке. Сейчас я знаю, что тогда увидел энергию, наполняющую мир, но тогда я мог понять открывшееся мне только в рамках имевшегося у меня опыта и представлений. Интерпретация опыта — дело довольно сложное, и потому нельзя переживания подобного рода возводить в абсолют, строя на нем целые системы, как бы объясняющие устройство мира. Любой трансцендентный опыт может быть неверно истолкован изначально, ровно потому, что ваш уровень бытия не позволяет увидеть всю картину, а видя малый ее кусочек, прийти к верному пониманию практически невозможно. Так появляется много ложных знаний или, если угодно, искаженных толкований Истины. Довольствуясь некими проблесками, которые кажутся вам чем-то, передающим высшую Истину, не останавливайтесь на них. Стремитесь к прямому переживанию Истины, и тогда ваше понимание станет более-менее объективным. Но и здесь всегда может случиться так, что новая грань Истины, открывшаяся вам, будет менять ваши представления о прежнем опыте, и это нормально. Те, кто возводит несколько своих переживаний запредельного в некую окончательную истину, всегда ошибаются, додумывая по нескольким кусочкам мозаики всю картину. А додумывать они могут только из тех представлений, что у них есть, вот и возникают описания Реальности христианского, буддийского или индуистского толка, в которых Истина урезана изначально, а потом еще и подогнана под «правильные» представления.

Проблески переживания Божественного Присутствия можно получить на самых ранних этапах Пути и даже вне его. Совсем не обязательно сделаться полностью осознанным, чтобы почувствовать силу Присутствия. Однако познать природу индивидуального Сознания человека тогда, когда оно очень неполно проявлено в его бытии, почти невозможно. Слишком много завес еще остается в уме человека, и они вносят искажения в его видение. Только когда Сознание полностью явило себя, человек может познать его природу и обнаружить его свойства. Однако без импульса Милости все это хорошо, но не приводит к единству с Богом. Даже полностью проявленное в бытии человека Сознание само по себе нисколько не приближает человека к тому, что ищут адвайтисты. Он может точно знать, что его индивидуальное Сознание имеет одинаковую природу с Сознанием Бога, но при этом *переживания* этого не будет. То есть вся недвойственность, если к ней можно отнести подобное знание, все равно останется на уровне ума. Только импульс Милости, через который Господь позволяет человеку обрести иное восприятие и бытие, приносит в итоге переживание чего-то большего. Надо понять,

что индивидуальное Сознание придано человеку ровно для обеспечения его существования в этом мире, и больше никаких функций оно в себе не несет, как бы комуто этого ни хотелось. Более того, и Сознание Бога — всего лишь один из Его атрибутов, и атрибут этот по своему значению никак не выделяется из прочих других; он не главный и не второстепенный — он равен всем остальным.

Полное проявление индивидуального Сознания в бытии человека не приводит к автоматическому объединению его с Сознанием Бога, потому что этого просто не может быть по законам существования мира и людей в нем. Для того, чтобы это произошло и человек пришел к переживанию исчезновения в Боге, должны произойти серьезные изменения и быть открыты новые двери. Именно этому служит ряд энергетических центров, расположенных в эфирном теле человека, и именно через них мы получаем импульсы Милости Бога. Для того чтобы перерасти свои пределы, человек должен быть трансформирован, иначе ему остается только умереть, но не факт, что и это поможет в смысле обретения недвойственности.

В трансформации меняется *качество* человеческих энергий, и тогда появляется возможность того, что суфии называют исчезновением в Боге. Но это, опять же, не совсем тот процесс, который описывают адвайтисты. Исчезновение в Боге означает исчезновение границ между отдельным человеческим существом и Бесконечностью, в которой он, собственно, и исчезает, оставаясь при этом в своем физическом теле. Теряется разделение внутреннего и внешнего пространства, но никак не теряется способность к различению объектов. Некоторые современные учителя адвайты говорят о том, что недвойственность — это осознание того, что все мы — одно. Это, простите, возможно только на уровне ума. И говорить о том, что все мы одно Сознание, — тоже оттуда же. Этот мир полон различных

объектов, и нет смысла искать недвойственности в этом мире. Он разделен, в нем много всего, и каждый человек уникален, а потому глупо механически переносить идею недвойственности на восприятие людей и мира. Это неадекватный подход, очень далекий от реальности.

Индивидуальное Сознание полностью проявляет себя во всех телах человека после максимально возможного расширения канала внимания, через который оно с ними связано. Это происходит по мере выполнения практик осознания и общего роста осознанности. Высокая степень осознанности «вызывает» на себя импульс Милости Бога, но он же может сходить и на неподготовленного человека. Одну необходимость создает тот, кто ищет и осознает себя, а как и из чего возникает другая, Божественная, необходимость — нам знать не дано.

Импульс Милости не может сразу же привести человека к исчезновению в Боге — это нереально. Импульс такой силы просто убьет того, на кого сошел, вот и все. У всех мистиков, получивших импульс Милости без предварительной подготовки, был период адаптации, период изменений и даже повторного получения новых импульсов. Нельзя, начав практически с нуля, одномоментно измениться так, чтобы стать на одну из высших ступеней в возможном развитии человека. На суфийском Пути к исчезновению приводит служение Богу, да и на других Путих без служения в том или ином виде тоже не обойтись. Адвайтисты отрицают само понятие Пути, и потому им остается надеяться только на чудо особой Милости. Или на ум, натренированный таким образом, чтобы все отрицать, кроме великой истины недвойственности.

В исчезновении в Боге человек меняется так, что сливается с Бесконечностью, внутренне исчезая в чем-то невыразимом. Но на этом процесс преображения не заканчивается. Всем без исключения живым существам дан один атрибут Бога —

Сознание. Тот, кто дошел до исчезновения в Боге и прошел через него, начинает получать дополнительные атрибуты, и эта стадия суфийского Пути называется стадией пребывания в Боге. По аналогии с тем, как Сознание наполняет собой все бытие просветленного человека, так и Бог начинает наполнять Собой бытие мистика — с помощью проявления в нем Своих атрибутов. Поскольку каждый мистик получает разные атрибуты — коих бесчисленное множество, — то и проявления пребывания в Боге у них неодинаковые, но все в полной мере уникальные.

Отождествление с «я», созданным эго, заканчивается в момент полного осознания ума. Ощущение полноты присутствия, которое возникает из проявления индивидуального Сознания, заканчивается вместе с исчезновением в Боге. Тогда нет ни того, ни этого, но что-то, безусловно, все-таки есть. И это что-то — многомерно, многогранно, подвижно и изменчиво... и так далее. Но я не уверен, что оно имеет отношение к адвайте.

Почему учение адвайты стало сейчас столь популярным — вполне можно понять. С одной стороны, все измучены умом, с другой — избытком самых разных духовных и эзотерических знаний. Учителя адвайты предлагают простой выход — все на помойку! Выбросьте все знания, выкиньте ум с его мыслями и идите внутрь, к своей истинной природе, к своему «Я». Простые слова, простые решения. Упрощение становится залогом успеха, а древность учения и Рамана Махарши — залогом его истинности. В конце концов, в наш век изодренной лжи не так уж плохо иметь возможность получить простые истины. К тому же, как я уже писал выше, категоричные утверждения как бы предполагают наличие в себе истины, а отрицание всех авторитетов привлекает подростков и личностей, разочарованных в жизни.

Адвайта родилась как философия, и — что бы ни пытались с ней сделать позже — влияние идей, заложенных в нее изначально, остается достаточно сильным. С другой стороны — если убрать эти идеи, то от адвайты ничего не останется. Если следовать главным идеям адвайты, то сразу по обретении переживания недвойственности высшего «Я» с Брахманом человек

должен получать освобождение в прямом смысле — покидая физическое тело, а вместе с ним оставляя этот иллюзорный мир. Погружаясь в единственно истинную реальность. Сейчас, конечно, об этом даже не вспоминают, подразумевая под освобождением избавление от власти ума и его мыслей. Ну, и вытекающее из выключения ума переживание состояния недвойственности, конечно.

Существует тайна того, почему тот или иной человек приходит в поиск высшего смысла, Бога или собственной реализации. Можно сколько угодно рассуждать о карме и перевоплощениях, но тайна от этого меньше не становится. Даже если в прошлой жизни вы уже были искателем, то когда-то ведь была жизнь, с которой все началось. И тогда — либо вы родились искателем, либо — как к этому пришли? Все истории про развитие души не имеют смысла, потому что если что-то может развиваться, то оно не вечно и тоже помрет, не дождавшись вашего очередного перевоплощения. Почему кто-то встает на суфийский Путь, а кто-то ищет полного отсутствия Пути в адвайте? Все это, конечно, можно списать на личные предрасположенности, но ясного ответа на вопрос нет. Так происходит, и все. То же самое можно сказать и об учении адвайты — со всей его расплывчатостью и отрицанием очевидных вещей: оно существует, и все тут. И раз адвайта все еще привлекает людей, значит, она нужна. Хотя бы тем, кто устал от поиска и готов слушать простые, повторяющиеся раз от разу истины. А раз так, то и я скажу: «Господи, на все Воля Твоя!» — и закончу уже этот пространственный текст.

